

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 47 НОЯБРЬ 1981

ИНФОРМАЦИОН о Пленуме Центр Коммунистической па

16 ноября 1981 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1982 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова

«О Государственном бюджете СССР на 1982 год».

На Пленуме с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев. Речь публикуется в печати.

В прениях по докладам выступили тт. Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Т. Я. Киселев — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Г. А. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, О. С. Ми-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы, Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1982 год и Государственного

Одобрить в основном проекты Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы, Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1982 год и Государственного бюджета СССР на 1982 год.

Совету Министров СССР внести указанные проекты на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Целиком и полностью одобрить деятельность Политбюро ЦК КПСС по претворению в жизнь выработанного XXVI съездом партии стратегического курса в области внутренней и внешней политики, осуществлению задач коммунистического строительства.

ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, окружкомам, горкомам и райкомам партии, партийным организациям, советским, профсоюзным и комсо-

мольским органам, министерствам и ведомствам, руководствуясь положениями и выводами, изложенными в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л. И. на Пленуме, сосредоточить внимание на успешном завершении заданий текущего года, выполнении и перевыполнении плана 1982 года и пятилетки в целом. В этих целях направить все усилия на реализацию важнейшей установки партии — повышение эффективности народного хозяйства, его интенсификацию. Максимально использовать имеющиеся возможности для ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда во всех звеньях народного хозяйства, увеличения выпуска и повышения качества продукции. Особое внимание должно быть обращено на значительное улучшение капитального строительства. Осуществить необходимые меры по обеспечению рацио-

Н О Е С О О Б Щ Е Н И Е

а ль н о г о К о м и т е т а

р т и и С о в е т с к о г о С о ю з а

рошхин — второй секретарь ЦК Компартии Казахстана, П. П. Гришкявичус — первый секретарь ЦК Компартии Литвы, В. С. Мураховский — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, Е. В. Качаловский — первый секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины, Б. Е. Щербина — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, В. Н. Голубева — ткачиха Ивановского камвольного комбината

имени В. И. Ленина, К. Н. Беляк — министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства, Н. Д. Худайбердыев — Председатель Совета Министров Узбекской ССР.

Пленум ЦК КПСС принял по обсуждавшимся вопросам соответствующее постановление, которое публикуется в печати.

На этом Пленум Центрального Комитета закончил свою работу.

П Л Е Н У М А Ц К К П С С

н о м и ч е с к о г о и с о ц и а л ь н о г о р а з в и т и я С С С Р

э к о н о м и ч е с к о г о и с о ц и а л ь н о г о р а з в и т и я С С С Р

о г о б ю д ж е т а С С С Р н а 1982 г о д

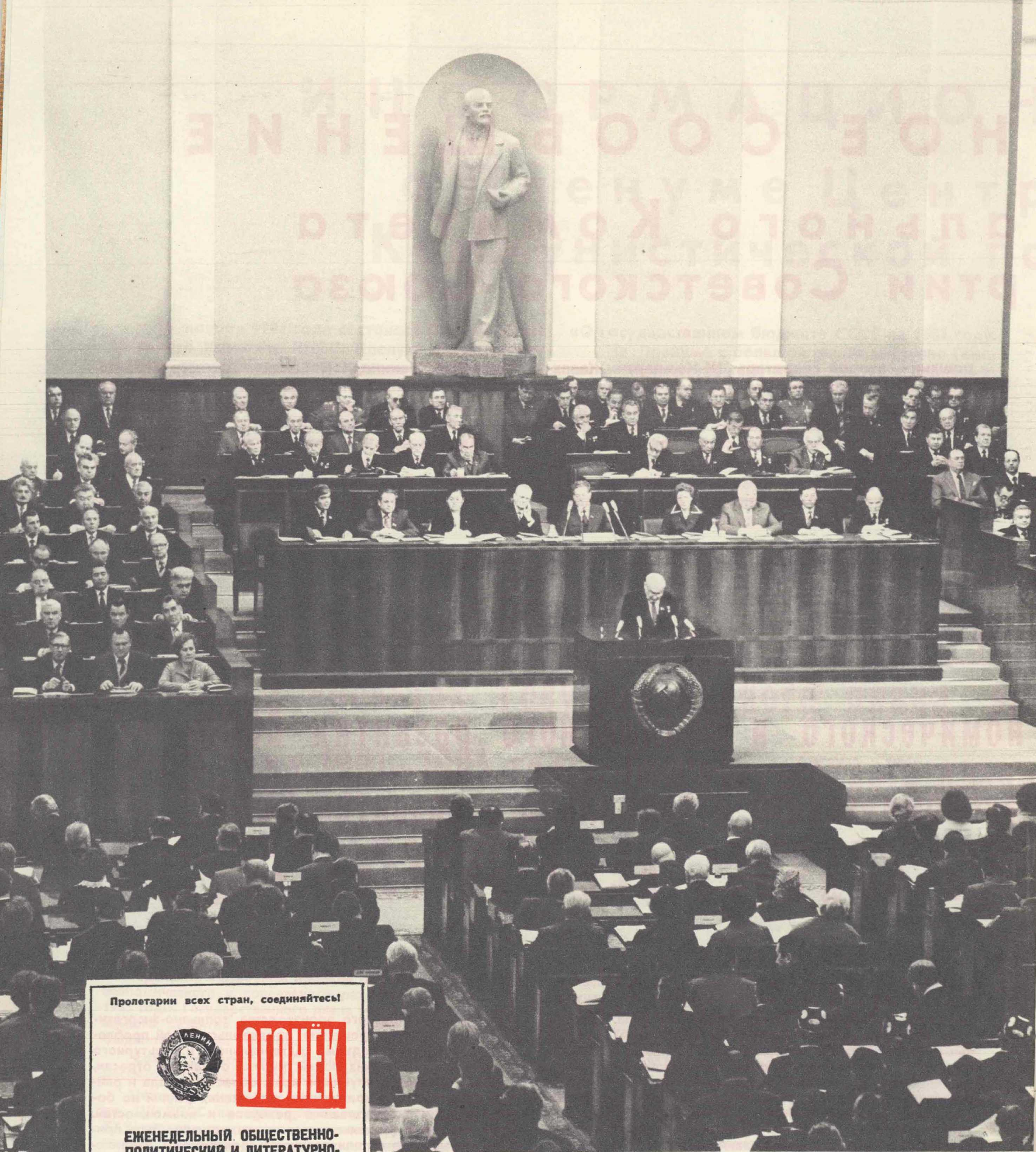
нального и бережного расходования металла, топлива, электроэнергии, сырья и материалов, финансовых и трудовых ресурсов, сделать все для того, чтобы наша экономика была экономной. Поднять роль науки, добиваться более эффективных результатов деятельности научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций. Настойчиво проводить работу по дальнейшему улучшению планирования и управления экономикой, совершенствованию стиля и методов хозяйствования.

Добиваться роста эффективности внешнеэкономических связей, в первую очередь расширения сотрудничества с социалистическими странами.

ЦК КПСС подчеркивает, что намеченные партией крупномасштабные задачи по наращиванию экономического потенциала страны, динамичному развитию промышленного

и сельскохозяйственного производства, топливно-энергетического комплекса, решению продовольственной проблемы, дальнейшему подъему материального и культурного уровня жизни советских людей требуют от каждой отрасли, каждой союзной республики, края, области, города и района, всех трудовых коллективов умножения усилий по более полному использованию резервов и возможностей. Первостепенное значение в связи с этим должно быть придано повышению организованности, деловитости, укреплению государственной и трудовой дисциплины на каждом участке производства, во всех сферах управления.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность, что коммунисты, все трудящиеся еще шире развернут социалистическое соревнование, ознаменуют одиннадцатую пятилетку ударным трудом, новыми успехами в борьбе за выполнение решений XXVI съезда КПСС.

В зале заседаний Верховного Совета СССР.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 47 (2836)

21 НОЯБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

17 ноября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась шестая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

НАУКА ЖИЗНИ

Крупное событие произошло в общественной и литературной жизни страны: опубликованы новые главы «Воспоминаний» Леонида Ильича Брежнева — «Жизнь по заводскому гудку» и «Чувство родины». Огромное волнение охватывает читателя, когда он знакомится с повествованием о жизненной судьбе выдающегося политического деятеля нашего времени, прошедшего путь от заводского слесаря до главы государства, от рядового коммуниста до Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза.

Волнуешься потому, что как бы заново перелистываешь страницы великой истории родной страны и ощущаешь, как биография одного человека сливается с биографией нашей эпохи. Волнуешься потому, что рассказанное близко и понятно, что в нем — биография целого поколения.

О многом можно размышлять при чтении «Воспоминаний» Л. И. Брежнева, но прежде всего думаешь о той огромной роли, которая выпала на долю пролетариата в истории России, в истории Советского государства. «Мне посчастливилось родиться, вырасти, получить трудовую записку в рабочей семье, в большом рабочем поселке. Одно из самых ранних, самых сильных впечатлений детства — заводской гудок. Помню: заря только занимается, а отец уже в спечовке, мать провожает его у порога. Ревет басовитый гудок, который, казалось мне, слышен по всей земле».

Многие люди труда подписались бы под этими словами, имея в виду их главный смысл: «посчастливилось». Пройти рабочую закалку бок о бок с представителями того самого класса, который повернул колесо истории, — этим ли не гордиться!

«Могу сказать, — пишет Леонид Ильич, — что с детских лет мне открылись лучшие черты рабочего человека».

Он великий труженик, ему присуще неиссякаемое терпение, он знает свое дело и привык делать его хорошо. Даже в царское время, даже в условиях эксплуатации ему претила плохая работа, ибо всегда он ценил мастерство и уважал свой труд. Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не привязан к собственности, душа его не убита корыстным расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалист, наделен живым умом и юмором. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам. Заводской гудок всех разом звал на смену, он же и сплачивал рабочих, возникало высокое чувство единения, общности интересов, той пролетарской солидарности, которая миллионы людей, разных по возрасту, опыту, обычаям, национальности, делала могущественным, монолитным, подлинно революционным классом».

К этому классу Л. И. Брежнев принадлежал по рождению, в этой пролетарской среде он воспитан, с ней связан кровными узами. До конца дней его отец Илья Яковлевич оставался рабочим, рабочими были дед, братья матери, и сам он, когда пришел срок, поступил

на завод вместе со своими братьями и сестрами. Многие десятилетия семья Брежневых отдала родному Днепровскому металлургическому заводу, где и сегодня в заводских списках можно найти эту ставшую знаменитой фамилию.

Известно, что рабочий класс был не только главной движущей силой человечества, силой, которая совершила революцию, но и классом, который сумел выделить из своей среды талантливых, умелых, образованных, преданных делу революции организаторов, первоходцев новой жизни. Эти рабочие кадры стали кадрами партийными.

И одним из представителей славной когорты людей ленинского типа стал Леонид Ильич Брежнев.

Уже трилогия «Малая земля», «Возрождение», «Целина» объемно раскрыла то, что роль рабочего класса идеологически воплощена в деятельности партии. Именно с этих позиций Л. И. Брежнев впечатляюще проникает в судьбу рабочего человека. Трилогия стала для многих настольной книгой, своеобразной школой познания народной жизни. В новых главах рассказывается о трудовом пути, об участии Л. И. Брежнева в жизни рабочего коллектива, и мы, читатели, заинтересованно следим, как на наших глазах формируется личность нового типа.

Мне нравится пристрастность повествования, за которой стоит удивительная человеческая судьба, выдающаяся биография. Мне нравится, что пережитое, прочувствованное автором постоянно соотносит с судьбой своего времени, своей эпохи, с судьбой рабочего класса, с судьбой народа. Все в этом повествовании сведено к одному, к главному — показать неразрывную связь рабочего человека, коммуниста с народом.

«Воспоминания» впечатляют тем, что Л. И. Брежнев размышляет не только над фактами и событиями своей личной жизни, но глубоко проникает в пласты времени. Недаром он говорит: «Чтобы хорошо понимать и ценить нынешнее, человек должен в истинном свете видеть минувшее». Мемуары руководителя нашей партии и государства несут в себе глубокий исторический, социальный и духовный смысл, значение которого, конечно же, выходит за рамки одной-единственной судьбы.

Слово товарища Брежнева дает толчок читателю к воображению, желанию задуматься и над своей жизнью над судьбами отцов и прадедов. Я как читатель, например, знакомясь со страницами, посвященными «родословной рабочего класса России», судьбам ее выдающихся представителей, оглядываюсь на нелегкий путь моего отца, в 1903 году арестованного за революционную работу. Я знаю, что Донбасс, юг России был силен именно революционными настроениями в среде рабочих, их сплоченностью, их интернационализмом, верой в единое братство всех честных людей земли. Наверное, поэтому из среды южнорусского пролетариата выросли выдающиеся деятели революционного движения. Л. И. Брежнев называет имена некоторых из них: Г. И. Петровского, Н. Е. Вилонова, И. В. Бабушкина.

Знакомясь с повестью жизни Л. И. Брежнева, рассказанной им самим, ощущаешь глубокую целенаправленность, последовательность освоения этапов жизненного пути. Он прошел изначальный путь от организационно-массовой работы в своем родном Днепродзержинске до титанической деятельности на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Привлекает скромность автора, когда он пишет о собственных успехах в учебе, в труде. «Учился я, как, впрочем, и все мои друзья, хорошо... Учиться плохо было попросту невозможно». «Время для меня уплотнилось еще больше» (после приема в ряды КПСС). «Работал с душой. Хотелось побольше сделать для товарищей». «Прошли годы. И теперь я особенно хорошо вижу, сколь полезны были для меня все эти переезды, назначения, новые встречи и новые дела, в которые приходилось вникать... Спокойные, уверенные, без малейшего налета на честолюбие слова».

Особенно меня поразили один факт в биографии Л. И. Брежнева. Он относится к началу 1931 года, когда молодого коммуниста назначили заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Брежнев уже приступил к ответственной работе, но вскоре решил вернуться на родной завод. Нет, не заместителем директора завода и не секретарем партнома. «...Я решил вернуться на родной за-

вод — работать слесарем и учиться одновременно в институте», — пишет автор «Воспоминаний». Встает вопрос — почему, что за причины заставили его покинуть место, по-видимому, сулящее в будущем неплохие перспективы? Ответ по-коммунистически откровенен: «Я рассуждал так: в коллективизации уже произошел необратимый сдвиг... а индустрия силу только еще набирает. Там, на индустриальном фронте, лежит сегодня передний край борьбы за социализм... Значит, мое место там».

Это показательный пример биографии выдающегося человека, который своим трудом, знаниями, упорством, как говорят в народе, «выбил» в люди. В новых главах «Жизнь по заводскому гудку» и «Чувство родины» раскрывается истинно народный характер человека, всего себя отдающего людям. Образ самого повествователя раскрывается на абсолютно документальном, живом материале, которому веришь. Вот почему, оценивая «Воспоминания», можно оперировать любыми характеристиками и эпитетами. Можно сказать, что материал, использованный в мемуарах, уникален — и это действительно так, ибо другой такой судьбы нет! И вместе с тем это судьба народа. «Воспоминания» Л. И. Брежнева имеют огромное воспитательное значение. Они увлекают читателей всех поколений: и тех, кто, как и Леонид Ильич, недавно отметил 50-летие пребывания в рядах КПСС, и тех, кто впервые переступил заводскую проходную, и всех тех, кто думает, как говорил Маяковский, «делать жизнь с ко-го».

Новые главы «Воспоминаний» руководителя нашей партии дают пищу для размышлений всем работникам идеологического фронта, ибо в них школа партийной работы. Вспомните, как Леонид Ильич говорит о нерасторжимости идеологической работы с практикой жизни, о том, что «главное оружие в этой работе — правда».

И наконец, «Воспоминания» — вдохновенное патристическое произведение, воспитывающее в читателях чувство Родины, чувство причастности ко всем ее заботам, свершениям, победам. Как здесь не процитировать замечательные слова:

«Чувство родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасностей и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога».

Мне повезло увидеть воочию просторы родной страны, узнать близко многих сограждан, и я знал, что планы, мечты, замыслы народа под стать земле, на которой нам посчастливилось жить, которую получили мы от отцов и должны оставить детям еще более богатой и цветущей».

Взволнованно чувствуешь, какой нежной сыновней близостью проникнуты страницы, посвященные отцу и матери Леонид Ильича. Именно эти страницы наполняют «Воспоминания» неизбывным человеческим теплом. Мы знаем, какую долгую жизнь прожила мать Л. И. Брежнева, какой скорбью наполнились сердца москвичей, провожавших несколько лет назад в последний путь Наталью Денисовну. И только из рассказов сына мы узнаем, что мать не покидала своего родного очага на улице Пелина в Днепродзержинске до самого преклонного возраста и буквально за несколько лет до кончины переехала в Москву, что ей была дорога память и об отце своем, и о муже, и о сыне, начинавшем здесь свой жизненный и трудовой путь. «Ходила в магазин с кошелкой, сердилась, если пытались уступить ей очередь, вела по-прежнему все домашнее хозяйство, очень любила угостить людей... А вечерами в своей старушечьей кофте, в темном платочке она выходила на улицу, садилась на скамейку у ворот и все говорила о чем-то с соседками», — рассказывает сын о матери.

И еще: «...Человек, который не любит мать, давшую ему жизнь, выкормившую и воспитавшую его, — такой человек мне лично подозрителен. Не зря говорится в народе — Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном». Какие человеческие, великие слова!

Вообще как писатель хочу заметить, что способ изложения материала в «Воспоминаниях», их удивительная достоверность, лиричность повествования делают их необыкновенно читабельными в самом широком смысле слова. Они написаны ясным, живым, пульсирующим словом, в них использованы все тонкости русского языка, народной речи. Каждое слово стоит на месте. Я бы назвал это произведение подлинно высокой литературой. Кажется, что написано оно для тебя лично, что это доверительная, с глазу на глаз, беседа о жизни, о Родине, о борьбе за светлые идеалы человечества. Именно эти качества придадут новым главам «Воспоминаний» Леонида Ильича Брежнева долгую жизнь.

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
Герой Социалистического Труда

Стратегическая.

19 НОЯБРЯ — ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК
И АРТИЛЛЕРИИ

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Не так уж много в Советской Армии частей, которые ведут свою летопись со времен гражданской войны. Но мы попали именно в такую. 15 марта 1918 года из революционных отрядов рабочих, солдат и крестьян в городе Пугачеве был сформирован пехотный полк. Разутые, раздетые, кое-как вооруженные красные пехотинцы выступили против офицерских полков Колчака. Бои были яростные. Освобождение Казани, штурм Самары, оборона Царицына — эти славные вехи гражданской войны известны, пожалуй, каждому. И во всех этих сражениях участвовал крепнувший от боя к бою молодой пехотный полк. А потом он вошел в состав Первой Конной. Казалось бы, что делать неспешной пехоте рядом с лихой конницей, но ни один рейд по тылам деникинцев, ни одна сеча с белоказаками не проходила без пеших буденновцев. Этот героический период истории полка высоко отмечен народом: до сих пор, как самая ценная реликвия, в музее части хранится Красное знамя ВЦИК.

Перед началом Великой Отечественной войны полк дислоцировался в Закавказье. Первый бой с фашистами — 15 сентября 1941 года в районе села Стенка под Полтавой. Затем — от первого до последнего дня — оборона Сталинграда. Именно здесь, у станции Клетской, в августе сорок второго Александр Покальчук и Петр Гутченко закрыли собой амбразуру вражеского дота. Посмертно оба награждены орденом Ленина и навечно зачислены в списки части. Отгремела Сталинградская битва — и полк стал гвардейским. Потом были Орел, Харьков, Невель, Полоцк, Шяуляй...

В послевоенные годы полк перестал существовать как пехотная, а чуть позже артиллерийская часть: в стране создавались ракетные войска стратегического назначения, и одна из частей была сформирована как раз на базе этого полка. Новому виду Вооруженных Сил СССР, рожденному в послевоенное время, было очень важно формироваться, если так можно выразиться, не на голом месте. Молодых ракетчиков, как солдат, так и офицеров, надо было воспитывать на боевых традициях отцов и дедов, причем не отвлеченно, не по книгам. Они приняли знамя полка, наименование полка, списки героев и орденосцев, а вместе с этим и огромную ответственность — не посрамить чести этого знамени и следовать героическим примерам однополчан.

Кстати, нашими экскурсоводами по прекрасному музею части были два солдата: ефрейтор Владимир Осипкин и рядовой Юрий Максимов. Они земляки, оба из Донбасса. И Владимир и Юрий только что пережили немаловажные события в своей жизни: ефрейтору Осипкину был вручен гвардейский знак, а рядовому Максиму — комсомольский билет. Чтобы иметь представление, что за солдаты служат в ракетных войсках, я расскажу об этих ребятах чуть подробнее.

Володя из рабочей семьи. Отец — бригадир на арматурно-изоляционном заводе. Мать — лаборант. После школы Володя поступает в профтехучилище, заканчивает его с отличием, и его направляют в индустриально-педагогический техникум. Вернувшись в родное училище, Володя работает преподавателем автодела. Казалось бы, такой классный специалист и в армии должен быть как минимум шофером, но Володя приобретает еще одну воинскую специальность — электрика. Его задача — проверка рулей на ракете. Как много зависит от его четкой и точной работы, объяснить не надо — рули есть рули. Кроме того, Володя — водитель специального автомобиля.

Как служит ефрейтор В. Осипкин, ясно хотя бы по такой немаловажной для солдата детали: за образцовое выполнение задачи он был поощрен отпуском на родину. Гвардии ефрей-

И
Ж
И
У
Т
Е
Ж
А
Р

БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТИ

тор В. Осипкин — спортсмен-первострелок и, между прочим, хороший чеканщик.

У бывшего слесаря вагонного депо, а ныне начальника расчета Юрия Максимова тоже есть увлечение, причем весьма полезное для всей части: при его активном участии создан вокально-инструментальный ансамбль, а сам Юра играет на ударных. Ансамбль хорошо знают не только сослуживцы, но и жители близлежащих городов — концерты самодеятельного ансамбля проходят с неизменным успехом.

С командиром батареи старшим лейтенантом Виктором Зуевым мы познакомились совершенно случайно. В день нашего приезда в часть у Виктора начинался отпуск, и он зашел в штаб оформить документы. Когда я услышал, что ему двадцать девять лет, а он всего лишь старший лейтенант, то невольно подумал: не иначе, проштрафился, наверняка понизили в звании... Мы познакомились, и я сказал о своем недоумении. Виктор долго смеялся.

— В армии-то я всего четыре года. А до этого окончил Казанский авиационный институт и работал в конструкторском бюро. Когда отслужил положенные два года, командование предложило стать кадровым офицером. Долго мы тогда обсуждали это предложение с женой и даже с трехлетней дочкой. Решающими стали доводы дочери: ей очень нравился папа в военной форме. Шутки шутками, но теперь я не представляю своей жизни без армии. У нас очень ценятся институтские знания, в армии я стал коммунистом, получил звание «Мастер ракетного дела», и стал, как говорят солдаты, отец родной для всей батареи. Так что о своем решении я нисколько не жалею. А звезды на погонах?.. Ничего. Своих ровесников я еще догоню!

Очень хотелось увидеть Виктора в работе, но он сказал:

— Я в отпуске и передал командование заместителю. Вы лучше сходите в батарею старшего лейтенанта Харитонов. Он парень молодой, до работы жадный, так что мигом все организует.

Мы так и сделали. Вячеслав Харитонов действительно оказался удивительно сговорчивым.

— Лишняя тренировка всегда полезна. Тем более, что мы носим звание отличной батареи, а любое почетное звание, как известно, легче завоевать, чем отстоять.

Мы сидели на скамеечке у входа в казарму и беседовали об Ойстрахе: жена Вячеслава — преподаватель музыки. Потом о фотографии: молодой комбат снимает прекрасные пейзажи и портреты. Говорили о том, как не просто быть сыном военнослужащего: Вячеслав родился в Южно-Сахалинске, в первый класс пошел в ГДР, а окончил школу в Риге; о том, как много надо знать современному офицеру, — в батарее у всех солдат среднее или среднетехническое образование. Вдруг пронзительно зазвенел звонок и по громкой связи прозвучала команда: «Занять боевые посты!» Солдаты смотрели по телевизору «Клуб кинопутешествий». Показывали охоту гепарда. Так и не узнав, догнал ли гепард газель, все разом вскочили.

— Вскрыть комнату для хранения оружия! — приказал комбат. — Получить оружие!

Через несколько минут расчеты построились на улице. Прозвучала команда: «Направо. Бегом, марш!» Одни побежали на стартовую позицию, другие — в автопарк. Все делалось быстро, четко, точно.

И вот показалась ракета. Мы не раз видели такие ракеты на парадах, проходящих на Красной площади. А вблизи стратегическая производит грандиозное впечатление!

Совершенно неожиданно пришло сообщение, что неподалеку выброшена десантная группа «противника», — ракетчикам пришлось взять в руки автоматы и вступить в рукопашный бой. А время шло... Секундная стрелка неумолимо бежала, время старта приближалось неправдоподобно быстро. А тут еще стемнело и пошел дождь... Наконец все расчеты доложили, что ракета к пуску готова.

Наступила тишина... Стратегическая к старту готова! Барабанил дождь. С мягким шелестом осыпались листья. Гулко билось сердце. Палец комбата — на кнопке...

Команда «Пуск!» не прозвучала. Она никогда не прозвучит, если силы империализма, наконец, поймут, чем чревата такая команда для всего человечества.

Замполит майор В. Шаров вручает комсомольский билет Ю. Максимова.

Командир батареи гвардии старший лейтенант В. Харитонов.

Преодоление полосы препятствий.

Политинформация.

ЯСНО ВИДЕТЬ И ПОНИМАТЬ

Вот уже шестой раз на экранах западногерманских телевизоров появляется хорошо знакомая нам заставка: раскачивающийся колокол, который бьет тревогу на весь мир.

Шесть недель показывают в ФРГ советско-американскую эпопею «Великая Отечественная». В Соединенных Штатах ее называли «Неизвестная война». Здесь — «Незабываемая война». Кончается вступительная музыка, и начинается очередная серия...

Именно об этом фильме начал разговор известный политический деятель ФРГ, депутат бундестага от социал-демократической партии Карл-Хайнц Ханзен, к которому я пришел побеседовать в преддверии визита в Бонн Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева. Ханзен принял меня в своем кабинете на 16-м этаже здания, в котором расположены рабочие помещения депутатов бундестага.

— Знаете, почему особенно важен фильм для нас в Федеративной Республике? — спросил мой собеседник и сам ответил: — Он впервые показывает нам войну с другой стороны. О войне здесь много написано, много снято фильмов, но ни в одном из них мы не видели документального, поистине потрясающего показа всего объема преступной операции «Барбаросса».

Карл-Хайнц Ханзен не впервые задумывается о событиях истории и ее уроках. Сам историк по профессии, он снискал себе в стране репутацию «неудобного человека». Он говорит, в том числе и с трибуны бундестага, горькую правду об опасности повторения ошибок прошлого. Ханзен резко осудил роковое решение НАТО о размещении в Европе новых американских ракет и стал одним из видных деятелей широкого антиракетного движения в стране.

Неудивительно, что появившееся в журнале «Шпигель» интервью Л. И. Брежнева заинтересовало Ханзена. Да и не только его!

Мы заговорили об интервью. Его важность мой собеседник увидел в числе прочего в том, что оно с исключительной ясностью дало общественности ФРГ представление о советской точке зрения на важнейшую проблему современности.

— Мы в Федеративной Республике страдаем от односторонности нашего политического мышления, — говорил Ханзен. — Мы мало и плохо знаем о позиции такого важнейшего нашего партнера в международных делах, каким является Советский Союз.

Особо привлекли внимание моего собеседника высказывания Л. И. Брежнева по поводу реальных возможностей предотвращения нового витка гонки вооружений, в том числе в области ракетно-ядерных средств среднего радиуса действия. Они приобретают исключительный вес в связи с предстоящим визитом главы Советского государства в ФРГ.

— Я глубоко убежден, — заявил Карл-Хайнц Ханзен, — что глава Советского Союза Леонид Брежнев честно стремится обеспечить мир и предпринимает конкретные шаги к разоружению. Если ретроспективно взглянуть на минувшие полтора года, то Советский Союз натолкнулся на грубую конфронтацию со стороны Соединенных Штатов. Это не может нас не беспокоить, ибо подобное политическое противостояние касается всех. Оно способно привести к катастрофе.

Но далеко не все в Бонне так отчетливо видят причины международной напряженности. В кругах правительственной коалиции ряд ее руководящих деятелей оправдывает нынешний курс американской администрации. Например, на днях известный политик, социал-демократ Хорст Эмке при-

знал, что «непродуманность некоторых высказываний в Вашингтоне и путаница в этих высказываниях действительно привели Западную Европу в замешательство», однако он тут же поставил СССР и США на одну доску, упрекая «Запад и Восток в том, что они потеряли много времени, пока не сели за стол переговоров о ракетном оружии». Как будто бы Советский Союз не призывал к этому еще в 1979 году, а НАТО не ответило своим вызывающим решением!

Что касается оппозиции, то интервью Л. И. Брежнева вызвало большое раздражение. Вплоть до того, что на помощь был призван не кто иной, как министр обороны США Уайнбергер. Близкий к самым реакционным группам ХДС—ХСС телекомментатор Герхард Левенталь организовал специальное интервью «через океан». В этом интервью Уайнбергер долго и однообразно оправдывался, заверяя всех в миролюбии Пентагона и пытаясь опровергнуть убедительные доводы, выдвинутые Л. И. Брежневым. Однако эта «телевизионная операция» не принесла успеха апологетам американской политики. Не успела она закончиться, как диктор сообщил о заявлении государственного секретаря США Хейга об опасных американских планах «предупредительного ядерного взрыва». Это заявление вызвало новый поток тревожных комментариев во всех органах печати ФРГ.

— Интересно, — сказал мне на следующий день один боннский эксперт, — где хочет господин Хейг произвести свой «предупредительный взрыв»? Неужели над Федеративной Республикой?

«Вспыхни ядерная война, будь то в Европе или в другом месте, она неизбежно и неотвратимо приобрела бы всемирный характер. Такова уж логика самой войны и характера современных вооружений и международных отношений. Это надо ясно видеть и понимать». Эти слова Л. И. Брежнева затрагивают самую суть острых дискуссий, ведущихся в Федеративной Республике. Здесь не только многие политики, но и многочисленные массы, выходящие на манифестации, видят и понимают: ядерная катастрофа грозит самому роду человеческому, а судьба Западной Германии будет предопределена в первые минуты этой катастрофы. В письме в редакцию

журнала «Шпигель» известный ученый, профессор Мартин Леффлер писал, что, опубликовав ответы Л. И. Брежнева, журнал «особенно ярко выполнил долг прессы: обеспечивать интересы общественности, информируя ее. Так, теперь граждане Федеративной Республики, которой по законам военной стратегии в случае атомной войны больше всего угрожает тотальное уничтожение, могут принять участие в решении своей собственной судьбы».

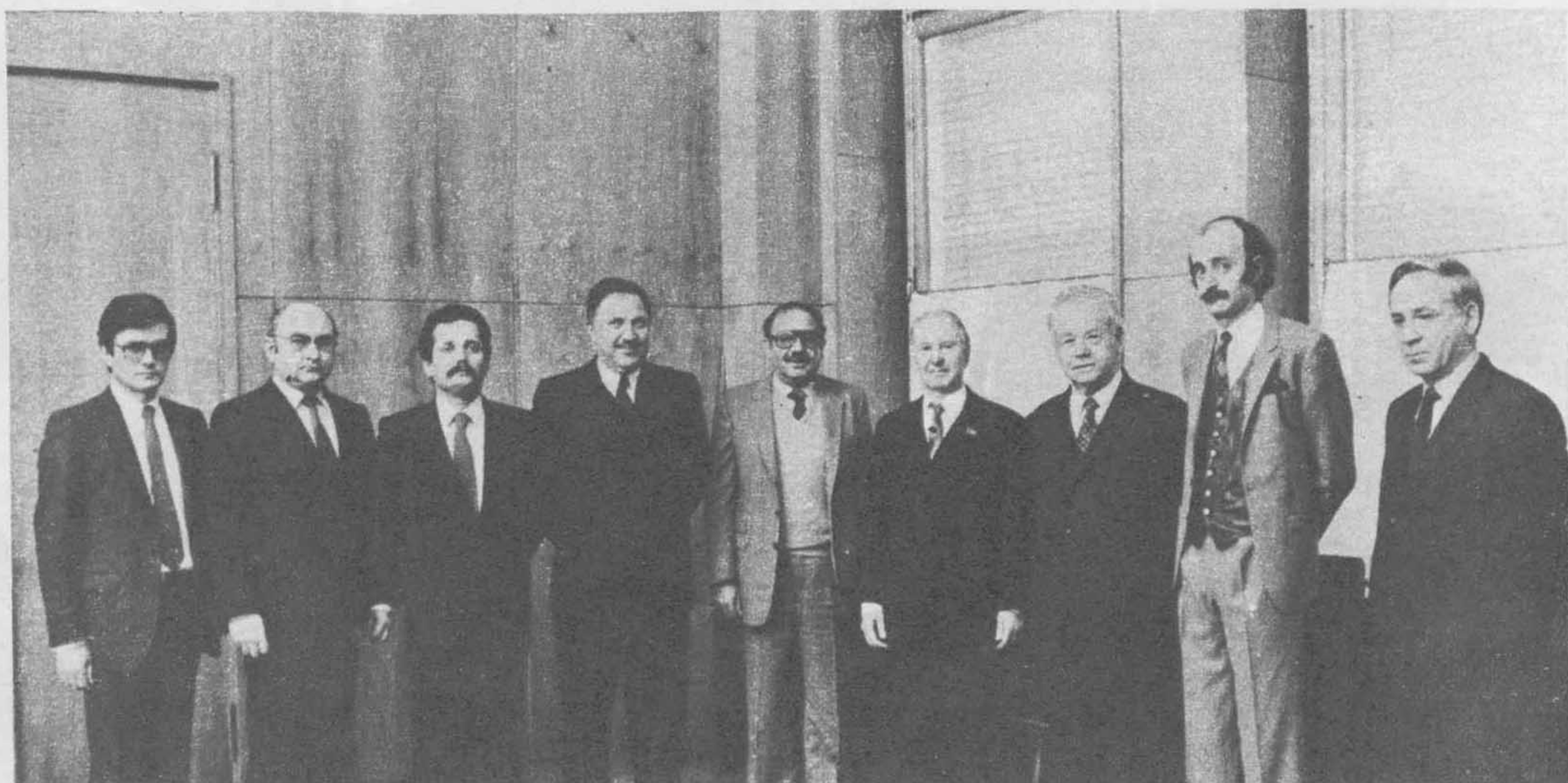
Решать свою судьбу в условиях, существующих в Федеративной Республике, задача непростая. Тем весомее напоминание о практических результатах нормализации отношений между нашими странами, которое прозвучало в ответах Л. И. Брежнева. Большой отклик эти высказывания нашли у тех, кто давно выступает за политику взаимопонимания. Для них особенно ценен тот глубокий оптимизм, которым проникнуто интервью Л. И. Брежнева.

«...Советский Союз говорит четкое «да» любым честным переговорам, ведущим к сдерживанию гонки вооружений и подлинному разоружению». Эти слова Л. И. Брежнева произвели здесь глубокое впечатление. Не меньшее впечатление (особенно в деловых кругах) произвела та оценка, которую руководитель Советского государства дал позитивному опыту, накопленному за эти годы в отношениях между нашими странами. Нет сомнения, что этот опыт будет проанализирован и развит в ходе предстоящих переговоров.

...А пока завершаются последние приготовления к приему высокого гостя, я вернусь к телевизионной серии, с которой начал. В один из недавних вечеров был показан фильм «Битва за Кавказ». Западногерманские телезрители смогли увидеть кино- и фотокадры, запечатлевшие в те трудные дни боевые дела полководца Л. И. Брежнева. Здесь знают главу Советского государства как человека, которому на собственном опыте известно, что такое война. Об этом часто вспоминают и политические деятели ФРГ, которым пришлось встречаться и беседовать с Л. И. Брежневым.

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,
корреспондент АПН.
Специально для «Огонька».

Бонн.

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

13 ноября состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с Председателем Прогрессивно-социалистической партии (ПСП) Ливана В. Джумблатом и сопровождающими его членами руководства этой партии — М. Даллюлем, Т. Султаном и А. Фатаири.

Во время беседы, прошедшей в теплой, дружественной атмосфере, ливанские гости были ознакомлены с деятельностью КПСС по выполнению решений XXVI съезда партии. Особое внимание было уделено последовательному и миролюбивому курсу Советского Союза, направленному на укрепление международной безопасности, предотвращение опасности новой войны, прекращение гонки вооружений. Представители ПСП дали высокую оценку внешней политике Советского Союза, подчеркнули огромное значение поддержки им народов, отстаивающих национальную независимость, право на свободное развитие.

Представители КПСС и ПСП подтвердили стремление обеих партий к дальнейшему развитию дружественных связей между ними.

На снимке: во время встречи.
Фото Б. Корзина (ТАСС)

ИНТЕРВЬЮ

СО СЧАСТЛИВЫМ ВОЛШЕБНИКОМ

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Его зовут Шагдарсурэн. Но все, кто встретился с ним в минуты своего горя и отчаяния, называют его волшебником, потому что этим людям вернул он радость и счастье. «Нельзя ли нам познакомиться с ним и увидеть, как он творит свои чудеса?» — спросили мы у нашей милой Олзайсайхан. «Попробую это устроить!» — деловито ответила она и уже на следующее утро повезла нас к волшебнику прямо на работу. Определенно, нам очень повезло с нашей помощницей. Хотя бы уже потому, что Олзай окончила мой родной Московский университет и между нами сразу же возникла родственная симпатия. К тому же родители очень удачно назвали свою дочку: ведь ее имя в переводе с монгольского означает «символ благополучия».

Мы благополучно прибыли к дому, окруженному деревьями. «Третья клиническая больница имени Павла Николаевича Шастина» — так называется этот совсем старый невысокий дом. А вот и сам доктор Шастин, которого монголы звали «бурхан эмчи», «бог-доктор», он стоит на постаменте в тени деревьев.

...Павел Николаевич приехал сюда летом 1923 года, когда монгольское правительство пригласило первых советских врачей, чтобы организовать в стране лечебное дело. Давно это было, и с тех пор имя собственное «Шастин» превратилось здесь в имя нарицательное — «врач». Помню, как я удивилась, услышав впервые во время поездки в Южное Гоби такую фразу: у нас тут много «шастинных», то есть врачей! Выходит, что в этом доме соседствуют «бог-доктор» и «доктор-волшебник»? Интересно, что об этом скажет Тундэв Шагдарсурэн?

— Я скажу, что считаю себя счастливым человеком. Ведь я помню «бога-доктора» Шастина и врача Соболеву, которую наш народ называл «монгольской матерью», и других замечательных советских врачей, с подвига которых началось медицинское обслуживание в нашей стране.

Когда пятидесятилетний доктор Шастин приехал в Монголию, где не было ни одного врача, будущему академику, профессору Шагдарсурэну, которому предстояло первым среди монгольских врачей провести операцию на сердце, исполнилось всего три года! Ему это предстояло. А мог ли он сам представить такое? Хотя бы в самых дерзких мечтах? Волшебник ответил на вопрос доброй улыбкой, и она стерла с его лица усталость.

— Вспоминаю свое детство. Нас у отца было пятеро, когда умерла мать. Детей разобрали кого куда, а я остался с отцом. Я и старшая сестра. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, в доме появилась мачеха. Однажды отец посадил меня на коня и привез в незнакомую семью, которая жила неподалеку от столицы. Там я впервые увидел своего старшего брата, которого усыновила эта семья. Брат учился в монастыре, а меня отдали в школу. У моих приемных родителей было трое своих детей. Я очень подружился с самым младшим — Тундевином Аюрзаном, ныне он лауреат Государственной премии. О чем я мечтал в те годы? Хотелось поскорее стать на собственные ноги, получить образование. Непременно учиться! После окончания семилетки меня направили в Улан-Удэ на Монголрабфак, где я проучился четыре года.

— Уже тогда был сделан выбор — медицина?

— Да! В 1938 году нас, четверых монголов, приняли на первый курс Омского медицинского института. Когда мы отправлялись в дальний путь, на всю страну было пятеро врачей!

...Его студенческие годы пришлось на суровое время Великой Отечественной войны. Эшелоны раненых прибывали в Омск. Именно тогда монгольский студент Шагдарсурэн решил посвятить себя хирургии.

— Итак, получен диплом врача, вы вернулись на родину и...

— И оказался единственным доктором в Среднеобийском аймаке, который занимает территорию в несколько тысяч квадратных километров.

Теперь, вспоминая то время, он сам удивляется, как успевал молодой врач управлять со всем, чем ему приходилось заниматься! В сорок втором году, когда он окончил институт, на всю Монголию было десять врачей. В тот же год при столичном университете открылся медфак. Большинство первых выпускников факультета сейчас преподают в мединституте. А какие отношения с мединститутом у нашего собеседника?

— Самые лучшие! Я с пятьдесят третьего года заведу кафедрой хирургии. И знаете, мы как-то подсчитали, что кафедра наша подготовила около четырех тысяч специалистов!

Назвав эту цифру, академик Шагдарсурэн в задумчивости промолгает:

— В сороковые годы я был единственным врачом в аймаке, а теперь в каждом из 18 аймаков — 70 врачей. На десять тысяч жителей приходится 105 врачебных коек и 22 врача.

— Интересно, какие из заболеваний считались в прежние годы самыми страшными врагами монгольских врачей?

— Оспа, тиф, дизентерия — они уносили тысячи жизней. Теперь о них забыли даже врачи! А сегодня главный враг — болезни дыхательных путей. Я могу это говорить со знанием дела, потому что, окончив аспирантуру во

втором Московском медицинском институте у Бориса Сергеевича Преображенского, я защищал диссертацию по специальности отоларинголога.

— Ухо, горло, нос и... операции на сердце? И снова лицо волшебника преображает улыбка.

— Вам кажется это несоединимым? Мне вначале тоже так казалось. Но только вначале, когда я, будучи аспирантом, как одержимый бегал в клинику Бакулева. Сердце меня уже тогда чрезвычайно интересовало!

Спустя пять лет приезжает из Улан-Батора молодой ученый в Москву на Всесоюзный съезд врачей.

— В памяти остались встречи в Колонном зале... Тогда только начала развиваться большая хирургия сердца. Известные советские медики, а также врачи из США, Франции, Англии выступили с интереснейшими докладами о грудной хирургии. Я вернулся домой с твердой уверенностью — надо и у нас, в Монголии, осваивать этот трудный раздел хирургии.

— Хирургия на сердце считается вершиной, самой сложной частью современной медицины, показателем уровня ее развития...

— Верно, но мы уже давно понемногу подбирались к этой вершине. Именно здесь, в больнице имени Шастина, действовал крошечный, всего из семи сотрудников, филиал института медицины. Мы успешно, на современном уровне, проводили сложные операции на легком и пищевode, заменяя его искусственным. Но вот была сделана первая сложная операция на сердце — устранен врожденный порок сердца у семилетнего малыша. Наши успехи не были случайностью. Государство создало нам необходимые для работы условия — была приобретена за несколько миллионов тугриков самая совершенная зарубежная аппаратура. И, конечно, огромное, неоценимое значение сыграло наше постоянное научное сотрудничество с советскими врачами, которые щедро делились с нами своим опытом и знаниями.

— А теперь каковы перспективы?

— В прошлом году я участвовал в работе научного совета в Постоянной комиссии по сотрудничеству в области здравоохранения стран — членов СЭВ, и теперь принято решение, что мы в Монголии будем заниматься протезированием, то есть созданием искусственного клапана для сердца.

— Вам удалось сделать то, что вы считаете самым важным в своей жизни?

— Да, удалось! Во-первых, мне повезло на замечательных учителей-наставников. Это наш добрый друг и советник, лауреат Ленинской премии профессор Мешалкин, лауреат Ленинской и Государственной премий академик Бураковский и многие, многие другие. Во-вторых, я мечтал, чтобы у нас в Монголии была создана хирургия на сердце. Это действительно очень трудная задача, но мы ее решили. У нас уже есть своя школа грудной хирургии — пять диссертаций защитили наши сотрудники. Да, все это удалось, и я считаю себя счастливым человеком.

...В дверь кабинета постучали, и на пороге появилась со смущенной улыбкой медсестра хирургического отделения. «Все готово», — произнесла девушка. «Да-да, иду», — дружинисто поднялся из-за стола худощавый, быстрый в движениях молодой человек, ничуть не похожий на волшебника, но тем не менее именно волшебник. В это мы окончательно поверили, увидев, как в хирургической, под белым куполом ламп колдуют его мудрые, осторожные, смелые руки.

Улан-Батор — Москва.

ВИДЕТЬ ПРЕКРАСНОЕ

Александр ШИЛОВ,
народный художник РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола

Как прекрасен Париж весной! Лениво, неспешно течет Сена. В сонные воды реки опрокинуты темные арки мостов, тяжелые башни древнего Нотр-Дам, зеленые кущи каштанов... Шумит Монмартр. Хлопочут бородатые художники, еле успевая писать ошалелых туристов, позирующих им прямо «в пленэре». Скрипят двери домов, на пороге которых судачат неутраченные консервы. Бродят белокурые, рыжие, чернокудрые ангелы в пестрых джинсах... Большие Бульвары. Цветная кипень куда-то мчащихся машин, спешащих за тем, чтобы потом, как стадо, сбиться в затор. И над всем этим коловоротом зданий, людей, моторов — вечное серебристое майское небо с таким знакомым силуэтом Эйфелевой башни.

Парадоксально, но, несмотря на множество картин, фотографий, кинолент, рассказов, романов, виденных и прочтенных до приезда в столицу Франции и которые, казалось, сделали для меня ее бесконечно близкой, знакомой и узнаваемой, — все же Париж нужно видеть! Только тогда можно ощутить лик этого великого города.

Первые дни я, как и все приезжие, гулял по набережным Сены, пропадав в Лувре, любовался Версалем, но эти трое суток пролетели, и я начал работать над экспозицией. Забот было немало. Но промелькнули и эти часы. Наступил вернисаж — 18 мая 1981 года.

Бульвар Распай — традиционное место выставок, и надо понять то огромное волнение, которое охватило меня, когда я увидел массу людей, собравшихся на открытие. Не буду описывать все встречи, но одна из них меня глубоко поразила.

Давно уже Париж слышит столицей мирового искусства. Здесь жили и писали замечательные мастера... Но ныне, в восьмидесятые годы XX века, как никогда, Париж перенасыщен разными явлениями живописи — от жемчужин Лувра до всевозможных опусов формалистов. В этом городе картинами удивить зрителя весьма трудно. Однако вернемся на бульвар Распай.

На вернисаже меня познакомили с пожилым седым человеком с очень живыми, задорными глазами. Я в сутолоке и шуме сразу не расслышал его имени.

— Молодой человек, как вы уцелели? — спросил он. — Как вы не поддались моде? Я был воистину поражен, когда увидел на пригласительном билете на вашу выставку женский портрет, написанный в манере больших мастеров классиков девятнадцатого века. Поймите меня правильно: сегодня это высший комплимент, потому что великие традиции Давида и Энгра у нас во Франции утеряны. Хотя, надеюсь, не безвозвратно, ибо прекрасные полотна Лувра все же существуют...

Да, — повторил незнакомец, — я потрясен тем, что у вас хватило духа, смелости и трудолюбия, чтобы постичь утерянные тайны настоящей живописи. Потому что буквально, как мне казалось до сих пор, весь мир искусства заражен разрушением формы. Хотя я знаю, что у вас в Москве ценят шедевры культуры планеты. Продолжайте ваше дело. Желаю успеха. Это очень нужно людям.

Я почувствовал теплое прикосновение мягкой ладони. Он пожал мне руку. И я еще раз увидел свет его глаз.

Это был Луи Арагон.

После вернисажа я с какой-то особой четкостью понял, что Париж сложен, что вкусы этой столицы искусства не однозначны. Каждый следующий день приносил мне все новые и новые подтверждения этой мысли. Все началось с книги отзывов. Ведь ее пишут зрители. И она заставила меня еще раз поверить в приверженность многих людей к реалистическому, понятному искусству, я убедился в их уважении к искреннему труду художника-станковиста.

В связи с этим не могу не вспомнить эпизод, происшедший на том же бульваре Распай, буквально в ста шагах от выставки моих работ... Надо сказать, что в Париже несметное число салонов, где можно купить полотна художников самых разных направлений и рангов. Во многих из них довелось побывать. Некоторые попросту безлюдны. Особоенно те, которые рекламируют абстрактную или иную формалистическую живопись. Наверное, в какой-то степени зрители утомились, устали от бесконечно пустых, непонятных, бездушных холстов модернистов. Но это были лишь мои предположения, пока... я не открыл двери маленького салона на бульваре Распай. Меня приветливо встретил небольшого роста господин в элегантном сером костюме. Он любезно предложил осмотреть его коллекцию. Первое, что поразило, была отлично исполненная копия с лактионовского «Письма с фронта».

Оценив мое изумление, хозяин произнес не без гордости:

— Месье, я не спешу продавать этот холст, хотя у меня уже не раз собирались его приобрести. Дело в том, что цены на фигуративную, реалистическую живопись сейчас растут, а это полотно весьма привлекает внимание многих посетителей и правильно располагает их сердца к искреннему, человеческому искусству.

Нет, нет, — рассмеялся он, — я ничего не имею против хорошего Матисса или Дерена, но, по совести, мне самому надоели нелепые,

я бы сказал, бессердечные экспромты некоторых современных, к счастью, выходящих из моды «авангардистов». И, поверьте, — тут хозяин выставки-салона приложил руку к сердцу, — я хотел бы пометить, чтобы современная живопись больше отражала сегодня живую природу — образы женщин, детей, пейзажи... Мы ведь все любим жизнь.

Я вспомнил своего наставника Александра Лактионова. Это был талантливый художник-реалист и великий труженик. Никогда не забуду его крупную фигуру, яркие, блестящие, удивительно зоркие глаза, добрую улыбку... Помню, однажды летом, часов в шесть вечера, я зашел к нему на улицу Горького. Он писал портрет. Было жарко. Художник сидел с засученными рукавами в белой рубашке и писал. В левой руке его был муштабель, в правой тонкая колонковая кисть, безошибочно обозначающая черты лица, характер модели. Сходство было потрясающее. Он писал друга — мастера-окантовщика, делавшего ему рамы. Холст, созданный Александром Ивановичем, — шедевр.

Сеанс окончен. Мы остались одни. Я развернул работы. Показал. Лактионов был на редкость доброжелательный, обаятельный человек. Он охотно делился своими знаниями живописного мастерства. Душа его, открытая, честная, отражалась в манере разговора — доверительной, сокровенной...

По правде сказать, не жаловали иные искусствоведа его творчество. Бывало, народ в Манеже толпится сотнями у его новых работ. Вся Москва только и говорит о портрете космонавта Комарова, а критики либо отмахиваются, либо замечают, что слишком подробно выписаны детали. А ведь в этом портрете запечатлен навсегда прекрасный образ Человека — мужественного и благородного. Оставлен на века.

Хочу рассказать о разговоре, происшедшем в комнате Александра Ивановича на улице Горького, тем июльским жарким вечером. Помню, Лактионов, проглядев мои рисунки, холсты и кое-какие из них похвалив, а что-то и пожури, вдруг сказал:

— А знаешь, на днях у меня был любопытный разговор с одним из представителей «модерного» направления в искусстве. Он долго стоял у моих портретов на выставке в академии, а потом, загадочно отведя меня в сторону, сказал: «Александр Иванович, но ведь ты сам-то знаешь, что для создания твоих полотен нужно лишь упорство и терпение». Тут он добавил: «чтобы подольше сидеть на стуле, вытаскивая детали». И в конце резюмировал: «ведь для этого, кроме пота, уж особого таланта не надо».

Лактионов улыбнулся.

— Ты думаешь, я обиделся? Нет. Я отлично знал, что добра от него и его компании мне ждать нечего. Но все же я в упор сказал: «А ты вот попробуй однажды сядь, наберись вот этого терпения и сделай без дураков портрет живого человека... Попробуй попотей...»

И снова Александр Иванович беззлобно рассмеялся.

Уметь! Как умели писать Брюллов, Репин, Лактионов.

Видеть красоту Человека и ее отразить — вот ведь истинно великая задача. Но для этого божьего дара — таланта — мало: нужно трудиться, трудиться ежедневно, всю жизнь.

Навсегда запомнил этот завет.

Люблю писать людей, а не схемы. Я преклоняюсь перед изумительными старыми мастерами, оставившими нам образы своих современников. Мы угадываем безошибочно век Леонардо или век Рембрандта, ибо каждый из этих живописцев был прежде всего дитя своей эпохи и гениально отразил ее в своих творениях.

Парижские встречи убедили меня в глубочайшем повороте, происходящем сегодня в искусстве Запада. Люди начинают ныне требовать от художника полнозвучного отражения бытия. Они жаждут видеть прекрасное. Поэтому так велика в наше время всеобщая тяга к природе, к красоте.

Сколько я видел в Париже абсолютно пустых со сверкающим паркетом залов, салонов абстрактного искусства. Все там было: комфорт, глянец, свет и какие-то странные знаки на холстах, выдаваемые за новаторские поиски.

Одного я там не видел — людей.

Зато Лувр, Эрмитаж, Третьяковка всегда полны народа, который любит шедевры Рафаэля, Веласкеса, Энгра, Брюллова, Александра Иванова и других мастеров.

«Солнце рукой не закрыть», — гласит мудрая пословица.

Реализм в творчестве доказал свою жизненность, вечность, ибо формы его неисчерпаемы, несмотря на доступность и народность языка произведений всех истинных творцов нашей планеты.

Весна в Париже... Эти дни, проведенные мною в столице Франции, многое мне открыли, дали возможность понять и осмыслить.

Еще грандиознее предстали передо мной вершины мировой культуры. Еще ближе и сокровеннее я ощутил роль великих традиций реалистического искусства моей Родины.

Перед отъездом я пришел на набережную Сены у островка Ситэ. Вечерело. В сумерках зажег свои волшебные огни Париж. Трепетно мерцали блики света в водах реки. Напротив высилась сизая громада собора Нотр-Дам. Пряный аромат каштанов, неясные, таинственные звуки города, юный смех влюбленных — все это сливалось в вечную песнь жизни.

А. Шилов. Род. 1945. С БАЗАРА. 1981 г.

Виктор
СМИРНОВ

ИСКРЫ

СТОГ

Александру Игнатенкову

Ушли. Не завершили стог.
А ночью ветер грянул.
И председатель, хмур и строг,
В окно тревожно глянул.

С порожним гулом по селу
Катился гром без спроса.
Болело сердце. По стеклу
Текли не капли — слезы.

Теперь как хочешь слезы лей,
А сенишко намокло.
Себя ругал он, не людей.
А тучи шли на окна.

Как смел он о простом забыть:
Быть ливню, если жарко.
За час могли бы завершить.
А так — весь труд насмарку.

Я был с ним рядом. Оттого
Душа моя страдала.
Я чувствовал: беда его
Моей бедою стала.

Не знаю, сколько в мире жить,
То радуясь, то плача,
Успеть бы только завершить
Тот стог, что мною начат.

На выгиб речки посмотрел —
Твою увидел руку.
И понял я, что постарел
На эту вот разлуку.

Я постарел на грусть рябин,
На долгих дум теченье,
На острый журавлиный клин
И на листа паденье.

И так шуршал осенний лес,
Особенно под вечер,
Что тяжесть многих зим и лет
Мои согнула плечи.

Споткнувшись о замшелый пень,
Я крик пещерный выдал.

А был всего лишь пятый день,
Как я тебя не видел.

Ты отодвинула засов.
«Родной!» — на шею руки.
Как будто тоже пять веков
Ждала меня в разлуке.

Роняя грозный гул с высот,
Черкнув крылом по солнцу,
Над зимним лесом самолет,
Как летний гром, пронесся.

И вздрогнула от страха ель.
И рухнул снег с березы.
Такая поднялась метель,
Как будто бомбу сбросил.

И по душе прошел озноб:
За дальними стволами
До боли ало был сугроб
Обрызган снегирями.

А самолет исчез вдали —
Лучи к нему, как стропы.
А струйки снегирей текли
На дно былых окопов...

Ныряю с берега... Пылит свирепо
Телега та, что не видна во ржи.
Спит ветер. Широко синее небо,
В котором шустро шастают

стрижи.
Рожь — не вода. Но вроде
коромысла,
Являющего родственную прыть,
Над нею пыль извилисто повисла,
Стараясь бег дороги повторить.

Ничтожна пыль. Смешна своею
ролью.
Но не до смеха будет, коль
учесть:
Ведь, если бы не эта пыль над
рожьей,
Кто знал бы, что во ржи дорога
есть?

И солнце и звезды мертвы.
Мы ходим под кронами слепо.
Деревья лишились листвы —
И люди увидели небо.

На землю сошла высота,
Победно в глазах засияла.
Как долго одна красота
Другую собой заслоняла!

Но здесь, на сторонке лесной,
Никто обойден ими не был:
Вчера любовались листвою,
Сегодня любимся небом.

Так, долгу верна своему,
Как мы бы ее ни губили,
Природа зовет к одному:
Чтоб люди красивыми были.

Где у русских свадеб корни?
Там — в земле моих отцов...
Под гармошку пляшут кони:
У крыльца — следы подков.

Ждут, грозя сорваться с места
В сумасшедшие снега,
Ведь над каждым, как невеста,
Ярко убрана дуга!

Раз уж свадьба — ненароком
И зимы коснулся хмель.
И поэтому у окон
Пляшет белая метель.

В жизни знавшие ухабы,
Но забывшие беду,
Бойкие частушки бабы
Сочиняют на ходу.

И беспечные припевки
Им, как молодость, даря,
Светятся меж ними девки —
Как меж облаков заря.

Как вода весною в речке,
Ходит волнами народ.
И меня прибило к печке —
Мать со свечкой не найдет...

Как из кружки капля зелья —
Дед мой держит, накреня,
Доплеснулась часть веселья
До сегодняшнего дня.

Последней снежинки полет...
И — солнце дало разрешение —
Ручей за сараем поет,
Свое прославляя рожденье.

Травкою зарос косогор.
И громко, как в прошлом
столетье,
Лягушки затеяли хор:
Мол, знайте, что есть мы на свете!

У каждого — песня своя.
Осина — и та не забыта:
На ветке держа соловья,
Она на весь лес знаменита.

И летняя речка из тьмы,
Конечно, хлопочет о том же.
Осенний задумчивый дождик
Шумит, чтобы слышали мы.

Я собственной песней томим,
Но лучшая выпала доля:
Я голосом буду твоим,
Безмолвное зимнее поле!

Добром за добро я плачу.
Люблю человечность и волю.
Но хлопать себя по плечу
Не каждой руке я позволю.

Не граблями, не косою
И вовсе не сталью станка —

Ничтожеством и клеветой
Иная пропахла рука.

Такая не в поле потеет.
Привыкшая пенки снимать,
Как будто бы мягко постелет,
Да жестко приходится спать.

С такою мне чуждо соседство...
Хоть ты грубовата слегка —
Ложись на плечо и на сердце,
Пропахшая хлебом рука!

МАТЕРИ

1

Мать весь вечер — об одном:
Буду ли в конце недели?
Ворох листьев под окном:
На огонь, видать, летели.

Без меня в трубе ветрам
Гимн зиме слагать сурово.
Мать не спит. По вечерам
Под окном растут сугробы.

Сам, как говорят, в годах,
Из краев отнюдь не близких
Я лечу на свет в глазах
Самых близких — материнских...

2

Мать седая огород копала,
Радуясь весеннему теплу.
Первая кукушка куковала
Солнечному нашему селу.

Слишком щедро сыпала годами.
И, бумагу перестав марать,
Видел я, как старыми губами
Вслед за нею шевелила мать.

Мать моя печально улыбалась,
Уронив горошину слезы.
А кукушка все не унималась,
Захмелев от зелени лозы...

ОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

Смотри, красотища какая!
Пасется у рощицы конь,
В которой от края до края
Осиновый ходит огонь.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком.

В предчувствии зимней погони,
Что в чуб мне метнет седину,
И сам я поспешно ладони
К осиновым искрам тяну.

Смоленск.

Капитан Н. Н. Викторов перед полетом.

ПРОПЕЛЛЕР НА ОБЕЛИСКЕ

**К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ
БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ**

**В. СМЕЯН,
фото М. САВИНА**

Лес застыл в осенней дреме. Промытый дождями, настоящий на хвое и теплой прели опавших листьев воздух неподвижен. Темные стволы елей — будто в почетном карауле. Пробираясь сквозь молодую поросль, мы подошли к большой воронке, залитой водой. С нами невысокая женщина с непокрытой головой; когда-то смоляные кудри густо посыпаны сединой. Сорок лет ждала она мужа, не вернувшегося с боевого задания. Теперь Ольга Васильевна Викторова пришла на то место, где в октябре 1941 года

капитан Н. Н. Викторов врезался в землю вместе с боевой машиной.

...Много людей побывало в лесу под Вереей, собирая грибы. Возможно, кто-то споткнулся об искореженный взрывом кусок металла, тот самый, который поднял и внимательно осмотрел автомеханик В. Н. Нечаев. Бывшему ополченцу, оборонявшему Москву, сержанту, командиру минометного расчета, воевавшему до Победы, сразу стало ясно, что это обломки упавшего самолета.

Вскоре по лесной тропинке на велосипеде прикатил его сын Николай — студент Московского горного института. Кроме нескольких кусков дюралю, найти ничего не удалось. Через неделю выпал снег, и поиски пришлось отложить до весны.

В конце мая Николай появился в лесу с металлическим прутом-щупом и саперной лопаткой. Ничего не обнаружив, огорченный парень стал собираться в обратную дорогу. Привязывая лопатку к багажнику велосипеда, заметил, что переднее колесо скатилось в ямку, заросшую молодыми елочками. От внезапной догадки стало жарко: копать нужно здесь!

Через минуту он поднял ржавое звено пулеметной ленты с желтым крупнокалиберным патроном. Теперь Коля копал, копал и копал, извлекая из-под земли провода, приборы, тросы, куски плексигласа. Щуп всюду упирался в крупные металлические предметы. В этот день Николай вернулся домой поздно. Отец внимательно осмотрел находки, особенно патрон.

— Патрон авиационный. Калибр двенадцать и семь. Видишь, на доннышке год изготовления — 1941. Значит, летчик погиб при обороне Москвы.

Отец с сыном решили во что бы то ни стало узнать имя летчика. Не сразу удалось Нечаевым привлечь внимание к поискам. Первым откликнулся старший лейтенант Вереяского горотдела милиции А. В. Поляков. Его заботой было обезопасить место падения: боекомплект истребителя оказался неизрасходованным, в земле обнаружили даже реактивные снаряды.

Коля стал действовать осторожнее, копал совком, обметал предметы веничком. Последующие находки потрясли студента. Он обнаружил остатки кожаной куртки, обрывки гимнастерки, истлевшие нарукавные нашивки, петличку с летной эмблемой и рубиновой шпалой. Летчик был капитаном!

Вскоре нашлись очевидцы падения истребителя. Один из них, житель Зеленограда С. И. Анисимов, назвал имя летчика. Осенью 1941 года ему, пятнадцатилетнему парню, как самому старшему из подростков, женщины, прибежавшие к месту падения самолета, доверили отвинтить ордена, взять документы и бумажник погибшего.

Три месяца длилась оккупация Вереи. Сере-

жа с дедом закопали документы и ордена под печью. С приходом Красной Армии сдали их в штаб воинской части. Но так случилось, что они затерялись. Через сорок лет поиски пришлось начинать, как говорится, с нуля. К счастью, они увенчались успехом, и теперь мы можем рассказать о капитане Николае Никифоровиче Викторове.

Командир эскадрильи 122-го истребительного авиаполка Н. Н. Викторов родился в 1909 году в Ленинграде. Рос без родителей. Трудно жилось пареньку, но у него была мечта — мечта о небе. В 1929 году она сбылась: окончив летную школу, молодой лейтенант с «кубарями» в голубых петличках прибыл на службу в Баку. Невысокий, коренастый крепыш с серо-голубыми глазами стал любимцем истребительного авиаотряда. И не только потому, что был весел, общителен, верен в дружбе, — в нем чувствовалась настоящая летная хватка. Летал Николай много, с удовольствием, мастерски пилотировал, метко стрелял. Из учебных воздушных боев, какой бы сложной ни была воздушная карусель, неизменно выходил победителем. Отличный воздушный боец скоро стал командиром отряда, был сфотографирован у развешенного знамени части.

В отпуск приезжал в любимый Ленинград. Как-то зашел в универсам «Гостиный двор» купить чемодан, да так и зачастил в галантерейный отдел. Понравилась черноглазая Оля, проходившая практику перед окончанием торгового техникума. Вскоре Оля Березкина стала его женой.

В 1936 году Николай Викторов в Москве — он готовит к полетам на самолетах Ут-1 и Ут-2 авиационных спортсменов, тренирует известную парашютистку и летчицу Екатерину Медникову. А после гибели знаменитого летчика-испытателя Пионтовского занял его место, отработав на легких машинах технику пилотирования и методику обучения пилотов. Все, кто знал Н. Викторова, говорили, что он превосходный пилотажник, спокойный на земле, хладнокровный в воздухе. Молодой инструктор четко подмечал ошибки начинающих летчиков и давал точные рекомендации, как их исправить. Строгим и требовательным учителем он был на полетах, а за воротами аэродрома — хорошим другом, внимательным товарищем. Его любили все — командиры, учлеты, летчики.

Неудивительно, что Николай вместе с друзьями, вернувшимися из Испании, попал в группу советских асов, сформированную для отправки на Халхин-Гол. Не имевший боевого опыта, он успешно готовил к воздушным схваткам группу молодых летчиков на истребителе И-153. «Чайка» была маневренной машиной с мощным вооружением. На глазах у опытных фронтовиков группа Н. Викторова превращалась в крепкую боевую единицу. Летчики, не жалевшие времени и сил на тренировки, становились умелыми воздушными

бойцами, способными «сесть на хвост» обстрелянным асам, имевшим не одну воздушную победу.

Герой Советского Союза Б. А. Смирнов вспоминает, с каким вниманием относился Н. Викторов к полетам. В степях Монголии жарко. Ртутный столбик термометра поднялся выше сорока. Летчики, уставшие после полетов, прячутся в тени. Николай, расстегнув комбинезон, сидит под телегой с бочкой воды. Летчики вяло переговариваются: командиры довольны уровнем боевой подготовки, можно прекращать полеты. Николай выглядывает из-под телеги.

— Я считаю, лучше летать, чем сидеть на земле!

— А зачем? Все ребята хорошо ведут бой, — возражает Герой Советского Союза П. Т. Кобров.

Николай не сдается.

Спор прекратил звонок по телефону: приказано подняться в воздух. В районе озера Буир-Нур завязалась схватка с японскими летчиками. Группу, вылетевшую на выручку товарищей, возглавил Б. А. Смирнов. Он видел, как Н. Викторов бросался в самую гущу схватки. Вспомнил, как на земле Николай говорил:

— Где врага лучше всего бить? Там, где его много. Противник скован, маневр ограничен. Вот где истребителю раздолье!

С задания группа возвращалась без потерь, в плотном строю. Один Н. Викторов летел в стороне и не отвечал на сигналы командира группы. Б. А. Смирнов подошел вплотную и сразу увидел сквозную дыру в правом крыле, по фюзеляжу пунктиром зияли пробоины от пулеметной очереди. Николай не проявлял беспокойства, но летел осторожно, избегая лишних поворотов.

Приземлится ему дали первым. Когда подбежали товарищи, то увидели, что он жив-здоров и спокойно хрустит соевым огурцом, припрятанным со вчерашнего ужина. На вопрос, что случилось, ответил:

— Приходите на экскурсию минуток через шестьдесят. Сейчас не до вас, надо технику помочь.

За умелые боевые действия, мужество и героизм Николай Никифорович Викторов награжден орденами Ленина, боевого Красного Знамени и Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Великая Отечественная война для командира эскадрильи капитана Н. Н. Викторова началась ночью 22 июня 1941 года. Командир 122-го авиаполка А. П. Николаев, получивший боевую закладку в небе Испании и Халхин-Гола, прекрасно понимал международную обстановку и держал часть в постоянной боевой готовности. На рассвете, когда семьи летчиков спокойно спали в гарнизоне на окраине Каунаса, посты ВНОС доложили о гуле моторов сотен бомбардировщиков. Летчики, вызванные по тревоге, садились в кабины «ишачков» и запуска-

ли моторы. Одним из первых взлетел в небо войны капитан Н. Н. Викторов.

А потом была оборона Москвы. Боевые друзья хорошо помнят, как погиб Н. Викторов. Эскадрилья держала курс к линии фронта. Во время набора высоты ведущего снизу атаковал «мессер», которого никто не заметил. Первой очередью Н. Викторов был смертельно ранен в голову. Зажав рули управления, он не дал «МИГу» свалиться в штопор. Машина начала снижаться, покачиваясь с крыла на крыло, а «мессер» обстреливал беззащитный самолет до тех пор, пока он не упал в лес...

...Давно подмосковная Верея не видела такого стечения народа. Отдать последнюю дань летчику, в лихую годину защищавшему небо над этим городом, пришли все жители от мала до велика. В скорбной тишине звучат трубы военного оркестра, печатает шаг рота почетного караула. Красный гроб, установленный на бронетранспортере, плывет над головами собравшихся. Процессия направляется к скверу в центре Вереи.

На траурном митинге говорили о герое. Запали в душу слова белоглазого школьника Юры Кудрявцева:

— Мы, юные, будем помнить воздушного бойца, капитана Викторова. И если придется нам постоять за Родину, мы, как и он, не пожалеем жизни!

Ученики 9-й верейской школы пригласили в гости вдову летчика Ольгу Васильевну, родственников, приехавших из Ленинграда. Света Горбатова, член комитета ВЛКСМ, взволнованно говорила:

— Ольга Васильевна, теперь вы не одиноки. Приезжайте в Верею чаще. Вы почувствуете, что здесь у вас много искренних друзей. Имя вашего мужа будет носить лучший пионерский отряд школы, в музее оформим уголок, посвященный жизни капитана Викторова, комсомольцы построят ему гранитный памятник.

Ольга Васильевна Викторова прожила трудную, но достойную жизнь. Эвакуировавшись из Ленинграда с дочерью Ириной в Сызрань, стала оперуполномоченным. Боролась с преступниками, ведала работой с беспризорниками. Пять военных медалей украшают ее грудь.

Вернувшись в родной город, Ольга Васильевна более тридцати лет проработала в НПО «Пролетарский завод».

Где бы мать и дочь Викторovy ни появились в Верее, к ним подходили люди. Они обнимали Ольгу Васильевну, приглашали в гости, просили не беспокоиться — они будут следить за могилой ее мужа, ставшего дорогим для каждого жителя города.

До глубокой ночи из городского сквера не расходились люди. Могила летчика утопала в цветах. На обелиске, увенчанном трехлопастным пропеллером, пламенели алые гвоздики, как капли крови Николая Никифоровича Викторова, пролитой за Родину.

В последний путь.

О. В. Викторова у могилы мужа.

ДВЕРИ

ПЯТЬ ДНЕЙ В ОДНОМ ЗАВКОМЕ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Неподходящий момент. Вы уж нас простите, но я прямо вам скажу: приехали в самый неподходящий момент. Конце месяца и не только месяца — квартала. Двадцать шесть раз подряд держали знамя ЦК своего отраслевого профсоюза и министерства и в этом году за первое полугодие тоже. А вот теперь завод работает тяжело, с большим напряжением. Приходится наверстывать время, потерянное по вине завод-поставщиков. Это во-первых. Во-вторых, через три недели заводская отчетно-выборная профсоюзная конференция, до этого перевыборные собрания в цехах. Я даже свой отпуск не догулял напополам, прервал. Затянул было ремонт квартиры, надеялся сделать, — пришлось все в развороченном виде оставить. Не до того. Так что специально беседовать нам не придется. Подстраивайтесь под мой график. Свободные «окна», если они возникнут, ваши. Профсоюзная работа без края и без конца. Все, что касается труда человека, его отдыха, быта, семьи — все наше. Поэтому было бы хорошо, если б набросали вопросы, которые вас интересуют.

График у меня такой: завтра в 7.30 утра иду в цеха. Сегодня уже был. И послезавтра пойду. Устраивает, говорите? Не неудачный выбрали момент для приезда, а самый подходящий? Интересно.

Стихи. Веду ли я дневник? Каждодневные записи по вечерам, впечатления, мысли? Никогда этим не занимался. По молодости пробовал стихи сочинять. Когда учился в Горьком, в институте, посылал в студенческую газету. Напечатали. Даже сейчас помню — про весну. Дальше дело не пошло. В ивановской городской газете меня так в пух и прах разнесли, что и перьев не осталось. Отбили охоту начисто. А поэзию люблю, особенно Есенина, только читать некогда, не то, чтоб дневник вести. Может, имеете в виду еженедельник делового человека? Вот этот гробсбук? Его же с собой не захватишь. Для оперативной записи листки настольного календаря, он перед глазами. Фамилии, часы. А вообще я свою память тренирую. Нас директор, бывало (теперь он заместитель министра), учил: надо все держать в голове, чтоб в любой момент ответить.

Профсоюзный комитет... Мы с ним соприкасаемся постоянно: и когда нужно получить пособие по больничному листку и когда приближается лето и пора думать об отдыхе, и когда подрастают дети и прежняя квартира становится вдруг тесной... Но только ли в этих случаях?

Какой он, профсоюзный работник сегодня, в наши дни?

Инженера Виктора Николаевича Соколова, работавшего заместителем начальника цеха на ивановском заводе объединения «Автокран», избрали председателем завкома в тридцать лет. Он энергичен, легок, как и свойственно его возрасту, на подъем, с энтузиазмом берется за новое, стремясь доводить начатое до победного конца. Четыре года — стаж профсоюзной работы невелик (еще до того был избран членом завкома), но и не так уж мал. Поднакопился опыт, появились наблюдения, становятся явственнее проблемы — пища не только для размышлений, но и для обсуждения в ходе подготовки к предстоящему в марте будущего года XVII съезду профсоюзов.

График. Живу по общезаводскому графику, соединенному с председательским. На этой простыне все расчерчено: когда, где, в какие дни заседания. Что падает на понедельник последней недели месяца? Оперативка у начальника производства, на нее уже не попал. В десять ноль-ноль совещание председателей цеховых комитетов, приглашаю вас. После обеда назначен партком, кстати, не по графику. В общем, понедельник — день тяжелый. Вторник вроде бы полегче. По крупному счету — оперативка у директора, если он будет ее вести. Занятия школы коммунистического труда. Среда — профсоюзный день. Заседание президиума завкома, надо его готовить. Совет бригадиров. На четверг наметил себе проверку исполнения решений завкома и вышестоящих организаций. Президиум обкома профсоюза, я — член президиума. В общем, заседаний хватает. В пятницу хорошо бы заняться составлением планов на следующий квартал и собрать материалы по объединенному комитету. Мы же не просто завод автомобильных кранов — производственное объединение «Автокран». В его составе, кроме нашего завода, а он головной, еще три: Дрогобычский, Ставропольский, Балашихинский и СКБ. С нового года прибавится пятый завод — Галицкий. Да, масштабы есть: Западная Украина, Предкавказье, Подмосковье...

Проблема № 1. Партком у нас не объединенный, только ивановского завода, а заводской комитет профсоюза одновременно и объединенный. Это двойная нагрузка. И задачи двойные: соревнование между заводами, рабочих по профессиям, инженерно-технических работников по творческой отдаче, смотр, конкурсы... Переходим на взаимозаменяемость узлов. Чистая техника, никакого как будто касательства с нами, однако к нам ниточка тянется: обязательства принимали? Принимали. Как они выполняются?

Возможностей для выполнения всех этих задач не создано никаких. В завкоме как было четыре человека до создания объединения, так и осталось: мой заместитель Иван Федорович Фомичев, бухгалтер, делопроизводитель и я. А ведь надо выезжать на другие заводы, чтобы связь была не формальной, по бумажкам и телефонным звонкам, а действитель-

ной. Но кому? Нет ни одной штатной единицы, ни рубля на командировочные расходы. В таких условиях работать практически невозможно. Это проблема № 1, и ее надо решать. Я довел ее до сведения Центрального комитета профсоюза рабочих тяжелого машиностроения. Ответа пока нет. А время-то идет! Еще как идет: на моих уже 9.55. Председатели цеховых комитетов уже собрались. Пошли!

Рядом с человеком. Не разочарованы? Толковали мы о самом обыденном, житейском, можно сказать. О подготовке цехов к зиме, об угле, завезенном для нужд рабочих, у нас многие живут в собственных домах со своим котлом; о заготовке картофеля и капусты — они нынешним летом на нашей земле уродились плохими; об очередях, которые стали появляться в центральной столовой, значит, некоторые цеха приходят раньше положенного им времени, народным контролерам надо это проверить. А как же иначе? Кто же этими вопросами будет заниматься, если не мы? Профсоюз ближе всего стоит к человеку, идет рядом с ним, знает его потребности и запросы. Да сами люди, чуть что не так, идут к профгору, в цехком, в завком. Посидите здесь — сами убедитесь. Сейчас в цехах обед начался. Обязательно кто-нибудь заглянет. Официально часы приема три раза в неделю — по понедельникам, вторникам, пятницам, с 13.30 до 15. Но очень часто люди приходят в свой объединенный перерыв. Осталось время — забежал. Двери в завком открыты всегда. Ну, что я говорил?

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА. На пороге женщина в светлом пальто и косынке. По внешнему виду нетрудно догадаться о ее состоянии: уже возбуждена. Входит решительно. — Я по жилью. Ахметова. Принесла справку, которую велели. Пошла к Кураеву, а он меня снова отсылает. Будет ему квартира? выпаливает она одним духом, и со стороны понять ничего невозможно.

— Да вы садитесь, — предлагает посетительнице Соколов.

Та присаживается нехотя, на самый краешек стула, демонстративно подчеркивая тем самым, что ей некогда тут задерживаться.

— Когда Ахметов нужен был, за ним машину вечером посылали, по две смены работал, с собой не считался. Теперь, когда такая беда и нужно ему помочь... Ему даже негде развернуться на костылях. Девочка плохо учится, учителя на нее жалуются, а ей стол для заня-

тий не поставишь. Разве это комната — двенадцать метров? Две половинки.

— Так кто же вам отказывает? Вы первыми идете. Завком специально обсуждал ваш вопрос. Кураеву было указано, что он неправ.

— Так когда же будет квартира? — Сейчас у нас нет ни одного квадратного метра свободного. Но скоро будет. Заканчивается строительство большого дома по улице Кудрашева. Он сдастся по секциям. Шесть были приняты и заселены раньше. Последняя, седьмая, заканчивается. В ней будет продовольственный магазин. Из-за него и задержка. Как только примет комиссия — начнем заселять.

— Так когда же? — настойчиво повторяет Ахметова.

Соколов снова, но уже с большими подробностями разъясняет, даже схему магазина чертит с коммуникациями, которые надо подвести.

Все еще полная недоверия, женщина уходит.

Стакан воды. Это еще что! Однажды двадцать человек пришли из механического цеха, обступили стеной. «Почему жилье не даете?» Я говорю: «Товарищи, спокойненько, минуточку». А сам достаю папку, Положение о предоставлении жилплощади, утвержденное облисполкомом и облсовпрофом. Рас толковываю, кто из цеха что получал и сколько ждал. Спрашиваю, по сколько лет каждый из них проработал на заводе. Оказывается, и пяти нет. «Вопросы будут?» Вопросов не было, разошлись.

Другой раз человек прибегает настолько разгоряченный, что готов стол на меня опрокинуть. Шумит, руками размахивает. Прежде всего предлагаю сигаретку. Если не курит — правильно делает — стакан воды. Успокойся, мол, посиди. Остынет, и тогда узнаю, что не ему, а другому «Москвич» предложили. И всего-то! Звоню тут же в цех, разбираемся.

А бывает, и стакана воды не предложишь. Купил человек машину, а через два дня бежит в завком: выручайте, окажите денежную помощь! Семь тысяч, видите ли, у него нашлись, а пятнадцать рублей рассчитывает из заводской кассы урвать. Это у меня в голове никак не укладывается. Или приведет жена мужа. Оба пожилые, много за пятьдесят. И вдруг разводиться надумали. Она: «Он такой-сякой». Он: «Так я же из-за тебя пить стал, запилил...» Попробуй сориентироваться среди них! «Я, — замечаю им, — много моложе вас, в сыновья го-жусь. Мне даже неловко было слушать, что вы тут друг на друга наговорили. Разбирайтесь сами или — или...» Может, я не прав?

Комнатенка. Кто такой Кураев и почему так невзлюбила его Ахметова? Кураев — помощник генерального директора по кадрам и быту. Работал в райисполкоме по жилищным вопросам, законы знает. Вначале Ахметову он отказал, и его жена не может этого ему простить. Дело в том, что Ахметовы живут в частном секторе. Эта двенадцатиметровая комнатенка в старом домишке — их собственность. Завод ставит «собственников» на очередь по предоставлению жилплощади в исключительных случаях. Тут как раз и есть тот самый исключительный, точнее, несчастный случай.

ТКРЫТЫ ВСЕГДА

Травма. Ахметов работал в заготовительном цехе на гильотинных ножницах. Может быть, видели этот агрегат для раскроя стальных листов? Этакая машина и требует четкости и аккуратности. Завтра утром пойдем в цех — сами убедитесь. В общем, было так. Крановщица по знаку Ахметова подала на приемный стол пачку заготовок. Промасленные листы. Они легли на подкладки, что на столе. Малейшая неровность, наклон, и они могут съехать. Так и произошло. Ахметов хотел что-то подправить, но слишком поздно. Не успел и опомниться, как навалилась огромная тяжесть, подкосила...

Расследование. Специальная комиссия вела тщательное расследование. В ее работе принял участие общественный инспектор профгруппы, цехком. По форме Н-1 был составлен акт, в котором отражены обстоятельства и причины несчастного случая. Было установлено, что Ахметов поступил неправильно, нарушил технику безопасности. Ему надо было раньше проверить, как лежат подкладки, а потом принимать металл. Однако старшему мастеру был объявлен выговор за ослабление контроля по складированию листового металла. Хотя Ахметов не новичок, проработал в цехе двадцать лет. Разговаривал я с его лечащим врачом: пошел на поправку. Через полгода, обещают, что вернется в строй. И квартиру получит, пусть Ахметова не сомневается. А ведь опять через день-другой придет!

«Сам с усам». Вообще комиссия по охране труда завкома ведет большую работу. У нас очень многое делается по предложениям самих же рабочих для улучшения условий труда. Количество производственных травм снижается, оно у нас меньше, чем в среднем по министерству. Но вот что показал анализ статистики производственного травматизма: в большинстве случаев пострадавшими оказываются не молодые, вчера поступившие на работу люди и выпускники ГПТУ, а сорока- и пятидесятилетние рабочие с солидным стажем в этих цехах. Почему? Появляется самоуверенность, пренебрежение правилами техники безопасности, этакая лихость, мол, я все знаю, «я сам с усам»... Значит, профгруппы, общественные инспекторы должны на местах усилить разъяснительную работу. Завком об охране труда, предотвращение травматизма — первейшая наша, профсоюзных работников, обязанность.

Эпизоды. А сколько еще производственных травм, происшедших вне стен завода! Нам ведь тоже приходится ими заниматься. Шел человек на работу. Ему что-то в глаз попало. Берет бюллетень. Больничный листок — ведь это же государственные деньги! А если он не на работу шел? А если ему попала в глаз стружка у станка и только потому, что он поленился надеть защитные очки, как положено по правилам? А если ему подбили глаз в драке? Тогда по чьей вине затеяна была

эта драка? Где свидетели? Кроме материального интереса, затрагивается другой — моральный. Нередко приходится запрашивать милицию: зарегистрировано ли такое происшествие? Кто виноват в действительности? Влезаешь во все детали, чуть ли не сам детективом становишься. За одну из таких «внешних» травм я выговор заработал.

Неплохой парень. Мы часто в порядке поощрения организуем различные экскурсии в другие города. В тот раз послали группу в Москву. Арендвали комфортабельный «Икарус». Гиды нам дали. Все честь честью. Поехали. И вдруг неожиданное сообщение: на обратном пути, ночью, на повороте где-то возле Петушкова, из автобуса вывалился Женя Кузьмин. Разбился. Счастье, что не насмерть, доставлен в больницу. Кузьмина я знал, неплохой парень. Он работал сварщиком в экспериментальном цехе, хороший общественник, отличный охотник, бригадир охотничьей бригады. Пока мы навещали Кузьмина в больнице, гид писала докладную в обком профсоюза. Специалисты-эксперты пришли к мнению, что выпадение, если стоять, как он, у аварийной двери, а она на три четверти из стекла, на повороте не исключается. Но меня уже вызвали на президиум.

Урок. Был объявлен выговор и строгое предупреждение за ослабление воспитательной работы с туристическими группами. У директора завода было совещание, на котором обсуждалось это происшествие, прорабатывали и на завкоме. Все мы очень долго переживали. Завком ведь несет ответственность за каждого члена профсоюза. Было решено экскурсии на полгода отменить. Это был нам всем горький урок. Выговор? Сняли уже. И Кузьмин работает. Я к чему привел все эти примеры? Да, мы стоим на страже интересов каждого рабочего, но в то же время не даем поблажки нарушителям порядка, резко пресекаем хулиганство. Как председатель завкома я возглавляю комиссию социального страхования, мне приходится не только подписывать на основании решения комиссии бюллетень, но и разбираться, по поводу чего он. Люди обращаются ко мне. Не только по поводу больничных листов. Да, да, войдите.

ВТОРОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. В приоткрытую дверь просунулась сначала вихрастая голова, а потом выдвинулся и ее обладатель в спецовке.

— Я на минуточку, Виктор Николаевич. По поводу путевки. Мне бы на юг, где еще тепло. В сердечно-сосудистый. Не найдется такой?

— Записал, товарищ Цветков. Запрошу обласвет профсоюза. Как только появится — сразу позвоню.

— Вот спасибо! Ну так я буду ждать, до свидания.

Без промашки. Приходил станочник из цеха опорно-поворотных устройств Юрий Цветков. Почему я так легко ему пообещал? Я знаю Цветкова и заключение медицинской комиссии помню. Вон они, красные и синие папочки со справками врачей, стоят на полке перед глазами. Красные — для сердечников, синие — для желу-

дочников. Все большие учтены. Так что промашки не может быть.

Стропали. Давно ли знаю Цветкова? Да я очень многих на заводе знаю. Если не всегда по имени и фамилии, то в лицо. Может быть, только совсем молодых, которые недавно у нас, не знаю. Я же вырос на «Автокране». Четырнадцать лет здесь. Стропалем начинал. И отец тут мой работал и старший брат, тоже стропалями. Учился на вечернем отделении вуза, а когда в Группе войск служил в ГДР, партийную школу заочно окончил. И снова на завод. Он мне как родной дом. Вот и стараюсь для людей...

Всего дороже. А ведь бывает и так: у человека с послезавтра отпуском, а он пришел сегодня и начинает мотать: «Вот, я никогда не обращался к вам. Пришел первый раз и отказываете...» Тут хоть в лепешку разбейся, из кожи вылезь, но добудь ему путевку, чтобы обиды не было. Достаешь... Но и мораль, конечно, читаешь, чтоб заявление заранее готовил, через своего профорга, через свой цехком. Однажды поехал Валентин Манаенков, слесарь по ремонту оборудования, на юг. Через неделю телеграмма: «Забирайте, отнялись ноги!». Плохо было человеку. Врачи посоветовали: «Ему бы в Солигаличи!... Не бывает туда у нас путевок. Это очень маленький санаторий на местных источниках в Костромской области. Как ни трудно было — устроили туда Манаенкова. Вылечился. С тех пор прошло пять лет, все благодарит при встрече. Знаете, что всего дороже в нашей работе? Когда вернется человек из отпуска здоровым, окрепшим и скажет: «Как же славно я отдохнул! Спасибо!»

Каждый пятый. «Стройгидравлика» — санаторий-профилакторий в Одессе, «Эдельвейс» под Трускавцем, «Оболсуново», «Зеленый городок» с привозной минеральной водой, санаторий имени Станко, дома отдыха «Плес», Игнатовский, Порошино, Клещевка, турбазы — все это места, где можно лечиться и отдыхать труженикам нашего завода. Долго занимались строительством профилактория в Дрогобыче, все там срывалось, собирали по этому поводу объединенный комитет, — построили, открыли. Мечтаем о своем санатории-профилактории в Ивановской области, хотим для этого перестроить корпуса пионерского лагеря «Янтарь», чтоб были они зимними... В этом году каждый пятый работающий отдыхал у нас по путевке, на треть больше, чем пять лет назад. Кто совсем бесплатно, кто оплачивал лишь 30 и 50 процентов стоимости путевки. А хотелось бы, чтобы в будущем имел такую возможность каждый желающий, особенно велик спрос на семейные путевки.

Что плохо! Очень мало, почти нет путевок в детские санатории. В прошлом году нужно было 80, получили всего одну. В этом году поступило 46 заявлений, одна путевка была, достал еще три. Какими путями — неинтересно рассказывать. Положение казалось

безвыходным, но выручила «Красная Талка», пионерлагерь под Феодосией. На тот год заявлений уже меньше.

ТРЕТИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Он вошел по-свойски, точно каждый день здесь бывает, — пожилой человек с усталым лицом, седыми висками, в очках и кепочке.

— День добрый!

— Добрый день, Василий Анатольевич, — в тон ответил ему Соколов. — Подождать можете? Я вам звонил в цех, но вас уже не было. Хотел предупредить, что не связался с Корсаковым, не могу его застать. Сейчас позвоню еще раз. Обком профсоюза? Попросите, будьте добры, товарища Корсакова. Вышел из здания? Сегодня не будет? Ну вот видите, какая незадача, давайте договоримся на среду, на три часа дня, Василий Анатольевич. Удобно вам будет?

Безнадежно! Ну как ему помочь? Еще задолго до поступления на наш завод Челышев работал слесарем-котельщиком в течение 14 лет непрерывно на «Торфмаше». Так записано в его трудовой книжке. Как он утверждает, по старому кодексу законов о труде это давало ему право на льготную, в 55 лет, пенсию. Сейчас в списках этой профессии нет. Есть просто «котельщик». Я долго разбирался, пересмотрел различные справочники. Старых у меня нет, подтверждающих, что эта профессия раньше давала права на льготную пенсию. Может быть, изменились, облегчились условия труда? Но человек-то ни при чем, он же работал тогда. А может быть, кадровик был не очень грамотен в этих вопросах и неправильную сделал запись в трудовой книжке? И прибавил отсебятину: вместо просто «котельщик» «слесарь-котельщик»? Челышев ходил в райсобес и там ничего не добился. Я с Корсаковым, техническим инспектором ЦК профсоюза по нашей области, уже разговаривал, и он не сможет ему помочь. Но чтоб не обидеть человека, сведу их. Полагаю, что Челышев на этом не остановится, будет писать. Это его право.

Надо знать! Вопросы труда, его охраны, жилья, социального страхования очень сложные. Председателю завкома, как видите, надо много знать — не только производство, но и юридические законы, разбираться в медицинской терминологии. Когда меня избрали сюда, я обложился справочниками, ночами не спал, все сидел, изучал, конспектировал, картотеку завел. Наш генеральный директор как-то мне сказал: «Ты теперь в жизнь глубже вникай, она быстрее научит! К человеку прислушивайся больше». Простите, телефон. Слушаю. В два часа балансовая? Приду. Вот видите, не придется мне сегодня вести прием в назначенное время. Фомичев будет здесь. Надо план вытягивать. Ждем из Ижевска редукторы. Значит, в 7.30 завтра в проходной!

ВТОРНИК

Красавец. Видите какой красавец! Мощной золотистой стрелой, как крылом, накрыл красный тягач. Что-то? Вы приняли его за японский автокран? Как можно? Да это же наш, родной, ивановский КС-4572 шестнадцатитонный,

с телескопической выдвижной стрелой, на гидравлике. Приглядитесь повнимательнее к красному тягачу: это же КамАЗ! Шестнадцатитонный, согласно обязательствам коллектива, был выпущен в подарок XXVI съезду КПСС. В Москве вокруг него все время толпа стояла. Это техника нового поколения. Ее предшественник, кран КС-3571 на шасси автомобиля МАЗ-5334, удостоен Знака качества. По своим техническим данным он на уровне лучших зарубежных машин аналогичного класса. Оба демонстрировались на международной выставке «Стройдормаш-81».

Территория. Осторожно, машина. У нас движение как на улице, только наши улицы более зеленые, точнее, золотистые. Летом — сад, своими руками сажали. Галерея наших передовиков, ветераны... А вот фонтанов нет. Вчера, знаете, по какому поводу партком заседал? По благоустройству территории предприятия. Корпуса наши, особенно старые, которым по двадцать пять лет, выглядят непрезентабельно. Обшарпанные стены, узкие входные двери, будто с черного хода, а они на фасаде. Надо их привести в порядок и осовременить. Резервуар для охлаждения воды технологически сейчас не нужен — устроим здесь фонтаны. Киоски надо обновить.

Эстетика. По второму вопросу на парткоме я выступал.

Мы работаем в тесном контакте с партийной организацией. В чем источник силы советских профсоюзов? В партийном руководстве. На парткоме утверждаются наши планы, мы совместно решаем кадровые и организационные вопросы. Партком направляет идеологическую, воспитательную работу. Мой доклад на последнем заседании парткома как раз и был о состоянии эстетического воспитания работающих и задачах по его совершенствованию. Культура производства и эстетическое воспитание — звенья одной цепи. У человека, понимающего красоту, вырабатывается нетерпимое отношение к беспорядку, неряшливости, запущенности. Чем мы располагаем? У нас большая, на 20 тысяч томов библиотека, каждый год пополняется еще на 1200 книг. Работники ее готовят рекомендательные списки книг по самым разным вопросам, витрины с литературой. По нашей радиосети проводятся лекции о творчестве русских и советских писателей и художников. Постоянно устраиваем экскурсии в музеи и на выставки в Иваново и другие города. В общежитиях работают ансамбли, молодежные клубы, кружки художественной самодеятельности, и они широко известны в городе. Правда, у нас нет своего клуба, только зал заседаний, говорят: «Подождите». Но место для своего ДК резервируем — прекрасный зеленый партер с лиственными насаждениями перед заводоуправлением. Под Новый год тут елку ставим, да такую, что детвора и молодежь со всего района собираются.

Узкое место. Вот мы и пришли в заготовительный цех, где тот самый Ахметов работал. Тут самое узкое место завода. Убедились, что действительно узкое? Видите: все пространство между прессами заставлено заготовками, так что пройти почти невозможно. Естественно, что в таких условиях человек быстрее устает и притупляется чувство самоконтроля. С Ахме-

товым произошло как раз в конце месяца, под май... Цех открылся в 1954 году, когда завод делал в год 2 крана, в 55-м — пятьдесят. В прошлом году мы выпустили 4201 автокран. Рост? Рост! Теперь под такой рост завоевываем пространство, подгоняем помещения. Строимся! За последние три года сделано несколько так называемых пристроек, а по существу, несколько новых корпусов. Малярное отделение при сборочном цехе, бытовки с красным уголком и буфетом горячего питания для механического цеха № 11. Отдельное здание для испытателей-водителей с теплыми бытовками и горячей водой для промывания кранов, — раньше люди работали под открытым небом круглый год. Преобразится, кстати, и заготовительный цех. Он, в частности, получит автоматизированный склад для заготовок.

Рабочее слово. Многие из этих пристроек осуществляются по предложениям самих же рабочих, высказанных на ПДПС и цеховых рабочих собраниях — этих школах практического управления делами производства. Вы знаете, сколько сейчас в стране постоянно действующих производственных совещаний? Сто сорок тысяч! Избрано шесть миллионов рабочих и специалистов. Это же огромная активная сила! Высок авторитет ПДПС. Раньше рабочие выступали, я бы не сказал, что несмело — нехотя. Думали, ну что толку? Поговорили и разошлись, начальство отмахнется, у него на уме прежде всего план. Теперь нет. План остается планом, законом нашей жизни, но профсоюз зорко следит за тем, какой ценой достается этот план, как работает человек, что ему нужно для облегчения труда. Предложения рабочих, высказанные на ПДПС, вносятся в коллективный договор, который утверждается на заводской профсоюзной конференции в начале каждого года. Его подписывает от имени администрации генеральный директор, от имени общественной организации — председатель завкома. Этот документ приобретает юридическую силу. И так ведь на каждом предприятии. В прошлом году рабочие страны внесли при заключении колдоговоров два с половиной миллиона предложений, и вот что важно: 95 процентов выполнено.

Договор. Наш коллективный договор — целая брошюра, выпущенная местным издательством. Тираж полторы тысячи, общедоступный. Восемьдесят страниц, двенадцать разделов с приложениями и сметами расходов. В нем производственная программа и показатели, с которыми она должна быть выполнена. Кстати, об экономике. У нас успешно действует установка по использованию дыма котельной для получения углекислоты. За разработку и внедрение этой установки наш коллектив удостоен серебряной медали ВДНХ СССР.

Самый большой раздел договора — по оплате и нормированию труда. Тут таблицы со всеми видами работ и профессиями, тарифными ставками и премиями. Учтено все до последней копейки. Каждый грамотный человек без особых затруднений может проверить, правильно ли ему начислена заработная плата. Профкомитеты, в свою очередь, проверяют правильность расчетов. Может быть, оттого пустуют наши папки по конфликтным спорам.

Несколько разделов целиком на нашей профсоюзной совести: все виды социалистического соревнования, системы институтов, приобщающих человека к управлению производством, — ПДПС, собрания, НТО, ВОИР, БРИЗ... Далее перечень мероприятий по охране труда, технике безопасности и производственной санитарии. Отдельной строкой о труде и быте женщин и об оказании им помощи в воспитании детей. У нас ведь действует женсовет, и многое сделано по его инициативе. На территории завода открыто кафе, организована продажа полуфабрикатов. Словом, в договоре — программа всей нашей заводской жизни на целый год, расписанная чуть ли не по дням. Как она выполняется?

Тамбур. На главном конвейере сборки была высокая заболеваемость в осенне-зимние месяцы. Когда машина выезжала и открывались ворота, люди оказывались на сквозняке. Первым поднял вопрос о сооружении тамбура Мингалеев, молодой бригадир, он еще недавно «Запорожец» покупал. Его поддержали бригадиры Козлов и Раскатов. Сооружение тамбура включили в колдоговор. И разгорелись споры. Одни говорили: двойные двери — и все. Другие добавляли: и поставить еще калориферы. Но рабочие с таким упрощенным решением не согласились. Они считали, что тамбур должен быть таким, чтобы в нем могла разместиться машина. Начальство забеспокоилось: мостовые краны не смогут работать! Сборщиков конвейера поддержал цехком. Не могу, к сожалению, познакомить с его председателем, Александром Александровичем Ивановым, — он сейчас болен. Большой души и партийной принципиальности человек. Он бы все подробно рассказал. В общем, сделали тамбур таким, как представляли его себе рабочие, и сами, своими руками построили его. Доказали, что и кранам тамбур не мешает.

Без конфликтов! Точно таким же способом появился у нас и третий по счету детский комбинат. Среди ваших вопросов есть такой: как складываются отношения с администрацией у завкома? Я, конечно, понимаю, корреспондентам нужны конфликтные ситуации, чтоб была острота, борьба мнений. Боюсь, что разочарую вас: удивительное взаимопонимание. Еще не было случая, чтобы дирекция отказывала завкому, особенно если речь идет о финансировании каких-либо добрых дел, или препятствовала осуществлению плана социального развития. Чего нет, того нет. Впрочем, однажды назревал конфликт. Большая очередь была на места в детский сад и ясли — 80 человек. Завком выходил с предложением построить детский комбинат на 320 ребятишек своими силами и наталкивался на возражения администрации: зачем такой большой, надо снести домишки — 34 квартиры. У нас был аргумент: молодые потянутся к нам, когда узнают, что в нашем детском саду есть места. Детский комбинат — это как раз те самые кадры, которых не хватает на сегодня. Партком поддерживал нас. Мы создали штаб при завкоме по строительству детского комбината. Во всех цехах прошли собрания. Было решено в течение года каждому человеку отработать на стройке одну смену безвозмезд-

но. Всего один день! Говорили: где возьмете нянечек и воспитателей? И их нашли. Построили, да еще как быстро! Всего за один год! Так что, видите, конфликта не получилось. Зато теперь можно спокойно приходить в завком: возле двери не сидят сердитые мамы.

Недоработка. Строить-то мы строим. Без дополнительного привлечения людей, без подрядчиков и субподрядчиков. На пристройке заготовительного цеха — корпусе № 4 — в прошлом году освоили полмиллиона, в этом году миллион, а год еще не кончился. Но вот в чем действительно острая проблема хозяйственного способа строительства: планируется финансирование, но не подкрепляется материалами. Кирпич, бетон и металлоконструкции приходится добывать окольными путями, всеми правдами и неправдами. А собственно, почему? Мы же не частные дачи себе строим. Все это для людей и государства. Тут что-то нашими плановыми органами недоработано. Тем более, что явление это типичное — не один же наш завод развивается таким путем!

Столовая. В нашем коллективном договоре есть такой пункт: «Администрация завода обязуется закончить в 1981 году оборудование бытовых помещений и столовой на 150 посадочных мест...» С бытовками у нас наведен уже полный порядок. Обновили старые, построили в нескольких цехах новые. Строится новая столовая, в декабре ее пуск. Вот я и наметил себе сегодня проверить, как идут тут дела. Заодно вообще о наших столовых. Все они в равных условиях.

Что же касается качества обедов, то за этим наблюдают профкомы и цехкомы. Будет у нас и диетическая столовая.

СРЕДА

Доброе утро. Оно у нас действительно доброе! Редукторы из Ижевска пришли, значит, план будет! Даже на сердце легче стало. И квартальный закроем как положено. Однако такая жизнь в полной зависимости от поставщиков, когда частенько лихорадит, порядком всем надоела. В объединении решается вопрос, как бы наладить своевременные поставки и качество гидрораспределителей, изготовленных Андиганским заводом.

Окно. График мой ломается. Среда — день президиума завкома, но какой может быть президиум в последний день квартала. Получилось у меня «окно» в вашу пользу. Для утреннего обхода наметил два цеха — металлоконструкций и опорно-поворотных устройств. Мы найдем в них ответ на один из интересующих вас вопросов, а именно: «Что значит защищать интересы трудящихся?» Услыхал бы человек со стороны — удивился бы: от кого, собственно, защищать? Живем мы не в капиталистическом государстве, эксплуататоров 64 года нет. От начальника цеха, директора? Ижевска? Да они же сами вчера рабочие или дети рабочих. На рабочий класс опирается партия. Какие же интересы требуют его защиты? Вы говорите, что все: производственные, жилищные, бытовые, отдыха и спорта... В самом деле: где бы ни были, о чем бы ни говорили — везде соприкасались с ними. Что такое производственные условия? Это прежде всего сама работа. Какая она? Если тяжелая, то как ее облегчить?

В. Соколов (третий слева) беседует с работниками механического цеха М. Маловым — инструктором производственного обучения, председателем цехового комитета, А. Ореховым — бригадиром зуборезчиков, В. Маловым — мастером смены.

Фото Г. Романова, редакция газеты «Рабочий край»

Как защитить, избавить человека от тяжелого труда?

Стрела. Мы пришли в цех металлоконструкций. Здесь собирают стрелы кранов. Главная операция — сварка. Еще четыре года назад ее делали вручную. Перевели на полуавтоматическую. Не надо бегать за баллонами и тащить их в поте лица за собой. Инструмент — сварочная горелка сама ходит за рабочим по укосине, которая легко поворачивается, и по ней подается электрод. Облегчение труда? Несомненно!

Вот тут не просто сварщик, а оператор, тут автоматизированная стендовая сварка. Такие устройства разработали наши заводские конструкторы по плану оргтехмероприятий, составленных вместе с заводом.

Пройдем дальше. Красивый пролет? Светлый, строгий, просторный. Тоже пристройка. Здесь хозяева — сборщики стрел. Видите того крупного человека в очках? Виталий Федорович Грищенко. Первым в цехе создал бригаду из 17 человек, работающую на один наряд и с применением КТУ.

ВСТРЕЧИ НА ДОРОГЕ. «Виктор Николаевич, можно на минуточку? — догнал нас кто-то по пути из одного цеха в другой. — Нельзя бы мне в столовой на субботу договориться на вечер?.. Понимаешь — пятьдесят лет, юбилей. Дома сноха на сносях. Вот-вот разродится. Человек сорок придет — куда их?»

«Если меня позовете, то тогда, конечно, можно», — отшутился Соколов и только собрался двинуться, как еще кто-то:

«Нельзя ли будет к вам подойти по поводу автомобиля?»

«Приходите, но я должен знать мнение цехнома, какая там очередь?»

Преимущество. Знаете, почему часто вот так, на ходу, решаешь вопросы? Не всякий человек пойдет сразу в завод, застеняться может. А если бы и пришел, то больше бы времени потратил. Юбилей — кузнец, хороший работник и замечательный запевала в нашем хоре. О себе кстати напомнил. Надо запросить в цехах списки юбиларов, да и свой по

заводу управлению посмотреть. Второй, который в полосатой шапочке подходил, — шофер. Давно мечтает о собственной машине.

ОПУ. Цех опорно-поворотных устройств — ОПУ — можно сказать, осуществленная наша мечта. Он строился по нормам современного производства, с размахом что вширь, что ввысь. В семидесятом году здесь сняли первую стружку — музейный экспонат в кабинете начальника цеха. Теперь в сутки здесь собирается двести ОПУ семи типов, отправляются по 53 адресам нашего и других министерств, и все удостоены почетного пятиугольника — государственного Знака качества. В цехе прогрессивная технология с тоннелями стружкоуборки и специализированное оборудование с высокой степенью механизации и автоматизации. Пульты с кнопками, щиты приборов. Все это для облегчения труда человека, так сказать, реальная защита его интересов широким планом.

Автомат. Этот автомат для сверления венцов ОПУ единственный в своем роде и пока в стране. Одновременно обрабатывает 12 огромных, тяжелых венцов. Все абсолютно операции от загрузки до снятия фаски в двадцати одновременно просверленных отверстиях и уборки стружки выполняет автомат. Физический труд человека исключается полностью. Надо только нажать кнопку «пуск». Месячную программу завода этот чудо-автомат обеспечивает за полсмены. Мы гордимся, что изобрели его наши заводские инженеры: Долгин, начальник бюро станков, и молодые специалисты Заянчуковский и Кузьмин. Подобным автоматом не располагает западно-германская фирма в Дортмунде, на 70 процентов обеспечивающая ОПУ капиталистические страны. В этом убедился во время своей поездки туда сам Долгин.

Хозяева. В этом цехе немало и других высокопроизводительных станков и агрегатов, выполненных по нашим заказам разными заводами страны. Работать на них и проще и легче — это и есть та техника, которая бережет здоровье, силы и время рабочего. Но вот тут какой интересный процесс развивается: сами рабочие чувствуют себя настоящими хозяевами цеха, совершенствуют и технологию и станки. Чечулин, слесарь-ремонтник высокой квалификации, наставник молодых, усовершенствовал механизм деления на станке коломенского завода для фрезеровки зубьев венца. Бригадир электриков Коротков вместе с мастером Шишловым модернизировал электрическую схему специализированного агрегата для подрезки и зенковки отверстий полуобойм.

Знакомьтесь: Анатолий Сакердонович Марков. Наш замечательный токарь-карусельщик, рационализатор, член цехового комитета. Но знаю лично и лучше его с другой стороны. Марков — физорг этого огромного цеха, в котором работает свыше пятисот человек, душа коллектива. Так ведь, Анатолий Сакердонович?

МАРКОВ. У нас каждый шестой человек постоянно занимается спортом. Только перворазрядников 13. Токать Саша Носихин — кандидат в мастера по штанге. Цеховые команды заняли первые на заводе места по многим видам — футбол, волейбол, баскетбол, многоборье, ГТО. Успешно выступали легкоатлеты в День физкультурника. Очень много любителей лыж. Каким видом спорта занимаюсь я? Долго рассказывать. Еще с детства, до армии, — бокс, на службе — прыжки в воду и длину. Потом лыжи, многоборье, стрельба... И сейчас, хотя мне за пятьдесят, в своей возрастной группе выступаю. Дома у меня тоже все к спорту приучены. Жена — к лыжам, дочь — к художественной гимнастике, ее муж — к штанге.

Легенда. Признаюсь, я сам к спорту равнодушен. По молодости бегом занимался и лыжами. Улыбаетесь, не похоже? Или что я

себя к немолодым причисляю? А ведь все 33 уже есть. Никуда не денешься. Так вот, будучи студентом, под руководством Павла Колчина бежал. Да вот несчастье постигло — вывихнул ногу, на том моя звезда и закатилась. Позже гантелями занялся, и сейчас в моем кабинете под шкафом тридцатидвухкилограммовки наготове, для разминки от сидения за столом. Спорт люблю! Это меня и к заводу сначала привязало. Как же: ходили по городу легенды — директор автокранового с рабочими мячик гоняет! Таким «легкомысленным» директором был Евгений Васильевич Спиридонов, сейчас в Москве он, а традиция осталась. Какой сегодня день? Среда утром была? Опоздали! Ая-я-я, опоздали! Вечер среды — святой вечер. Начальство по средам мячик гоняет! Ровно в 17.00. Интересно, был Шавреев, наш генеральный? Позвоним, узнаем. Люсенька, скажите, Анатолий Сергеевич играл? Играл! Нет, больше ничего не надо, спасибо. Жива легенда! Вы не считайте его годы по седой шевелюре. Ему только сорок три. Не посмотрел, что последние часы квартала истекают. Впрочем, уже знал, что план есть. Сорок минут на поле — это плюс день жизни. Жалко, что не успели за него поболеть. Но наш спортивный комплекс я вам покажу. Сейчас же! Он рядом, справа от проходной. Две грации с мячом у входа.

Магнит. Конечно, у нас не Лужники, но разве этот зал не прекрасен! Зимой волейбол, баскетбол, даже футбол. В свободные часы занимаются группы здоровья мужчин и женщин. Школьники, гэпэтушники приходят. В общем, не пустует никогда. А что тут делается 9 Мая! Приходят ветераны при всех своих регалиях. Всеобщее торжество. В день приема нового пополнения вечер «Давайте знакомиться!». Накрыты столы, стоят самовары. В такой теплой обстановке принимаем учеников ГПТУ. В пристройке — и тут пристройка — зал для борьбы. Хоккейная площадка с освещением по всем правилам. Футбольное поле. Гаревая беговая дорожка для заводских кроссов. А тир-то какой! С бегущими кабанами! Но это уже владения ДОСААФ. Конечно, тут не Лужники, но призов и кубков у нас хватает. Наши спортсмены занимают первые места по району, и городу, и области. Да и сам комплекс, второго такого нет в районе. А ведь это очень много значит. Для молодежи — магнит. Спорт — это кадры.

Беды. Но есть и тут беда: позарез нужна мне еще одна единица в штатах — тренер по художественной гимнастике. Будем хлопотать, пока своего не добьемся! И еще: спортивный инвентарь приобрести не можем в нужном нам количестве. Костюмы кое-как выцарапываем, одели все команды, даже борцов, внешний вид играет немалую роль. Генеральный директор что на спорт, что на художественную самодеятельность денег не жалеет. А купить спортивный инвентарь не можем. В магазинах недостаточно, там не продают по безналичному расчету. А оптовые базы свое заладили: лимит исчерпан! И тут бюрократические палки в колесах! Так же нельзя работать.

Окончание следует.

БАНКА КИЛЕК

Юрий КОЗЛОВ,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

12 августа 1950 года четыре маленьких рыболовецких артели на полуострове Вийсми — это неподалеку от Таллина — решили объединиться. Так родился рыболовецкий колхоз имени С. М. Кирова. Сейчас это хозяйство знаменито на всю страну. Ежегодная его продукция — пятьдесят пять миллионов банок рыбных консервов, почти треть от общего их производства в Эстонии. Колхоз на собственных судоремонтных базах ремонтирует собственные суда, в собственном конструкторском бюро создает и в собственных цехах изготавливает специализированное оборудование не только для себя, но и для многих рыбообрабатывающих и рыбодобывающих предприятий в СССР и за границей.

...Оказаться в Эстонии и не побывать в колхозе имени Кирова — это все равно что не заметить в Таллине Старого города, не увидеть новой, олимпийской достопримечательности — центра парусного спорта.

Дорога в колхоз как раз проходит мимо этого центра. Бетонные набережные, парк Кадриорг, многочисленные изящные строения, удивительно вписывающиеся в окружающий пейзаж... Не хватает только разноцветных парусов на глади залива. Но сейчас осень, и гладь смущена короткими тугими волнами, подбитыми белой пеной. А когда-то берег здесь был пустынный. И объединившиеся тридцать один год назад колхозы были отнюдь не из богатых...

Здесь много думают над тем, как сделать, чтобы каждый вложенный рубль окупался, приносил прибыль. Ведь не секрет — щедро отпущенные средства, предоставленная колхозу или совхозу самостоятельность еще далеко не гарантия успеха, и сколько было печальных примеров, когда средства растрачивались впустую, самостоятельность оказывалась ненужной, неожиданной, и люди в результате жили не лучше и не хуже.

Об этом и шел разговор с Калью Алакула — заместителем председателя колхоза, энергичным человеком, которому, по-видимому, уже надоела делегация, представители, корреспонденты... Однако же неизбывный интерес к делу, какая-то почти юношеская увлеченность заставляли его вести разговор страстно, мыслить по ходу дела, что-то опровергать, а в чем-то убеждать не только собеседника, но и самого себя. Алакула работает в колхозе уже восемнадцать лет, начинал как технолог рыбообработки. Слово «рентабельность» у него на первом месте. Это главная заповедь колхоза. А вторая — забота о человеке. Алакула рассказал о днях новорожденных — праздниках по случаю рождения в чьей-нибудь семье младенца, о специальных родительских факультетах, где читаются лекции по педагогике, где учат, как ухаживать за ребенком, растить его здоровым и сильным. Рассказал о детских садах, школах, санаториях, за деятельностью которых следят специальные комиссии по воспитанию детей. Члены этих комиссий — сами родители. Рассказал, что специальность после школы ребята могут выбрать практически любую — все найдут применение в колхозе. А кто хочет учиться — пожалуйста! Рассказал и о пансионате для престарелых, где на полном колхозном обеспечении живут люди, у которых не осталось родных и близких. Таким образом, заключил Алакула, колхоз заботится о человеке с самого его рождения и до старости. Что бы ни случилось с человеком, ему всегда помогут. Система эта отлажена и действует безукоризненно. Естественно, что и люди в ответ на та-

кую заботу работают на совесть, прогулы, пьянство здесь весьма редки.

— В пятидесятые годы наш колхоз, — продолжал Алакула, — ловил рыбу, то есть фактически давал сырье, что само по себе было делом не очень прибыльным, килограмм кильки, салаки стоил дешево. А если своевременно рыбу не вывезти, она протухнет, тут уж вообще одни убытки. В шестидесятые годы началась обработка рыбы, то есть вместо сырья колхоз стал давать готовый продукт — консервы, и прибыль с каждого килограмма выловленной рыбы неизмеримо увеличилась. С этой-то консервной банки и начался мощный подъем колхоза, который продолжается до сих пор. В силу территориальных особенностей — близости к морю, колхоз расположился на трехстах с лишним километрах побережья, — удалось «схватить» два конца экономических «ножниц» — сырье и готовый продукт, что замкнуло производственный цикл, с одной стороны, а с другой — произвело целую экономическую революцию. Сидевшие раньше без дела жены рыбаков овладели новыми специальностями на консервных заводах, возникла нужда в новых рабочих руках, а значит, пришлось развернуть строительство. Не только жилищное, но и школ, клубов, санаториев. И в основании всего этого здания лежала простая банка килек или салаки.

Сейчас, в начале восьмидесятых годов, колхоз имени Кирова — это промышленно-индустриальный комплекс. Судоремонтные цеха, ремонтирующие в межсезонье не только свои, но и корабли других хозяйств, производство специализированного оборудования для рыбной промышленности, цех железобетонных конструкций, мощная стройбаза, мебельный цех... Все вопросы, связанные с проектированием и строительством, решаются здесь автономно.

Таков сегодняшний день. Но одновременно идет и пристрелка на будущее. Нашупать, разглядеть те отрасли, которые станут рентабельными завтра, — этому здесь придается большое значение. С тысяча девятьсот пятьдесят пятого года руководит колхозом заслуженный рыбак Эстонской ССР, Герой Социалистического Труда Оскар Кууль, в годы войны снайпер. Сейчас у него другой прицел: как сделать, чтобы и в будущем колхоз оставался рентабельным? Ведь Балтийское море — стол, за которым сидят и финны, и шведы, и немцы, и поляки, и датчане... Запасы рыбы в нем не вечны. Лов приходится каждый год сокращать, иначе рыба не успеет воспроизводиться. Значит, надо полнее, лучше использовать пойманную рыбу. До минимума сократить отходы, внедрить в рыбообрабатывающую промышленность новые машины. Сейчас, например, колхоз начинает выпускать более деликатесные консервы, баночка — всего сто двадцать пять граммов.

Но есть и еще одно направление — рыбодобывание. Ану Герман, высокая блондинка, — главный рыбовод колхоза. После окончания биологического факультета Тартуского университета занималась генетикой. В колхозе уже восемь лет. Сейчас координирует работу четырех рыбодобывающих хозяйств, кроме того, занимается научными исследованиями. Ану рассказала, что пытаются разводить многие виды рыб, но лучше всего разводится радужная форель. Все павильоны спроектированы колхозным проектным бюро. Одно из хозяйств — Пяриспеа — первое в стране, где для выращивания радужной форели используется морская вода. Она ускоряет рост форели, улучшает ее вкусовые качества. Пока, конечно, считает Ану Герман, говорить о каких-то боль-

ших успехах преждевременно. Но в прошлом году, например, колхоз продал триста тонн форели. Это не так уж мало. Рыбодобывание — дело перспективное, для его развития в колхоз привлекаются квалифицированные специалисты, и можно надеяться, что со временем оно будет приносить большие прибыли.

Таким образом, выходило, что рыбаки — люди одной из самых уважаемых в Эстонии профессий (в колхозе, кстати, создан уникальный музей истории рыбодобывания) — уже не самый многочисленный отряд колхоза.

...В тот осенний день над Балтийским морем то носились тучи, то светило солнце. Высокая волна не позволяла кораблям выйти в море. Они качали у причалов частокоры мачт, чем-то напоминали охотничьих собак, натянувших поводки, тоскующих по вольному поиску.

Капитана Людвиг Рым — седого, подтянутого, интеллигентного — я встретил в библиотеке. Вот уже почти двадцать пять лет командует он небольшим рыболовным судном, ловит кильку, салаку, треску, камбалу. Когда-то попадался и угорь, и лосось... Сейчас их почти нет. Людвиг Рым сказал, что, хотя он и ловил всю свою жизнь рыбу, сейчас ему интереснее говорить не о том, как он ее ловит, а как сделать так, чтобы рыбы хватило идущим вослед поколениям. Как сделать так, чтобы Балтийское море вновь стало чистым? Родом Рым с острова Сааремаа, там еще мальчишкой познакомился с трудом рыбаков, полюбил море. Еще он сказал, что каждый капитан должен следить, чтобы никакой мусор с его судна не попадал в море, что ловить надо аккуратно и не жадничать. План-то планом, но вот рыбы все меньше и меньше... Рым сказал, что он рыбак по призванию. Для него сам процесс поиска рыбы не менее увлекателен, чем ловля. Еще в детстве поразился: абсолютно одинакова поверхность моря, но в одни места рыба идет, а в другие почему-то не идет. Найти, угадать, нащупать, где рыба, — это может только рыбак по призванию. Сейчас рыбодобывание в колхозе держится в основном на старых, закаленных кадрах. Молодые нынче не очень охотно идут в рыбаки. Кому охота восемь месяцев болтаться в море, если и дома хорошо? Да и физически приходится много работать. И все-таки, закончил Рым, от вопроса, каким мы оставим море потомкам, не уйти. Грязным, опустошенным? Или чистым, изобильным? Ведь банка килек — палка о двух концах... Настоящий рыбак не может об этом не думать...

Алакула, Ану Герман, Рым... Три человека. Но если вдуматься, каждый из них — это сегодняшняя жизнь колхоза, его каждодневные заботы, поиски, проблемы.

Калью Алакула — инициативный, деятельный, из тех, кто знает, как распорядиться самостоятельно, кто считает, что прогресс производства и условия работы, жизненный уровень людей должны расти параллельно. Они — как сообщающиеся сосуды.

Ану Герман ведет важную работу, с помощью науки развивает необходимую для будущего отрасль — рыбодобывание.

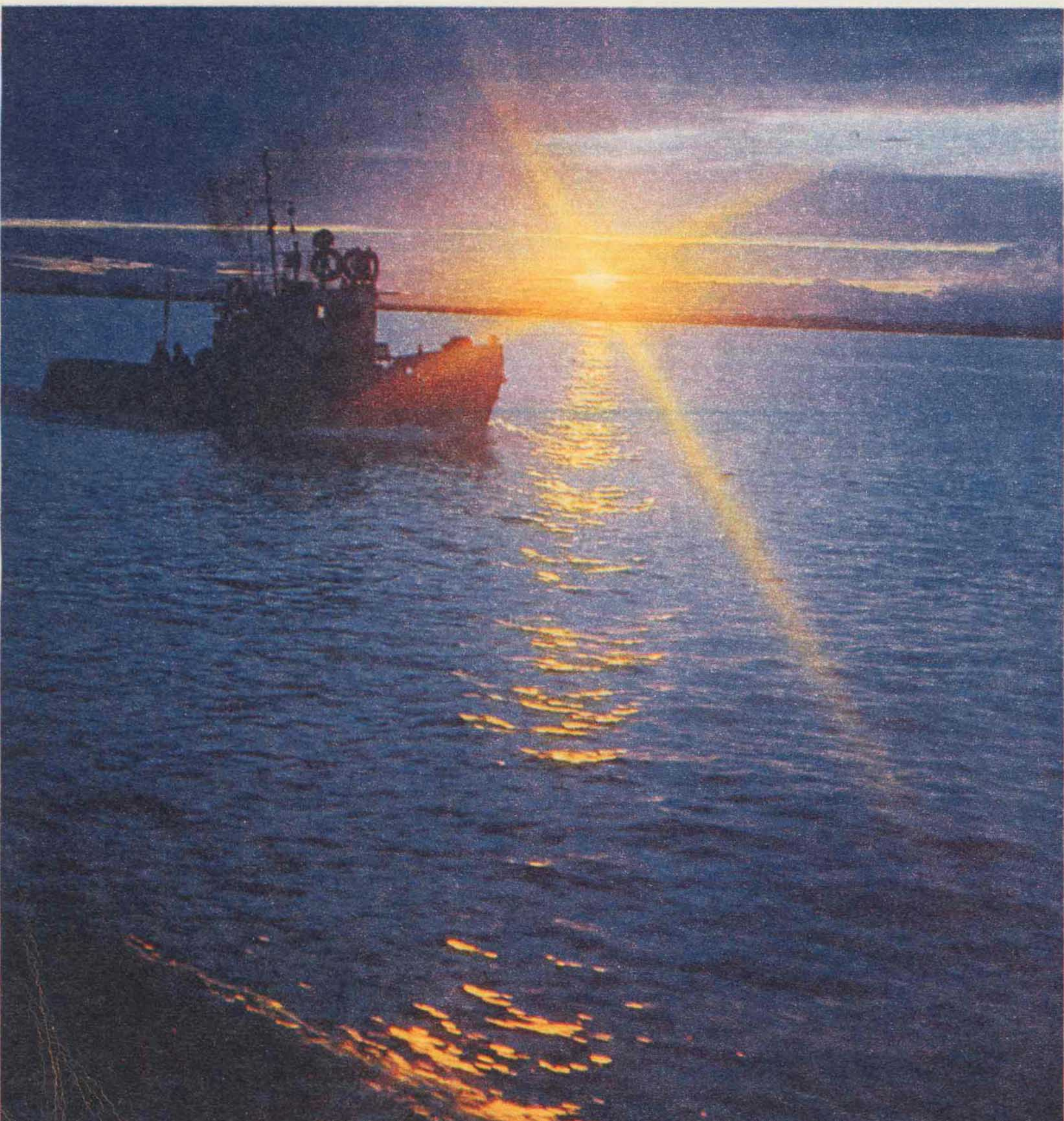
Людвиг Рым всю жизнь честно делает свое дело. Без таких, как он, порядочных, добросовестных людей вряд ли колхоз имени Кирова стал бы тем, что он есть.

...А потом, под вечер, я вновь стоял на причале, всматривался в даль, где серые волны сливались с серым небом. И необъятное Балтийское море почему-то казалось маленьким, беззащитным, больше, чем когда бы то ни было, нуждающимся в разумном и бережном отношении со стороны человека.

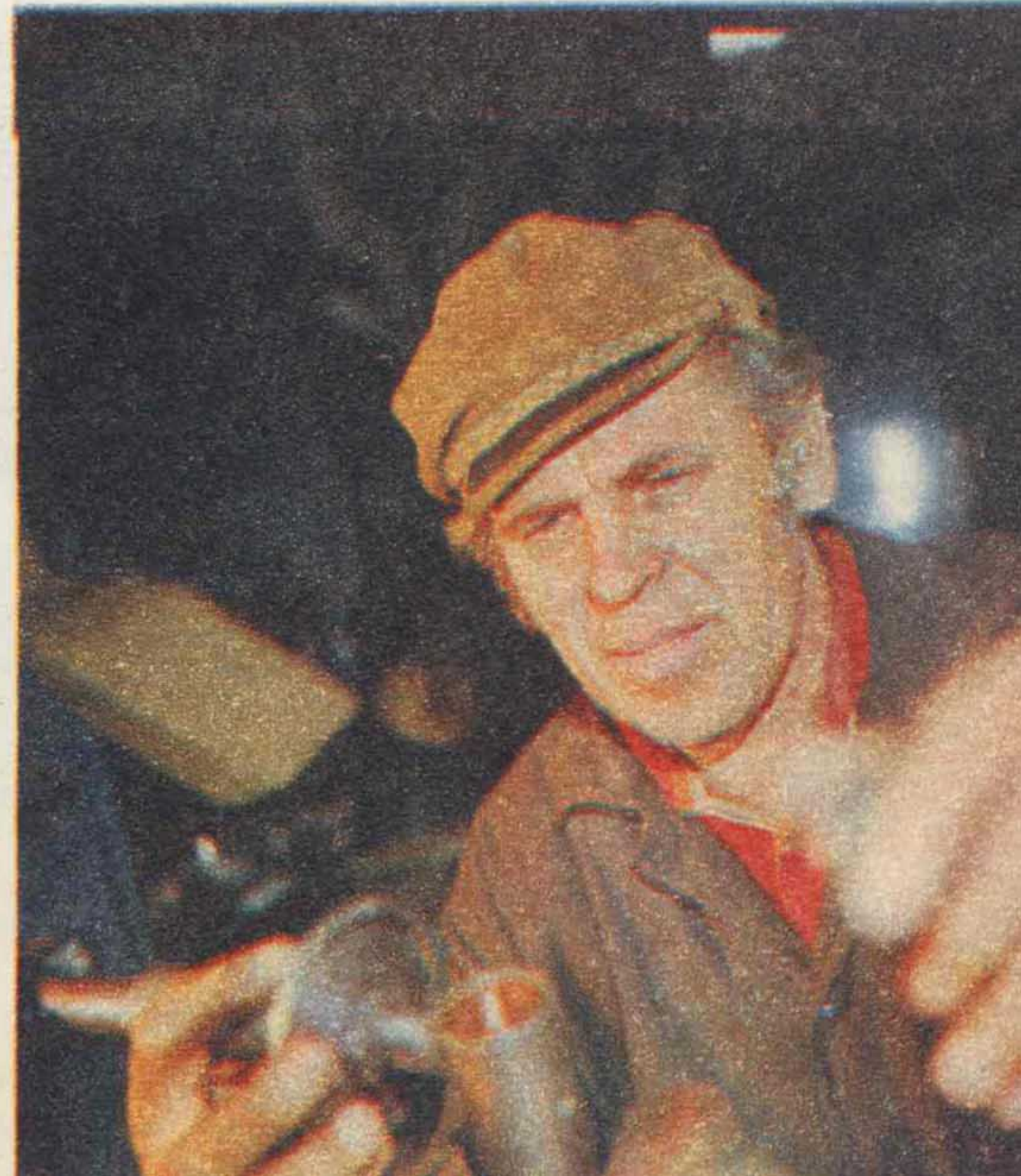
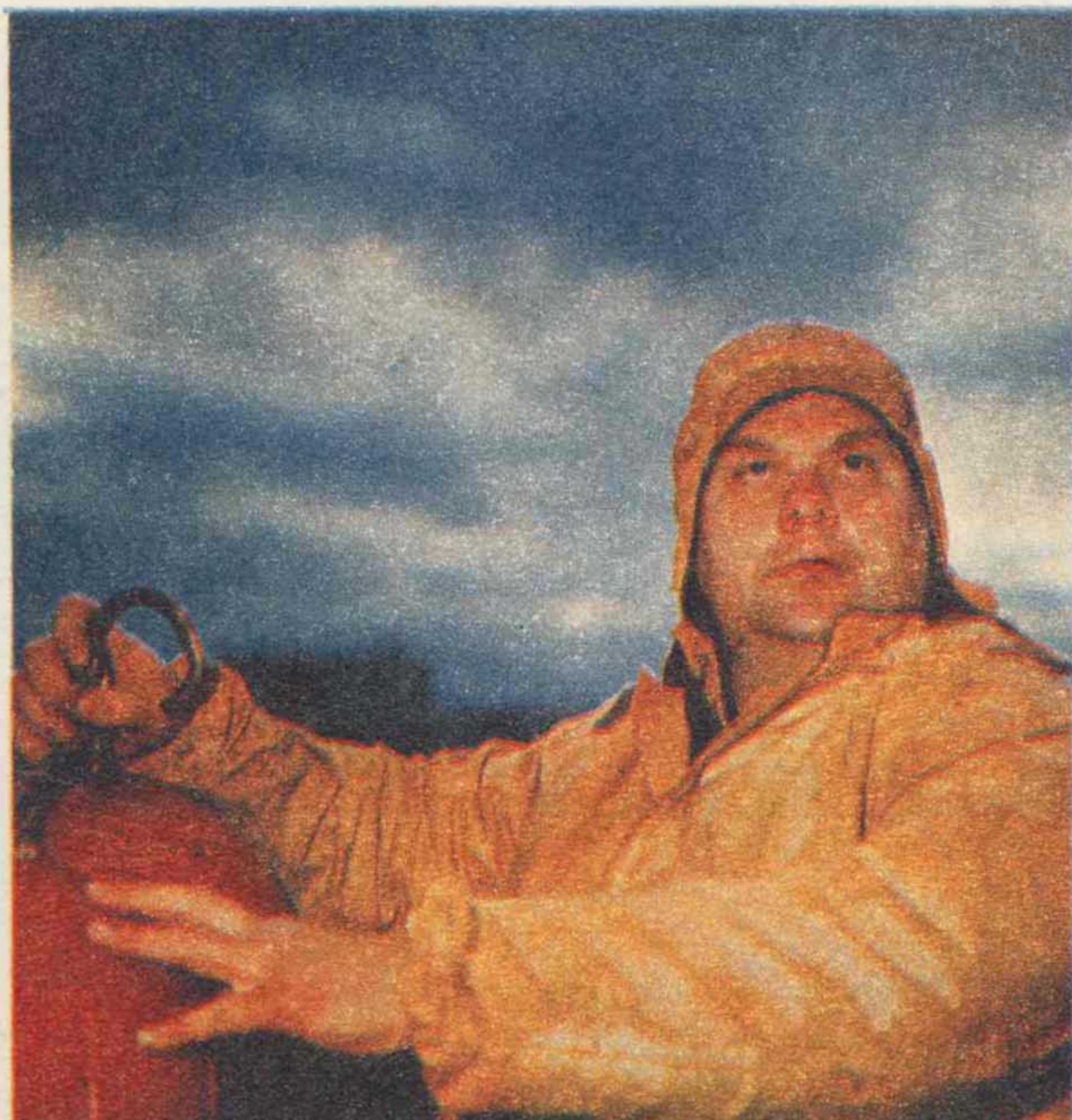
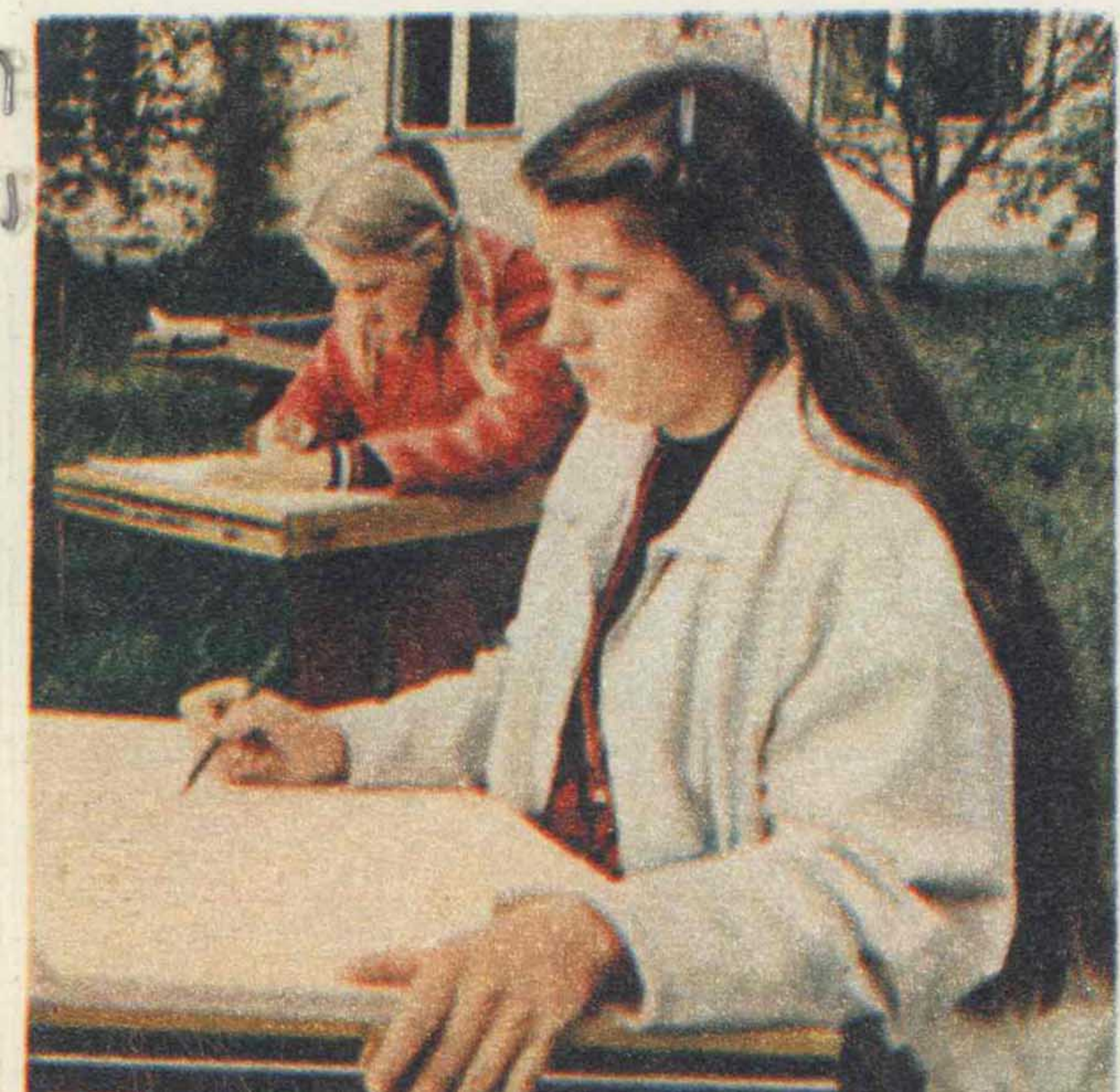
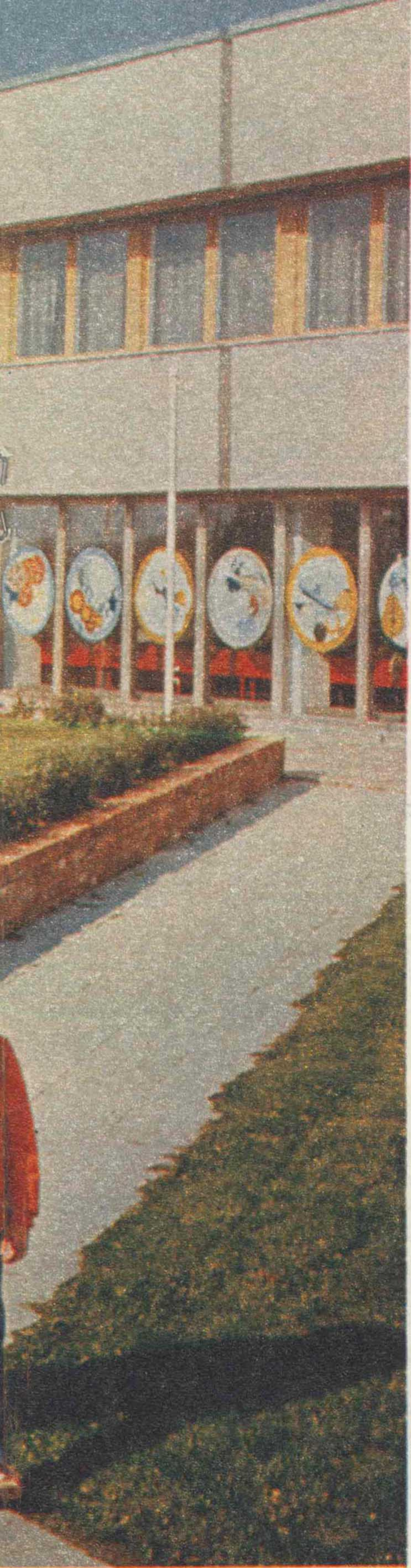
Таллин — Москва.

«Гнездышко утенка» — так называется детский сад в поселке рыбаков Хаабнэме * Море осеннее * Председатель рыболовецкого колхоза имени С. М. Кирова, Герой Социалистического Труда Оскар Пэтерович Кууль.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В рыбацком поселке * Суда вернулись с лова * Людмила Серебрякова работает на линии консервов «Шпроты» * Супруги Ани и Илар Ластинг, выпускники Тартуского университета, нашли в колхозе увлекательную работу — разведение форели * На дальней связи с судами инженер-оператор Эльга Кийкер * Восьмиклассница Ирис Лийк учится в колхозной детской художественной школе * Тралмастер Эйно Марипу * Бригадир слесарей экспериментального цеха колхоза Лембит Каселаан участвует в создании новой аппаратуры.

Без нее нельзя прожить ни дня. Она утоляет жажду и согревает нам дом. Она дает жизнь полям и фермам, фабрикам и заводам. Она поит, кормит и лечит человека. Она буднична и загадочна. И люди должны ее использовать, преобразовать — и сохранить. Она — вода. Удивительны ее тайны. О них говорили ученые на IV Всесоюзном совещании по проблемам активации воды, прошедшем недавно в Москве.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ПОТОК

...Вожди бедуинских племен гостили во Франции. Как-то их повезли полюбоваться большим водопадом. Прошли десятки минут, а жители пустыни как замороженные продолжали смотреть на низвергающийся хрустальный поток. «Побудем еще немного», — просили их взгляды. По меркам экскурсовода, пора было идти дальше — «здесь нет больше ничего интересного».

— Подождем еще.

— Чего же ждать?

— Пока кончится вода.

Эту историю рассказал Экзюпери, напомнив нам об истинной цене самого распространенного вещества на свете.

Несколько лет назад Международная организация здравоохранения опубликовала такой научно обоснованный и впечатляющий факт: лишь немногим более 10 процентов населения Земли обеспечено здоровой питьевой водой в нужном количестве!

Из общего количества воды на планете на долю пресных вод приходится лишь 2,5 процента. Пусть не смущает эта скромная цифра. В литрах она велика: 35 миллионов кубических километров. Но нынешняя ситуация такова, что в обращении находится лишь малая ее доля. Как добыть на благо людям остальную воду? Проблема тем более актуальна, что с каждым годом растет общее потребление воды. За три четверти нынешнего века в целом оно выросло в 7 раз, к концу столетия ожидается еще двукратное увеличение по сравнению с 1975 годом. Любопытная деталь: в средние века, например, на человека приходилось в 50 раз меньше воды, чем «положено» нынче. Как же тогда обходились люди?

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Современное научно-техническое «наступление на воду» идет широким фронтом. Ищутся эффективные технологии опреснения морской воды, предлагаются проекты использования ледниковой влаги, глубже в землю уходят артезианские скважины. Но есть источник, который уже давно служит людям и который, как показывает практика последних лет, может сказочно увеличить наше нынешнее далеко не сказочное водное богатство. И количественно и, главное, качественно. Речь идет о той воде, которой мы пользуемся не в быту, а расходует на индустриальные нужды и сельское хозяйство. Для развитых стран эти технические потребности составляют почти половину общего расхода пресной воды. Например, чтобы вырастить тонну кукурузы, требуется 4000 тонн воды. На производство соды уходит воды в сто раз больше, чем вес готовой продукции. На производство стали — в сто пятьдесят раз больше, синтетических материалов — в семьсот, алюминия — в тысячу триста!

Удивительны и уникальны свойства этого вещества — воды. И чтобы их полнее использовать, их необходимо изучить самым доскональным образом.

Почти все физико-химические свойства воды — исключение в природе. Некоторые из этих аномалий имеют определяющее значение для развития и возникновения жизни, формирования климата и рельефа нашей планеты. Аномальны, например, такие характеристики, как температуры кипения и замерзания воды — плюс сто градусов и ноль градусов. Напомним, что составные части воды — водород и кислород — кипят и замерзают соответственно при температурах порядка минус 200, минус 250! Согласно аналогиям со схожими молекулярным строением веществами вода должна бы кипеть при минус 70 градусах, а замерзать при минус 90. Но это значило бы, что вода смогла бы существовать на нашей планете лишь в виде пара. И планета была бы мертва! К счастью, молекулы воды обладают необычайно сильной способностью притягиваться друг к другу, а разрываются с большим трудом, поэтому температуры плавления и кипения воды гораздо выше «нормальных». Привычные понятия «норма», «логика» — не для таких уникальных научных объектов, как вода. «А именно вода, эта древнейшая из всех стихий, вечно ставила в тупик физиков и химиков» — слова принадлежат перу известного мыслителя-естествоиспытателя Джона Бернала.

«Вещество № 1», «самое драгоценное ископаемое», «обыкновенное чудо» — так называют воду и ученые, и популяризаторы, и далекие от науки поэты и публицисты. А сегодня это привычное всем вещество подарило пытливым экспериментаторам новую порцию загадок, разгадка которых принесет немалую практическую пользу.

«ХОЛОДНЫЙ КИПЯТОК»

Произошло это в Алма-Ате. Исследователи братья Зелепухины натолкнулись на удивительное свойство воды случайно, по... нерасторопности. Обычно для одного биологического опыта использовались 8 стаканов заранее вскипяченной и медленно охлажденной воды. При такой технологии пока приготовят последний стакан, в первом успевают раствориться газы воздуха. Когда доходит очередь использовать последний — в нем также полно газов. Неожиданно один из стаканов разбился, и, чтобы не портить весь опыт, недостающую часть воды после кипячения охладили очень быстро. И — эврика!

В воде обычно растворены различные газы. Разумеется, в меньшей степени, чем в копейной газировке, но вполне достаточной, чтобы ухудшить действие самой воды на живой организм. Вскипяченная и быстро охлажденная вода не успевает в такой степени насытиться газами воздуха. На практике это позволило повысить привесы в животноводстве и прибавки в урожае: пшеницы — до 25 процентов, хлопчатника — на 10 процентов, огурцов — на 10 килограммов с квадратного метра, сахарной свеклы — почти на треть. «Холодный кипяток» действовал как стимулятор роста и в то

же время имел по сравнению с рядом известных стимуляторов определенные преимущества. Он нетоксичен, доступен, более технологичен в приготовлении. Нетоксичность, а точнее — благотворность его действия на живой организм братья Зелепухины проверяли на себе, и они утверждают, что ежедневный стакан приготовленной таким образом воды не уступает по эффекту многим лечебным эликсирам.

ПРОМОЛОТАЯ В «СТУПЕ»

«Его величество случай» имеет отношение еще к одному способу активации воды — механической обработке воды между металлическими вращающимися навстречу друг другу штырями помольного агрегата с мудреным названием «дезинтегратор». Нечто вроде помола воды в «ступе»! Случай оказался счастливым для всей научно-практической деятельности автора открытия, доктора технических наук И. А. Хинта. Им доказана эффективность механической активации как твердых, так и жидких тел, включая воду. Помолотая в «ступе» вода стала иной по своим свойствам. Ее биологическую благотворность проверила авторитетная комиссия Госплана СССР в 1980 году. При поливе активированной водой растения лучше переносят и мороз и засуху, при употреблении животными повышается их сопротивляемость различным недугам.

ТАЛАЯ ВОДА

Обширный список благотворных ее влияний на живой организм начинают древние хроники. В них немало свидетельств биологической активности горных потоков, низвергающихся с большой высоты, из-под ледников. Но вот факты, документированные в современной научно-технической литературе.

Специалисты Донецкого мединститута проводили исследования людей, пользующихся для ингаляций свежетапой водой, в течение года на четырех шахтах Донбасса. И вот какие получены результаты: за год на каждую тысячу горняков трудовые потери снизились на 300—400 дней. Приведу еще свидетельства ученых Томского мединститута: «Талая вода резко ускоряет развитие различных растений, а у человека снижает, в частности, количество холестерина в крови». Добавлю данные зарубежных практиков — американских фермеров: «Введение в рацион кормления свиней талой воды значительно ускоряет их развитие, добавляя «по одному бифштексу в день с каждой свиньи».

ОБЛАГОРОЖЕННАЯ МАГНИТОМ

В 1945 году бельгийский инженер Т. Вермайерн запатентовал способ борьбы с накипью в паровых котлах: вода «с солями жесткости» пропусклась через магнитное поле. Затем инженеры и ученые-практики, почувствовавшие вкус к омагниченной воде и ее технологическим возможностям, стали предлагать одну за другой новые области ее практического использования. Производство бетона и очистка вод, обогащение полезных ископаемых и улавливание пыли, уменьшение отложения солей в нефтяных скважинах.

Наша промышленность достаточно активно начала использовать омагниченную воду с начала 60-х годов. В то время Московский завод

имени Войкова выпустил первую партию магнитных аппаратов собственной конструкции для паровых и водогрейных котлов.

Активированная вода — значит жизнеспособная. Медики успешно лечат омагниченной водой кожные заболевания, гипертонию, облитерирующий эндартериит. В сельском хозяйстве она используется в птицеводстве (по данным Воронежского сельхозинститута, яйценоскость кур, которых поят омагниченной водой, увеличивается на 6—7 процентов), существенно повышает при поливе урожаи различных культур (средняя прибавка урожая в процентах, по сведениям Волжского НИИ гидротехники и мелиорации, составила: огурцов — 37, томатов — 32, редиса — 40, гороха — 28, кукурузы — 17, сои — 28, моркови — 30, озимой пшеницы — 28). Немалую роль в этой прибавке, по-видимому, сыграло лучшее усвоение минеральных удобрений — на 10—15 процентов растения стали богаче азотом, калием, фосфором.

Исключительно важен для народного хозяйства страны подмеченный при поливе омагниченной водой удивительный эффект рассоления почв. Заниматься таким окультуриванием земель приходится с каждым годом все масштабнее, а для этого нужны продукты из дорогих и дефицитных кислот.

Когда беседуешь с известным московским ученым Вилли Ивановичем Класеном о его работе, то возникает ощущение, что в последнюю очередь ему интересны физические чудеса преобразования воды при активации, но прежде всего — те громадные экономические резервы, которые откроются при масштабном использовании этих технологий.

Вот лишь один пример. Вилли Иванович достает недавно полученное письмо за подписью директора Саратовской ГРЭС и читает:

— С 1964 года применяется метод магнитной обработки воды теплосети города Саратова... Годовая экономия составила 1,3 миллиона рублей... А таких станций у нас тысячи. Вот и считайте эффект. А соль? Да, да, соль, которая используется для борьбы с накипью в теплосетях котельных. Энергетика ее забирает больше пищевой промышленности. А чуть более десятка магнитных устройств, встроенных в систему теплосети, позволят сэкономить... вагон соли. Главное же — это экономия топлива. В стране сотни тысяч котельных. Снабженные магнитными устройствами, эти котельные станут потреблять ежегодно за счет улучшения тепловых характеристик на 10 миллионов тонн условного топлива меньше. Так уже сейчас можно делом ответить на недавнее постановление партии и правительства о строжайшей экономии топлива.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Воду можно и нужно экономить каждому. Из наших водопроводных кранов порой бесцельно сочится не просто бесплатная влага. Для страны, ее индустрии эти капли обретают реальную и весомую цену. Но воду должно экономить и с помощью новых методов активации. Да, да, вода, обогащенная физической обработкой, как бы раскрывает свои скрытые возможности, во многих случаях возрастает коэффициент полезного действия ее использования и, следовательно, уменьшается необходимость ее расходования. Например, можно при орошении использовать не пресную, а морскую воду, прошедшую обработку магнитным полем. Громадный резерв экономии пресной воды! Сошлемся лишь на результаты опытов Азербайджанского НИИ гидротехники и мелиорации. При поливе натуральной морской водой не только не происходит засоление земель, но, наоборот, уменьшается количество солей в верхних слоях почвы. И при этом опять-таки ярко проявляется биологическая благотворность омагниченной воды. На опытных делянках этого хозяйства получают невиданные урожаи томатов.

А какие возможности для экономии открываются при магнитной обработке промышленных стоков! Только на Первомайском химзаводе в 1977 году за счет этого резко сократился расход воды на промывку очистных фильтров, сэкономлено более 100 тысяч кубометров.

Подобных примеров приводилось на совещании по вопросам активации воды немало. Все дело за внедрением.

ДИР

Любовь ЮНИНА

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Зоя Васильевна поднялась со стула, невысокая, быстрая, протянула Чеботареву руку для прощания. Он с удовольствием пожал ее крепкую ладошку. Ему нравилась Чурикова, чем-то напоминала она юность и сверстниц-комсомолок тридцатых годов. Ту же решительность и внутреннюю силу духа видел он в ней.

— Будут вопросы — всегда рад помочь, — сказал Андрей Семенович.

— Спасибо, — сердечно ответила она.

Однако из кабинета Чеботарева Зоя Васильевна вышла с ощущением недовольства. Она быстро шла по длинному коридору министерства, обмениваясь улыбками и приветствиями с встречавшимися по пути знакомыми; спустилась в вестибюль, надела пальто и, лишь сев в ожидавшую ее машину и положив на колени толстую папку с бумагами, а сверху щеголеватую черную сумочку с множеством застёжек-«молний», поняла, что недовольна она сама собой.

— Застряла, однако, — сказала Чурикова шоферу. — В четыре у меня прием. Успеем, Федор Федорович?

— Успеем. — Федор Федорович обладал способностью успевать к сроку даже тогда, когда, казалось, успеть было невозможно. Ему шел пятьдесят девятый год, из них сорок он провел за баранкой. Федор Федорович был единственным человеком, которого она, переходя с прежней работы на новую, забрала с собой. Ей не хотелось расставаться с ним, но главной причиной, конечно, было желание самого Федора Федоровича, которому незадолго до ухода на пенсию не хотелось начинать работать с новым начальником.

Машина плавно двинулась, и Зоя Васильевна стала думать о разговоре с Чеботаревым. Она прекрасно понимала, к чему вел свои речи начальник главка, он ждал, что она выскажется о возможностях повышения заводом выпуска продукции. Прямо он ничего не говорил, так, намеками больше. Хвалил мощности предприятия, недавно реконструированного, современность оборудования, вскользь заметил, что от нее многого ждут в мини-

стерстве, надеются, что она оправдает высокое доверие, которое ей оказали, назначив директором завода.

Вот здесь-то и могла Чурикова честно сказать, что не так уж прекрасно обстоят дела на предприятии, не очень понятно, как вообще ему удавалось справляться с заданиями. Первое января не за горами, а показатели отнюдь не радужные. Всегда прямая, не склонная к компромиссам, Зоя Васильевна на этот раз почему-то смалодушничала, отшутилась, сделала вид, что не понимает, к чему ведет свой разговор Андрей Семенович Чеботарев.

Недовольная собой, Зоя Васильевна сейчас, однако, все же находила оправдание своей позиции.

Директором электролампового завода она стала недавно, всего два месяца назад. Новая должность была крупным повышением для Чуриковой, особенно если при этом учесть, что в их главке, да и, пожалуй, во всем министерстве, не очень-то жаловали женщин руководящими постами. И Зоя Васильевна была тем исключением, которое подтверждает правило.

Завод, который она приняла, был на хорошем счету. Он не считался передовым, на которые обычно призывают равняться, скорее его относили к разряду тех, кто не хуже других. От Чуриковой ждали, что она сумеет вывести завод в число лучших. Во всяком случае, так она работала до сих пор. Ее за то и ценили: за организаторские способности и особенно умение мыслить инженерно. Идеи, которые она предлагала, порой бывали чрезвычайно дерзки, а иногда неожиданно просты. Но всегда имели реальную основу и давали высокий экономический эффект.

Изучая положение дел на заводе, Зоя Васильевна обнаружила, что благополучие его кажущееся, план давался с трудом, процветала штурмовщина, качество продукции уже не отвечало требованиям сегодняшнего дня. Бывший директор, человек устарелых методов работы, вообще стремился тихо дожить до пенсии и поэтому не любил выносить сор из избы.

Год подходил к концу, и Зоя Васильевна мрачно думала о том, что будет, когда она доложит своему руководству о невыполнении годового плана. Лично ее огорчало не столько невыполнение плана, сколько то, что завод забуксовал так основательно, что вытащить его быстро она пока не видела путей.

То-то возликуют ее недруги и все те, кто возражал против назначения директором предприятия женщины.

«Что ж, придется пережить и это», — подумала Зоя Васильевна и решила, что, пожалуй, правильно она сделала, уклонившись на этот раз от разговора с начальником главка о будущем заводе. Все равно ничего конкретного она сегодня предложить не могла, а просто констатировать положение дела как раз и было бы малодушием и признанием своего бессилия. А ведь это не так. Просто предложение о перестройке работы она до конца еще не могла сформулировать, не хватало знания каких-то деталей, а именно они и могли оказаться самыми важными.

Машина подъехала к заводу за семь минут до начала приема. У Зои Васильевны осталось даже время на то, чтоб причесаться, и она с благодарностью посмотрела на Федора Федоровича.

— Сказал же, что успею, — добродушно проворчал он.

К новому директору всегда записывается на прием по личным вопросам больше народа, чем к старому. Потому что, кроме тех, у кого возникли какие-то вопросы или просьбы, идут и те, кто недоволен решениями прежнего

КТО Р

руководства, в надежде, что новый рассудит дело иначе.

В большинстве случаев Чурикова не расходилась с мнением своего предшественника, он много лет проработал здесь, знал людей, был умудрен опытом и, по сути, добр.

Прием по личным вопросам Зою Васильевну, по совести говоря, утомлял сильнее, чем другая какая работа. Ведь с простыми вопросами к директору не шли, но зато наскотило много именно здесь она узнавала заботы и нужды огромного организма, которому она была голова и надеялась стать сердцем. Она видела свою задачу не только в том, чтоб обеспечить выпуск отличной продукции в нужном количестве, но и в том, чтоб люди, выпускающие эту продукцию, были здоровы, спокойны и по возможности счастливы.

Вошел высокий парень в модной куртке и дорогих вельветовых джинсах.

— Можно? — Он приостановился на пороге.

— Да, да, проходите, — улыбнулась Чурикова. — Садитесь.

— Семенчук моя фамилия. — Он сел, пригладил ладонями волосы. — Семенчук Игорь. Я наладчик из первого цеха.

— Слушаю вас.

— Ну, история такая... Я хочу поступить в институт.

— За чем же дело стало?

— Стало вот. — Костяшкой согнутого указательного пальца он почесал нос. — Дурак был. Школу в восьмом бросил, на легкие денежки потянуло.

— А что вы называете легкими денежками?

— Ну, не легкие, конечно. — Семенчук чуть смутился. — Надоело, знаете, уроки учить, пошел в ПТУ, окончил, армию отслужил, потом сюда на завод поступил работать. Поработал-поработал и чувствую, ну, неинтересно мне стало. Не хочу я всю жизнь в наладчиках ходить. Решил инженером стать. И вот два года подряд сдаю экзамены и оба года проваливаюсь.

— Конкурс?

— А я до конкурса и не добираюсь. Сразу получаю двойку, — смущенно улыбнулся Семенчук.

— Так ведь готовиться надо.

— А где готовиться-то? У меня жена, ребенок маленький, а что раньше учил — позабыл.

— Ну, а чем я могу вам помочь, товарищ Семенчук?

— Не знаю. Может, завод как-то похлопочет, чтоб без экзаменов меня приняли.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

Зоя Васильевна вздохнула.

— Не положено нам хлопотать о нарушении закона.

— А так я не поступлю.

— Знаете что, — сказала Зоя Васильевна, — в некоторых институтах есть подготовительные курсы. Тех, кто хорошо их оканчивает, принимают без экзаменов. Я бы вам посоветовала туда обратиться. Ну, а если трудно будет учиться, приходите, тогда подумаем, как вам помочь. Договорились? Я понимаю, что это не то, что вы хотите. Но я просто не имею права просить, чтоб вас приняли без экзаменов даже в порядке исключения.

— Спасибо. — Семенчук принужденно улыбнулся. Все-таки это было не то, что он ожидал от директора.

— Вы сколько получаете? — спросила Зоя Васильевна.

— Больше двухсот.

— Но может статься, что, окончив институт, вы на первых порах будете получать меньше.

— Не в деньгах счастье, да и потом это ведь только на первых порах. Главное ведь, чтоб работать было интересно.

— Ну что ж. Тогда ни пуха ни пера, как говорится.

Последней в этот день к Чуриковой пришла немолодая женщина в шерстяном платье, явно перелицованном, что в наше время, когда вещи, отшив, выбрасывают, выглядело довольно странно. Когда-то она, возможно, была красива, но сейчас лицо ее, сморщившееся, как печеное яблоко, стало, скорее, каким. Черные потускневшие глаза ее равнодушно рассматривали Зою Васильевну, ее молодое бодрое улыбочное лицо, тяжелые серебряные серьги.

— Здравствуйте, — сказала Чурикова. — Садитесь. Петрушова Лилия Агеевна? Вы работаете в третьем цехе?

Женщина кивнула, уселась на стул и вдруг спросила:

— Можно закурить?

Зоя Васильевна чуть удивленно подняла брови, в ее кабинете посетители да и она сама во время приема не курили, но, увидев, как Петрушова смотрит на пачку, лежащую у нее на столе, подвинула сигареты и спички.

— Пожалуйста. Вот сигареты. Курите. Слушаю вас, Лилия Агеевна.

«Какое неподходящее для нее имя — Лилия, — подумала Зоя Васильевна. — Лилия — выдумают же родители. Хорошо, что моих зовут просто — Антон и Варвара. Что бы ни случилось — Антон и Варвара».

Женщина жадно затянулась сигаретой, потом сказала:

— Мне, Зоя Васильевна, нужна комната. Нет, нет, вы в бумажки не смотрите. Все глядят в бумажки и отказывают. По закону — правильно, а не по-людски.

— А по-людски — это как? — заинтересованно спросила Чурикова. Еще никто не обращался к ней с просьбой, предварительно сообщив, что удовлетворение ее законом не предусмотрено.

— А по-людски комнату мне дать надо.

— Все же я погляжу документы. Хотя какое-то представление буду иметь о вашем деле.

— Глядите, — сказала Петрушова равнодушно и от догоревшей сигареты прикурила новую, тоже взяв ее из пачки, лежащей у Зои Васильевны на столе.

Чурикова просмотрела документы и задумалась. Женщина работает на заводе четверть века. Здесь ей с мужем и ребенком дали квартиру. Муж пил, она развелась с ним и квартиру разделила. Потом сын вырос, женился, тоже развелся, и опять Петрушова разменяла квартиру.

— И сейчас вы с сыном живете в четырнадцатиметровой комнате? — спросила Зоя Васильевна. — Тесновато, конечно...

— Не в тесноте дело, — перебила ее Петрушова. — Пьет он, ирод. Сил моих нет. А когда денег на водку нет, так страшнее фашиста становится. Все у меня пропил.

— Лет-то ему сколько?

— Двадцать седьмой.

— А на работу к нему вы не обращались? Петрушова махнула рукой.

— Чего обращаться? Он, как козел, с работы на работу скачет. Нигде его долго не держат. А специальность хорошая — сантехник.

— Где же он берет деньги, чтоб пить? — Зоя Васильевна произнесла эту фразу и осеклась, глянув на нищенское платье Петрушовой. Вопрос ее был бессмыслен, и ответа на него она, естественно, не получила.

— Олег Петрович отказал вам, — сказала Чурикова скорее утвердительно.

— Отказал. «С дорогой бы душой, — говорит, — дал, но сделать ничего не могу. Зачем

невестке площадь подарила?» А куда было деваться, раз я прописала ее и метры ей по закону положены. И Олег Петрович отказал. Вот, — заключила она сокрушенно.

— Да, — сказала Зоя Васильевна задумчиво. — А я ведь тоже, наверное, вам откажу.

— Откажете? — ахнула Петрушова.

— Знаете что, Лилия Агеевна, помочь вам, конечно, надо. А как, я еще не знаю. Сына-то вы хоть пытались лечить?

— Он и слушать не хочет.

— Давайте сделаем так. Я подумаю, посоветуюсь. А вы приходите ко мне через неделю. Договорились?

— Спасибо.

Зоя Васильевна взглянула на отошавшую пачку сигарет, сказала:

— Заберите себе сигареты, у меня есть еще. А вы сейчас, наверное, нигде и не купите.

Петрушова чуть смутилась, но сигареты взяла.

«Почему это я подаяниями занимаюсь? — недовольно подумала о себе Зоя Васильевна. — Я, наверное, унизила ее». И вдруг вспомнила, как однажды сидела в больничном сквере и ожидала результатов операции, которую делали отцу. Она очень нервничала и неожиданно для себя попросила закурить у сидевшего рядом незнакомого человека. Тот, ни слова не говоря, отсыпал из пачки половину, положил сигареты в ладонь Зои Васильевны. После она узнала, что он, бывший танкист и фронтовой друг его, лежал с отцом в одной палате.

Петрушова ушла, а Зоя Васильевна сидела и вспоминала, как танкист, не раздумывая, по-солдатски разделил с ней табак, словно разделил беду. Наверное, и она должна разделить беду с Лилией Петрушовой. Что же сотворила с этой женщиной жизнь и как, наверное, когда-то, давным-давно, ждала она счастья, девочка с именем цветка.

«Обязательно надо помочь», — подумала Зоя Васильевна и сказала, нажав кнопку селектора:

— Зайдите ко мне, Розалия Игнатьевна!

В кабинет вплыла дородная сиренево-седая дама, у которой была не только самая точная информация обо всем происходящем на заводе, что до некоторой степени входило в ее функции секретаря директора, но она еще имела самое категоричное мнение по всем вопросам.

— Больше никого нет? — спросила Чурикова.

— И слава богу. Петрушовой дали комнату?

— Нет. Я ж одна таких вопросов не решаю.

— Что-то она вроде прибодрилась, от вас вышла. — Розалии Игнатьевне было под шестьдесят, что никак нельзя было сказать, глядя на ее цветущую внешность. Возраст свой она скрывала, хотя именно благодаря ему позволяла себе разговаривать со всеми, как с неразумными детьми. И для Зои Васильевны не делала исключения в этом вопросе.

— Комната ей не поможет. Все равно она этого негодяя никогда не оставит. Не понимаю, зачем ей комната. И Олег Петрович так говорил.

Бывший директор Олег Петрович был кумиром Розалии Игнатьевны, и вспоминала она о нем к стати и не к стати.

— Собирайтесь-ка вы домой, Зоя Васильевна. Ребятишки-то, наверное, ждут. Это Олег Петрович до ночи мог сидеть, у него супруга не работала.

Зоя Васильевна неопределенно хмыкнула, она до сих пор не знала, как относиться к точке зрения, что женщина не может целиком отдаваться работе, так как при этом непременно пострадают домашние дела. Конечно, если б она меньше работала, дома у нее порядка было б больше и кастрюли сверкали начищенные, и в углах ни пылинки, и дети ели б в определенное время именно то, что она приготовила. Но в конце концов никому в их семье не становится хуже оттого, что квартира убирается раз в неделю, а дети и муж частенько обедают в столовой.

Зоя Васильевна позвонила в квартиру, никто не отозвался. Она открыла ключом дверь и вошла в темную тихую переднюю. Переменив свитер и юбку на длинный суконный халат, любимую свою домашнюю одежду, пошла в

кухню обследовать холодильник. Кастрюля с супом была полнехонька, котлет оставалось тоже еще достаточно. Значит, Алексей, который любит суп, обедал в столовой, а дети, которые супа не любят, ели дома. Она быстро приготовила сырники на ужин, сварила овсяную кашу на завтрак, простила кое-какую мелочишку в ванне. Времени было около восьми, и Зоя Васильевна прилегла на диван почитать, но незаметно уснула.

Когда проснулась, услышала, что кто-то мягко ходит по квартире. Щурясь, она вышла из спальни, пошла на свет, в кухню. Там сидели оба ее чада, шестнадцатилетние близнецы Антон и Варвара, и на ночь глядя пили крепкий кофе.

— Добрый вечер, — сказала она, улыбаясь и целуя сначала дочь, потом сына. Села напротив, любясь их юными, свежими и совершенно непохожими друг на друга лицами, что для близнецов было, конечно, странно.

— Кофе будешь? — спросил Антон.

— Чайку завари, если можно. Вы где ходили так поздно?

Варвара ухмыльнулась, а Антон сказал:

— Я у товарища был. Карты по географии рисовали. А Варя у подружки музыку слушала.

— Какую же?

— Мировой ансамбль, «Машина времени» называется, — сказала Варя.

— А дома нельзя было послушать?

— Да ты что, мамуля, у папы разрыв сердца от такой музыки будет.

— Ансамбль ансамблем, а карты сделала?

— Мне Антошка нарисовал.

— Варя, сердито сказала Зоя Васильевна. — Сама-то ты, чай, не безрукая.

— Не люблю я географию. Зачем она мне? Я в путешественники не собираюсь.

— Но землю-то, на которой живешь, знать надо.

— Все это ерунда, мамочка. Понадобится — на карту посмотрю, а рисовать, по-моему, глупо.

— География же идет в аттестат.

— А я в институт все равно провалюсь.

— Но мы ведь решили, что в десятом классе возьмем вам репетиторов.

Антон заварил чай, налил Зое Васильевне и снова уселся за свой кофе.

— А зачем мне вообще институт? — спросила Варя.

Зоя Васильевна повернула лицо к сыну.

— Антон! Ты послушай, что она говорит.

— Ой, что говорит, что говорит! — заверещала Варя. — Думаешь, он хочет в институт поступать?

— Слушай, не ври. Все ты выдумываешь, не приписывай мне свои мысли. Я хочу поступить в институт, только мне не хочется в технический, просто я еще не решил, что меня больше интересует: медицина или биология.

Зоя Васильевна поняла, что между братом и сестрой идет какой-то давний спор, ей до сих пор неизвестный.

— Подождите, дети, я что-то не пойму, о чем разговор.

— Ну, хорошо, мама, придется тебе сказать. Я пришла к мысли, что институт мне не нужен.

— То есть как? — изумилась Зоя Васильевна. — А что же ты будешь делать?

— Разве у всех советских граждан есть высшее образование? — насмешливо спросила Варя. — И все же все что-то делают: кто коров доит, кто платья шьет, кто дома строит.

— Но... — Зоя Васильевна просто растерялась. — Но, Варя. Если у человека есть возможность, то он стремится получить образование. Не делают этого или те, кто не имеет средств учиться, или уж совсем неспособные. Но ведь ты способная.

— Не знаю, — усмехнулась Варя. — Что же, по-твоему, передовики производства все или неспособны, или от нужды? Значит, весь рабочий класс такой, ну, от бедности, что ли?

— Ты хоть соображаешь, что говоришь, Варвара? Как можно так переворачивать все? — Зоя Васильевна схватила чашку чая, отхлебнула и резко поставила ее на блюдце.

— Успокойся, мама, — вмешался Антон. — Ну и пусть идет в ПТУ. У нас в девятом классе

многие сейчас жалеют, что остались в школе. ПТУ вообще-то экономит время.

— Ты тоже жалеешь?

— Нет, — твердо ответил Антон. — Я в тебя, целеустремленный.

— Я тоже целеустремленная, — быстро заговорила Варя. — Но подумай: в учителя я не хочу, к медицине у меня отвращение, к математике я неспособная.

— К чему же у тебя есть способности?

— А ни к чему. Я вообще человек, просто так.

— Как это — просто так?

Варя пожала плечами.

— Не знаю.

Зоя Васильевна покачала головой.

— Нет, Варя, это у тебя болезнь возраста. В шестнадцать всегда начинают искать смысл собственной жизни и не всегда находят. Потом находят. Кончишь школу, институт, начнешь работать, и все станет на свои места.

— На какие места, мамочка? — тихо спросила Варя. — На вашем курсе, наверное, сто человек девчонок было, а директором завода ты одна стала.

Зоя Васильевна почему-то смутилась.

— Когда мы поступали в институт, никто из нас не собирался стать директором завода. Просто хотели работать. Разве счастье в том, чтоб стать директором?

Варя отвела взгляд.

— Не знаю. Но и в этом, наверное. Иначе зачем? Ведь твои девчонки вкалывают за сто пятьдесят рублей в месяц, и одна у них перспектива — обеспеченная старость, потому что получат восемьдесят рублей пенсии.

— Какая же ты циничная! — растерянно прошептала Зоя Васильевна.

— Я не циничная, а современная.

— Современность не в этом. Сегодня у меня на приеме был один молодой рабочий. Ему двадцать шесть лет, и он хочет поступить в институт. Жалеет, что в шестнадцать рассуждал, как ты, Варвара.

— До двадцати шести мне еще десять лет жить. Чего задумываться так далеко?

— Во дает! — сказал Антон, и в это время в дверь позвонили.

— Папа, — радостно воскликнула Варя и побежала в переднюю. Она очень любила отца. «Интересно, а Алексей в курсе этих дел?» — подумала Зоя Васильевна.

Поздним вечером, когда дети разбрелись по своим комнатам, а Алексей Александрович разложил на кухонном столе бумаги, готовясь писать очередную главу своей монографии о магнитных полях (он любил писать по ночам, когда кругом стояла тишина), Зоя Васильевна, уже умытая, с лицом, намазанным кремом, и одетая в ночную рубашку, пришла в кухню и, сев напротив мужа, спросила:

— Скажи, Алеша, в последнее время ребята с тобой ни о чем таком не говорили?

— О чем о таком? — усмехнулся Алексей Александрович. — Уж не собралась ли Варька замуж?

— Насчет этого не знаю. А вот школу она бросать хочет.

— Ах, так. Почему же?

— А почему ты спокоен?

— Но она же еще не бросила.

— Тьфу, — в сердцах сказала Зоя Васильевна, — ну и логика. Она мне сегодня сказала, что поступать в институт не хочет.

— А что она хочет?

— Как будто она знает. Она тебе что-нибудь говорила?

— Зоя! Ты вспомни, разве мы говорили родителям о своих делах? Даже заявление в загс с тобой сначала подали, а потом уж им сообщили, что собираемся пожениться.

— Ты прав... Как ты думаешь, она это всерьез? И что за глупость, потом спохватится, да будет поздно.

— Не волнуйся раньше времени. В этом возрасте всегда семь пятниц на неделе. Поговорит с одной подружкой — так решит, с другой — уже все наоборот.

— Ты думаешь? — Успокаиваясь, Зоя Васильевна глядела на мужа. Он был очень спокойным человеком, и это всегда так благотворно действовало на нее.

— Не знаю, Зоя. Пример такой матери, как ты, может быть диаметрально противоположным. С одной стороны, может захотеться быть такой же, как ты, — сильной, деловой, влиятельной; а с другой — эта жизнь в постоянном заряде, напряжении может вызвать протест, и появится в результате желание быть обыкновенным человеком.

Зоя Васильевна побледнела.

— Ты хочешь сказать, что я плохая мать?

Он накрыл ее тонкую руку своей широкой ладонью.

— Полно! Ты прекрасно знаешь, что я не только не хочу так сказать, но и не думаю этого. Если оценивать тебя мерками, бытовавшими, ну, до военных лет, то, пожалуй, ты никуда не годная жена и мать. Муж, дети, дом для тебя не главное, главное — работа. Но если мерить тебя мерками нынешнего дня, а точнее, будущего, мерками твоего любимого фантаста Ефремова, то ты идеальная женщина.

— А мать?

— Солнышко мое, пример матери, которая с утра до ночи в фартуке, скребет, чистит, варит, тоже может быть диаметрально противоположным. С одной стороны, может вызывать желание быть похожей на мать, а с другой — послать к черту все эти кастрюли и заняться более полезным делом.

Она засмеялась, потому что ей хотелось сказать ему: «Какой вы умный, Сомс», — как это произносили уста прелестной Аннет в «Сэге о Форсайтах», ее, как ни странно, настольной книге.

* * *

Лилия Агеевна натянула старенькое пальто, которое ей за ненадобностью подарила родственница, вышла из заводууправления и побрела по улице. Ей хотелось зайти в церковь и поставить свечку Николаю-угоднику и упротить его, чтоб помогла ей эта милая женщина, ставшая недавно директором завода. Но денег на свечку у нее не было, как не было денег на троллейбус, только пятак на метро. Она шла к метро пешком и думала о Зое Васильевне. Наверное, она счастливая. Такая молодая — и директор. Лилия Агеевна шла на прием к ней со страхом, боялась, встретит

ее насмешкой, а она такая женственная, и глаза, словно темный янтарь, и нарядная. Вроде ничего особенного на ней такого нет, серый свитерок, а нарядная. Волосы красивые, пушистые, светлые...

Может, достучится господь в ее сердце и даст она Лилии Агеевне комнату. Эта комната, отдельная от сына, где она будет хозяйкой, была высшим ее мечтанием. Там у нее будет чистая постель с новым мягким матрасом, там она сможет спрятать от Витки какое-нибудь целое платье, платок, чтоб не пропил.

Вчера вечером он опять пришел мертвый, так одетый и повалился на топчан. Она открыла форточку, чтоб прогнать этот смердный, сивушный дух, который распространял пьяный, храпящий мужик, ее бывший мальчик, ее веточка, но быстро озябла под ветхим своим одеялом.

Лилия Агеевна теперь редко думала о том, как случилось, что она упустила сына. В расприх с пьянчужой мужем было не до него, она надеялась на умных учительниц в школе. Непонятно было выяснить, где проводит он время, с какими компаниями водится.

Само собой разумеется, что после восьмилетки он пошел работать, одной ей сына тянуть было трудно. У Виты завелась собственная денюжка, она радовалась — не хуже других. Тогда Лилия Агеевна и костюм ему купила и куртку красивую. Она как-то не придавала значения, что от сына пахнет порою спиртным. Витя говорил, что пива выпил. А от пива какой вред? Перед армией он, правда, сильно стал пьянствовать, но тоже объяснение было — с друзьями прощается, с вольной жизнью. Она не особенно беспокоилась, знала, в армии исправят, там законы строгие, парни там хорошую школу проходят.

Время, что Витя служил в армии, было самым счастливым в ее жизни. Она и мебель тогда хорошую купила и ковер, приделась и сберкнижку завела, так что было на что сыну свадьбу справить.

Беда только, что скандалить и драться молодые начали чуть не через месяц. Невестка с норовом оказалась, Витю выгнала, а сама живет. Волей-неволей пришлось Лилии Агеевне свою однокомнатную квартиру делить. Сначала Витя только вечерами выпивал, потом похмеляться стал, прогуливать. Вещички вначале по мелочи таскал, а потом за бесценки и мебель продал, и ковер. Особенно ковер она жалела. Пьяный сын был тихий, если его не трогать, сразу спать валится, но вот когда денег на выпивку нет, тут сразу зверем становится. Убьет, если трояка ему не найдешь. Время от времени он устраивается куда-то на работу, но его быстро отовсюду прогоняют.

Эту свою стыдобушку Лилия Агеевна долго ото всех на заводе скрывала, в церковь ходить стала. А чтоб голод не мучил, потому что все деньги он у нее пропивал, курить научилась.

Однако чем ближе подходил пенсионный возраст, тем больше стала ее страшить перспектива все двадцать четыре часа в сутки находиться в комнате с сыном. Сейчас работа была ее отдохновением, хоть и здоровье плохое стало, сердце нет-нет и зайдет, но все же девять часов она жила по-людски. Лилия Агеевна поэтому и возмечтала об отдельном уголке, пыталась даже разменять комнату, но охотников не нашла. Тогда и решилась она обратиться к заводскому начальству, к Олегу Петровичу, директору. Но он отказал.

Странно, казалось бы, должна она была испытывать ненависть к этому вечно пьяному, давно ставшему чужим человеку, калечившему ей жизнь, но она, несмотря ни на что, любила и жалела его. И знала, что даже если дадут ей комнату, никуда не уйдет от него, по-прежнему будет маяться рядом. Просто мысль, что у нее есть свой угол, придаст ей силы жить.

Лилия Агеевна, одна из работниц в огромном хозяйстве Зои Васильевны Чуриковой, добралась наконец до дома, вошла в пустую комнату, по обе стороны которой стояли топчаны, заправленные столь ветхими постелями, что пропить их уже было нельзя, подняла глаза и, страшно, по-звериному закричав, как куль, сползла по стенке на пол.

В коридоре у соседей захлопали двери.

Окончание следует.

КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ

ЗАГАДОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

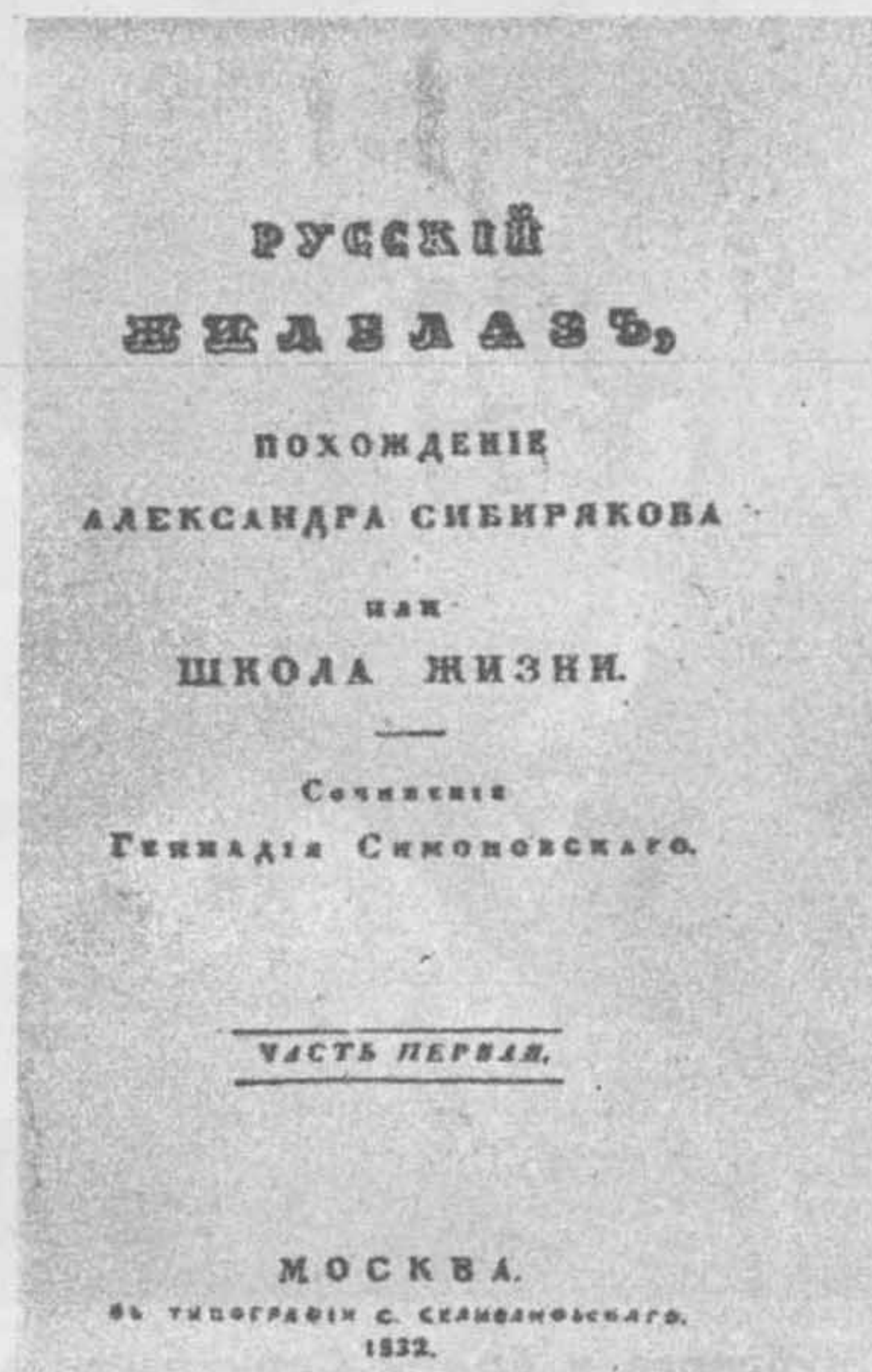
В 1948 году в библиотеке Пензенского краеведческого музея мне встретилась старинная книга «Русский Жилбаз, похождения Александра Сибирякова или школа жизни». Сочинение Геннадия Симоновского. Москва. В типографии С. Селивановского. 1832.

Книга имела владельческую надпись известного пензенского краеведа Владимира Харлампиевича Хохрякова (1828—1916). Это позволяло думать, что она имеет отношение к Пензе. И действительно, на странице 166 первой части находим описание города со всеми чертами Пензы. В книге описана жизнь губернского города, в частности гимназия и другие учебные заведения. Есть также мрачные картины крестьянской жизни.

Естественно возникает интерес к личности автора, но поиски сведений о нем не дали результата. Оказалось, что в истории русской литературы имя Геннадия Симоновского неизвестно. Кроме «Русского Жилбаз», нет ни одной книги или статьи этого автора. Он не значится в справочниках о писателях, и нет упоминаний о нем в опубликованных письмах и мемуарах.

В книге напечатано цензурное разрешение: «Печатать позволено с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Цензурный Комитет три экземпляра. Москва. 1831 года декабря 14 дня. Цензор Л. Цветаев».

В Центральном государственном историческом архиве Москвы есть фонд № 31 — Московского цензурного комитета. В книге для записи рукописей под датой 9 октября 1831 года я нашел отметку о том, что

«Русский Жилбаз... Сочинение Г. Симоновского» поступило «от московского купца Смирнова». Следовательно, автор пожелал остаться неизвестным. Это укрепляло мысль, что Симоновский — псевдоним.

Кто же был автором? Кто из литераторов начала 1830-х годов был в Пензе? Прежде всего возникает имя Виссариона Белинского, хорошо знавшего город и особенно гимназию, в которой он учился. Сопоставление предисловия к «Русскому Жилбазу» с предисловием к драме Белинского «Дмитрий Калинин» (запрещенной в январе 1831 года цензором Л. Цветаевым) выявило переклички мыслей и фраз. А глава 16-я второй части «Русского Жилбаз», посвященная рассуждениям о современной русской литературе, перекликается с опубликованной спустя два года — в 1834 году — статьей Белинского «Литературные мечтания».

Учитель Белинского М. М. Попов вспоминал, что еще в гимназии Белинский «пробовал писать... повести прозой». В письме к М. М. Попову из Москвы 30 апреля 1830 года Белинский сообщал, что «нашелся принужденным приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатого...». Эти опыты Белинского в прозе остаются неизвестными.

Заманчиво думать, что книга Симоновского — произведение молодого Белинского, подписанное псевдонимом. Но пока это только предположение. Нужно тщательное и всестороннее исследование книги Симоновского, сопоставление ее со всем литературным наследием Белинского.

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

Ю. ЛУШИН

Фото автора

28

Многое можно забыть в жизни — мелкие радости и огорчения, обретения и потери, да мало ли еще что. Но никогда не забыть тяжких дней испытаний Родины и гром победных салютов: память сердца не даст забыть... Из поколения в поколение будет передаваться легенды о сражении на поле Куликовом, о Дмитрии Донском, о походах Суворова и Кутузова, о битвах Великой Октябрьской революции и Великой Отечественной войны.

С такими мыслями шел я на премьеру оперы «28», сочиненной казахским композитором, народной артисткой СССР Газизой Жубановой, и думал, как закономерно рождение именно в Алма-Ате оперы о массовом подвиге героев-панфиловцев под Москвой. Ведь здесь, в столице Казахстана, формировал генерал Панфилов свою дивизию. Здесь и сейчас живет его дочь, Валентина Ивановна Панфилова, в семнадцать лет ушедшая на фронт с дивизией

отца и шедшая с ней до Победы. Здесь акын Джамбул дал отцовское напутствие воинам. Здесь жил и работал легендарный политрук-панфиловец Василий Клочков. В Панфиловской дивизии сражался и погиб мой отец, и, может быть, чисто случайно он не попал во взвод Клочкова.

Я шел на премьеру и думал обо всем этом. Думал, сумеет ли театр передать драматизм событий и величие подвига героев: опера — не кино, где можно с блеском поставить батальные сцены или приблизить зрителя к герою, показав лицо героя во весь экран.

Сомнения мои развеялись с первыми же музыкальными фразами пролога, где звучал сильный, мужественный голос Алибека Днишева. Музыка проникала в душу. Ненавязчиво возникали в опере интонации советских песен и маршей, частушек. В переломные моменты музыка поднималась до больших, волнующих высот, пере-

давая боль, гнев, тревогу, страдание... И все время в эпическое повествование вплеталась лирика: воспоминания бойцов о матерях, женах, любимых... О счастливых мирных днях... И вдруг мощное звучание хора, который, кстати, стал у Жубановой одним из главных действующих лиц, заполнял зал: звучание то грозное и торжественное, то печальное... Затрепетав, поднимались высокие женские голоса, врывались в картину боя, подчеркивая драматизм событий; казахские напевы перемежались с русскими, украинскими, киргизскими, и я не сразу даже заметил, что каждый из героев поет на своем родном языке: настолько ясен был общий смысл происходящего.

В оперу вошли строки из писем панфиловцев-казахов. Вошли так, как они были написаны в годы войны, — по-казахски. Но музыка Жубановой свободно преодолевает языковые границы, и начинаешь понимать, что, связывая, обобщая гармонией национальные интонации, композитор в своей музыке раскрывает интернациональный, общенародный характер Великой Отечественной войны.

Автор либретто народный артист СССР Азербайджан Мамбетов строит действие как воспоминания медсестры Вали Панфиловой и одного из героев-панфиловцев, Ивана Натарева, прожившего после боя лишь несколько дней.

Один за другим гибнут герои-панфиловцы, но не пропускают к стенам Москвы фашистские танки. И музыка Жубановой дает почувствовать героизм победителей, отдавших жизнь за Родину. Здесь напряжение в музыке достигает таких высот, что словами этого и не передать...

— Образы двадцати восьми не давали мне покоя, — говорит композитор Газиза Жубанова. — Несколько лет тому назад я задумала сочинить балет, но, начав изучать материалы о панфиловцах, была так захвачена, что поняла: решать эту тему надо только оперой. Я зарылась в архивы. Мне все было интересно в моих героях — какими они были до войны, о чем мечтали, как жили, что любили... Меня поразило то, что эти глубоко штатские люди через самое короткое время постигли науку воевать и побеждать — даже ценой своей жизни. Например, панфиловец Николай Максимов служил художником-бутафором в нашем же театре оперы и балета. Он делал украшения, шлемы, латы, мечи из папье-маше и жести. А взял в руки оружие настоящее. Он погиб, но вернулся в родной театр как герой, став одним из героев оперы.

Иван Натарева был колхозником артели «Строитель» в Алма-Атинской области; колхозниками были в мирные дни и Нарсутбай Есибулатов, Мусабек Сенгирбаев; на родине Сенгирбаева одному из совхозов Талды-Курганской области дали его имя: «Мусабек». Сейчас в живых остался один из двадцати восьми — Иван Демидович Шадрин, у которого я была в гостях в Талды-Курганской области и слушала его волнующий рассказ. В Киргизии живет жена Шопокова Керимбию, она стала Героем Социалистического Труда... С дочерью Панфилова я знакома еще со школьных лет и бывала в их семье. Конечно, ездила я и в Дубосеково, на место битвы. Был пас-

мурный ноябрьский день, как раз в годовщину подвига я спустилась в окоп и оттуда взглянула на лес, со стороны которого ползли когда-то фашистские танки. И тут сами собой возникли в памяти стихи Николая Тихонова: «Окоп. Гвардейцев двадцать восемь. Сугробов белые ряды. По горизонту ветер носит пожаров дальних черный дым...» Я смотрела на лес и поле... Смотрела... И, кажется, в тот момент окончательно решила, что буду писать оперу... Кроме стихов Тихонова из поэмы «Слово о 28 гвардейцах», я взяла также стихи Михаила Светлова, Касыма Аманжолова, Юлии Друниной. Есть строки из стихотворения Ильи Эренбурга. Много стихов... Либретто, как и музыка, писалось и многократно переписывалось: остановились мы, кажется, лишь на десятом варианте. К тому времени я уже слышала и видела, знала, что партию генерала Панфилова должен петь народный артист СССР Ермен Серкебаев; Василия Клочкова — народный артист Казахской ССР Василий Яковенко, Вали Панфиловой — народная артистка СССР Роза Джаманова; партии Шопокова и Натарева — народные артисты Казахской ССР Нариман Каражигитов и Мурат Мусабаев, партию Керимбию — народная артистка СССР Бибикуль Тулегенова... То есть музыка создавалась сразу для конкретных исполнителей — они были органично готовы к постижению образов.

Но как появилась мысль о «многоязычности» оперы? Газиза считает, что эта идея родилась совершенно естественно. Ведь в небольшой группе воинов-героев оказались представители многих национальностей Советской Родины. Всего один день длится эпизод битвы под Москвой, но дружба народов выражена в нем так ярко и масштабно, что композитор получает необычайно большие возможности для творческих поисков.

— После долгих раздумий я решила, — говорит Жубанова, — что внутренние монологи героев, их размышления о Родине, о жизни каждый герой должен исполнять на своем родном языке. Разумеется, музыка также подчеркивает национальное своеобразие характеров. Как это получилось — судить зрителю...

Отдавая должное скромности композитора, я попросил исполнителей рассказать, как прошла премьера оперы в Ленинграде и Ярославле, куда театр выезжал на гастроли нынешним летом.

— Зрители приходили за кулисы со слезами на глазах и благодарили нас, — рассказали артисты. — Такое потрясение бывает нечасто.

...В Алма-Ате есть парк имени 28 героев-панфиловцев, летними ночами в нем заливаются соловьи. На постаменте — солдаты-герои. В последнем стремительном броске рванулись они наперерез танкам со свастики на бортах — заслонили собою Москву. Тут люди замедляют шаги, обнажают головы и говорят вполголоса. Торжественным маршем проходит почетный караул алма-атинских школьников.

«Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!» Металлом впаены в гранит слова политрука Василия Клочкова... Опера Газизы Жубановой «28» стала еще одним памятником подвигу героев.

Газиза Жубанова и Ермек Серкебаев за партитурой новой оперы.

Сцена из спектакля.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

ПРИЗВАНИЕ

Сколько их, независимых американских расследователей, посвятивших себя поиску подлинных убийц 35-го президента? Даже примерной цифры вам никто не назовет, хотя, несомненно, соответствующие подсчеты спецслужбами США ведутся. Появление этих необычных пинкертонов, рост их рядов проходили в годы нашей журналистской работы в Америке. С некоторыми из них нам пришлось подолгу беседовать, дискутировать, спорить; почта и поныне приносит от них редкие, но интересные письма.

Лифтон был довольно видной

Во главе траурной процессии. Первый ряд: Роберт Кеннеди, Жаклин Кеннеди, Эдвард Кеннеди. Второй ряд: шурины покойного президента — директор «Корпуса мира» Сарджент Шрайвер и бизнесмен Стивен Смит. Третий ряд: 36-й президент США Линдон Джонсон (второй слева), его жена Леди «Птица» Джонсон (четвертая слева) и две их дочери.

Момент убийства Джеком Руби Ли Харви Освальда в подвале полицейского участка в Далласе.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА:

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

фигурой среди независимых расследователей. Он был связан с радикальным сан-францисским журналом «Рэмпартс», публиковал в нем материалы с критикой деятельности Комиссии Уоррена и принадлежал к числу так называемых серьезных исследователей, концентрировавших внимание на научном доказательстве несостоятельности тех или иных положений доклада Комиссии. В частности, как студент инженерного факультета, будущий электронщик, Лифтон поначалу доказывал несостоятельность версии о стрельбе в

Кеннеди сзади с точки зрения законов физики.

Негласным лидером «серьезных исследователей» является жительница Нью-Йорка Сильвия Мигер. Она работала в области международного здравоохранения в качестве администратора и аналитика, выступала в радиопередачах. В 1964 году изучила доклад Комиссии Уоррена и 26 томов документов к нему. Они были без всякого указателя. В марте 1966 года Мигер издала 150-страничный «Предметный индекс к докладу и документам Комиссии Уоррена», ставший, по выражению известного французского журналиста — автора книги «Дело Освальда» Лео

Соважа, «главным оружием в арсенале критиков Комиссии Уоррена». Соваж отмечает, что Мигер знает «каждую букву» во всех 26 томах, что она обладает научным складом ума, потрясающей введливостью исследователя, позволявшими ей показать множество противоречий между выводами доклада и материалами, содержащимися в томах. Когда в 1967 году исследовательница выпустила книгу «Комиссия Уоррена, власти и доклад», она поразила того же французского журналиста «интуицией, проницательностью и логикой рассуждений». В 1980 году в соавторстве с Гэйри Оуэнсом Сильвия Мигер выпустила «Боль-

шой индекс к расследованиям убийства Джона Ф. Кеннеди».

Судя по отзывам Лифтона, Сильвия Мигер — человек целеустремленный, мало кому доверяющий. Она постоянно предупреждает независимых расследователей своего круга быть начеку, «не давать материала нашим противникам, цель которых — найти способ уничтожить такой материал». Вскоре после того, как Лифтону выпала, по его словам, «счастливая случайность» обнаружить в докладной Сайберта и О'Нейла упоминание о произведенной хирургической операции на голове убитого президента, Сильвия Мигер настоятельно рекомендовала ему не

Продолжение. См. «Огонек» № 46.

посвящать в находку никого за пределами их круга, сменить номер своего телефона и никому его не давать. Определенные меры конспирации были предприняты Лифтоном, поэтому, живя рядом с Эдамсом и Ньюкумом, он совершенно не знал их. Не знали и они его, не облегчая свои поиски взаимным обменом, находками, гипотезами, заключениями.

В тактике Сильвии Мигер и ее единомышленников как в капле воды отражался их главный постулат, а именно: Комиссия Уоррена и штат ее сотрудников сознательно узурпировали правду, они являются виновниками изощренного обмана американского народа. С точки зрения независимых исследователей, заговор состоял из двух частей: 1) убийство Джона Кеннеди и 2) сокрытие правды. Лифтон предложил модифицировать эту структуру: 1) убийство, 2) маскировка истинных обстоятельств убийства, 3) введение в заблуждение, то есть обман официального расследования, в основном Комиссии Уоррена.

С этим Сильвия Мигер и ее наиболее рьяные последователи согласиться не могли. Они стояли на своем — не Комиссию Уоррена вводили в заблуждение, а она обманывала американский народ. Лифтон был против такого подхода ко всем, кто работал в Комиссии. Он считал, что всех их нельзя было заставить пойти на предельно чудовищный обман. Ему хотелось верить, что не все знали и не все подозревали, в частности, о закулисных делах в госпитале ВМС США в Бетесде. За сотрудничество с одним из бывших юрисконсультов Комиссии Уоррена, Уэсли Либелером, Сильвия Мигер обвинила Лифтона в «несомненном нарушении доверия».

Позднее Лифтон понял мудрую правоту Сильвии Мигер, призывавшей не доверять таким, как Либелер, который доносил в Вашингтон обо всех открытиях независимого исследователя. Лифтон порвал с юрисконсультом и начал 15-летний труд, увенчавшийся выходом упоминавшейся сенсационной книги.

Родителям его старт казался финишем. Когда они услышали от 27-летнего сына, что он не окончил университет, но зато нашел ключ к тайне «перекройки» тела президента, отец, знавший об исследовании Дэвидом далласского преступления, с горечью заметил: «Кажется, ты преодолел последний барьер на пути перехода из мира реального в мир фантазий».

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН: Совершенно невероятной кажется даже сама мысль о возможной «перекройке» тела и прежде всего головы президента с целью извлечения пули, уничтожения произведенного ею пулевого канала и «создания» иных повреждений в угоду кому-то! Такое кажется невероятным в первую очередь потому, что все без исключения прижизненные повреждения органов и тканей настолько существенно отличаются от посмертных, что их легко отличит специалист. Простой укол иглой, не говоря о повреждениях более серьезных, оставляет в тканях кровоизлияние, и оно тем больше, чем больше повреждение. Всего этого нет в ранах, нанесенных после смерти. Значит, нужно было не только как-то «перекроить» рану на голове, не только создать видимость ее прижизненного возникновения (поневоле вспомнятся ухищрения художников, занимающихся подделкой), но и заставить молчать людей, присутст-

вовавших на вскрытии... Все это ужасно само по себе!

Фантазер спланировал свою работу, исходя из деления им «преступления века» на две условные части: первый заговор и второй заговор. Суть первого заговора — **вогнать спереди в голову президента смертельную пулю. Суть второго заговора, или преступного — пусть даже молчаливого — сговора, — вынуть пулю из головы и скрыть ее существование. Нужды в таком сговоре, возможно, не было бы, если бы пуля прошла насквозь через голову и оставила там пулевой канал.**

Лифтон решил посвятить себя доказательству существования второго заговора, изучению описания ран, их возможного происхождения, то есть заниматься только телом покойного президента, или «лучшим свидетельством», каким считают труп судебно-медицинские эксперты. Он почти не тратил усилий на разгадку первого заговора и только высказывал от случая к случаю свое мнение, если наталкивался на какие-то интересные факты или ситуации, подтверждающие наиболее важные элементы его гипотезы.

Если следовать классификации Лифтона, то и исследователей преступления века можно разделить на две категории — тех, кто занимается первым заговором, и тех, кто — вторым. При этом в обеих сферах, указывает Лифтон, немало важных крупных проблем, заслуживающих специального расследования. Есть среди американских шерлоковолмов признанные универсалы, сумевшие вникнуть во все проблемы. Это прежде всего Сильвия Мигер и профессор философии из Филадельфии Джошуа Томпсон, уделившие в своих исследованиях значительное место научной судебно-медицинской экспертизе. Но универсалов — единицы, и тот, кто им пытается подражать, не имея на то знаний, считается верхоглядом. Зато в почете тот, кто среди проблем, требующих разгадки и решения, избрал какую-то одну как свое, говоря словами Лифтона, **призвание и бьет все время в одну цель.**

Одному из нас приходилось, например, знать корреспондента газетного синдиката «Скриппс-Говард» Сета Кантора — маленького, щупленького и необыкновенно подвижного журналиста с реденькой полоской черных усиков и постоянным карандашом в правой руке. Он стал главным специалистом по проблеме «Джек Руби». Кантор сопровождал Джона Кеннеди в Далласе и находился в Парклэндском мемориальном госпитале, куда привезли смертельно раненного президента. Там он повстречал Руби — будущего убийцу Освальда. Кантор и Руби знали друг друга раньше, так как Сет долго работал корреспондентом в Далласе. Они немного поговорили в те минуты в Парклэндском госпитале. Комиссия Уоррена и ФБР не поверили Кантору, когда он рассказал об этом.

Эта дикийшая несправедливость превратила Кантора в исследователя подлинных мотивов, толкнувших Руби на то, чтобы убить Освальда. Журналист собрал огромный материал и выпустил не так давно книгу «Кто был Джек Руби?». Есть и другие специалисты по проблеме «Джек Руби»: в их полемике мафия, на которую работал

Руби — владелец далласского ночного клуба «Карусель», и далласская полиция, с которой он был тесно связан.

Что можно было бы особо отметить из последних находок на данном поприще? В докладе Комиссии Уоррена в мельчайших подробностях описывается, как Джек Руби проводил у себя дома время примерно с 9 до 11 утра 24 ноября. Это действительно важно, если учесть, что в 11 часов 21 минуту утра Руби пристрелил Освальда в подвале полицейского участка Далласа. Описания Комиссии Уоррена построены на показаниях делившего с Руби кров некоего Джорджа Сенатора. И Руби, и Сенатор, и Комиссия Уоррена создавали впечатление, что убийца Освальда забрел в подвал как-то случайно и в самый последний момент перед покушением.

Таким образом, далласской полиции можно было предъявить обвинения в недосмотре, халатности, оплошности, но не в преднамеренном содействии Руби. Независимые исследователи разыскивали священника, который поднимался вместе с Руби в лифте полицейского участка уже в 9 часов 30 минут утра. По его словам, Руби сошел на том этаже, где содержался Освальд. Незадолго перед этим три телевизионных техника, установивших аппаратуру возле полицейского участка, видели там Руби. Независимые исследователи составили три списка: 1) несколько сот далласских полицейских, которых знал Руби, 2) 50 далласских полицейских, которых Руби знал очень хорошо, и 3) три полицейских, наиболее близких к нему: Уильям «Черный» Гаррисон, сержант Дин — дружок далласского мафиози Джо Чивелло и лейтенант Джордж Батлер, руководивший полицией в подвале полицейского участка. Эти трое подозреваются в передаче Руби данных об изменении часа переезда Освальда и организации незаконного проникновения Руби в полицейский участок.

Интерес к Руби проявляли ФБР и ЦРУ. Независимые исследователи установили довольно интенсивные контакты между Руби и ФБР, дававшим ему различные задания, связанные с борьбой Вашингтона против революционной Кубы. Руби имел контакты и с представителем ЦРУ в Новом Орлеане Уильямом Джорджем Годэ, который «общался» и с Освальдом, когда тот проживал около шести месяцев в 1963 году в Новом Орлеане.

При допросе Комиссией Уоррена Руби упомянул некоего Дэвиса, но сотрудники Комиссии не обратили или не захотели обращать на это внимания, ибо Руби говорил, что Дэвис занимался переправкой оружия на Кубу. Сет Кантор установил, что Томас Дэвис был грабителем банков и одновременно имел друзей в кругах американской разведки. В Далласе Руби и Дэвис встречались в ночных клубах.

После покушения в Далласе Дэвис оказался в Северной Африке и там был арестован полицией безопасности Марокко, заподозрившей его в соучастии в заговоре против президента Джона Кеннеди. Из танжерской тюрьмы он выбрался благодаря вмешательству агента ЦРУ, профессионального убийцы, бывшего капитана французской армии, активиста ОАС Жа-

на Сутрэ, который был в Далласе в момент убийства Кеннеди, а затем внезапно выехал оттуда.

Руби, далласская полиция, люди, проживающие в Далласе и знавшие Освальда, площадь Дили-плаца, на которой была устроена засада президенту, здания вокруг нее, очевидцы преступления привлекают к себе внимание независимых исследователей. Журналисты, школьные учителя, ученые, инженеры, техники, врачи, домохозяйки, пенсионеры отдают изысканиям свободное время, сбережения, рискуют жизнью. Ими собраны, обработаны, систематизированы и надежно упрятаны уникальные данные — каталоги, фотографии, киноплёнки, магнитофонные записи разговоров свидетелей, пресс-конференций. Как правило, они знают, что есть у одного и что у другого и третьего.

Независимые исследователи, призыванием которых является засада, обнаружили в последнее время новые любительские кинофильмы, фотографии свидетелей, позволяющие расширить представление о том, что происходило и в техасском складе школьных учебников, в соседних зданиях, на травянистом бугре и вокруг него. Один из кинолюбителей, например, снимал шестой этаж склада учебников за несколько минут до покушения. Эксперты СКРУ различили на этой пленке фигуру и тени двух человек в правом крайнем окне, из которого якобы стрелял Освальд. Третья человеческая тень видна в крайнем левом окне. Выяснилось, что не один, а несколько подозрительных людей на травянистом бугре выдавали себя за агентов секретной службы и прогоняли оттуда зрителей. Нашелся солдат американской армии, который находился на этом бугре и клянется, что выстрел был сделан у него буквально «из-за спины».

Далласская домохозяйка Мэри Феррелл вместе с группой далласских жителей ждала 15 лет того часа, когда можно было бы с пользой для дела нагрянуть в дом бывшего начальника разведывательного отдела далласской полиции в сопровождении представителей специальной комиссии по расследованию убийств (СКРУ) и изъять у него магнитофонную пленку с записью всех звуков на Дили-плаца в момент выстрелов в Кеннеди. Эта полицейская запись хранилась почему-то весьма неофициально. Самые известные акустики США с помощью тщательных опытов установили в конце 1978 года, что на пленке зафиксировано четыре выстрела — один спереди и три сзади. Это послужило основой для известного вывода СКРУ о том, что президент пал жертвой не убийцы-одиночки, а погиб в результате заговора. Хитроумная и терпеливая миссис Феррелл не поддавалась искушению налететь на полицейского раньше, она понимала, что скомпрометировать данную пленку будет нетрудно, если она не окажется в руках солидного органа. И она два года присматривалась к стилю работы СКРУ, пока не решилась на свой шаг — «облаву» пленки. Миссис Феррелл нанесла тяжелейший удар по докладу Комиссии Уоррена. Ее призывание — функции далласской полиции в момент покушения — оплатилось сторицей. Ведь акустики указали с точностью до метра, что выстрел спереди был произведен с травянистого

А. Шилов. ЛЮДМИЛА СЕМЕНЯКА. 1980 г.

А. Шилов. ДАРЫ ВОСТОКА. 1980 г.

бугра. Это убежденно доказывали 15 лет все независимые расследователи, и теперь их точка зрения подтверждена комиссией конгресса США.

Исследовательским движением называется деятельность независимых расследователей Дэвид Лифтон. Оно политически и идейно разнородно, страдает от групповщины, взаимных подозрений, известной доли соперничества, недостатка средств проникновения в него провокаторов ФБР и ЦРУ. У него были свои герои и предатели, свои взлеты и спады, свои надежды и отчаяния. Некоторые его активные участники, вроде Марка Лейна, по тем или иным причинам отошли от расследования преступления века. Другие продолжают его. Открыто или сохраняя до поры до времени конфиденциальность.

Например, одна из групп независимых расследователей — «Информационное бюро по проблемам политических убийств» заявило о своей поддержке всех индивидуальных усилий американцев разгадать преступление века. Бюро предлагает свою помощь и участие в этих усилиях, а также в «синтезировании» находок с конечной целью вывести на чистую воду «политическую клику», уничтожившую президента Кеннеди, и посадить ее вдохновителей, организаторов и технических исполнителей на скамью подсудимых.

«Наше движение», — говорит Лифтон, — прошло путь длительной напряженной борьбы, но не все главы в ней еще написаны». Посмотрим внимательно на то, что сделал сам Лифтон.

Тайны «предвскрытия»

Для того, чтобы вывезти тело мертвого президента из Далласа, тем, кто это делал, пришлось преодолеть очень трудное препятствие. Оно было создано экспертом судебной медицины далласского окружного суда Эрлем Роузом, кабинет которого находился в здании Парклэндского мемориального госпиталя, где скончался Джон Кеннеди. Согласно законам штата Техас (они в данном случае мало чем отличаются от законов других штатов Америки), в возникшей ситуации только Роуз мог дать письменное свидетельство о смерти и только при наличии такого свидетельства труп можно было вывезти за пределы штата. Правда, согласно закону, Роуз мог передать труп одному из мировых судей штата Техас для вынесения последнего заключения о причине смерти, а тот — выдать свидетельство о смерти.

Но Роуз требовал вскрытия в Далласе. Эксперт судебной медицины окружного суда в Америке сочетает в себе знания и навыки медика и юриста, функции — врача и представителя местных судебных властей. Роузу говорили, что это экстраординарный случай и что тело покойного должно быть отправлено в Вашингтон. Его убеждали агенты секретной службы, помощники и советники покойного президента, врач покойного — адмирал Джордж Беркли.

На это упрямый Роуз категорически возражал. В своей книге У. Манчестер издается над этим «педантом и сухарем по натуре», который «считался грубияном и ловкачом, будто намеренно вызывавшим чувство неприязни к себе». Но, добавляет Манчестер,

юридическая позиция эксперта судебной медицины была неувязчивой. Она исходила из того, что суду необходимы будут объективные данные о посмертном вскрытии тела, что «нельзя упустить даже одного звена в цепи улик». Разыскали было одного мирового судью, который изъявил поначалу согласие дать без вскрытия в Далласе документ на вывоз мертвого тела. Но потом он узнал, что за исключением одного врача весь медицинский персонал Парклэндского госпиталя, представители судебных и прокурорских органов были на стороне Роуза, и сам высказался против выдачи труп.

Далее произошел, говоря словами Манчестера, «отвратительный скандал». Грубиян и ловкач Роуз и его сторонники, включая полицейских, не выдержали натиска «мускулистых» агентов секретной службы, и бронзовый гроб с покойным президентом был вывезен на самолете из Далласа...

Краткое отступление

Действовали ли Роуз и его сторонники, исходя из буквы закона и только из нее, или же?.. Руководила ли ими далласская полиция, или же все было действительно так спонтанно, как, нам кажется, это выглядит у Манчестера? Ответа или предположений на этот счет у американских независимых расследователей мы не нашли, поэтому перейдем к другим событиям.

«Предвскрытием» назвал Лифтон тот период времени в центральном военно-морском госпитале США, когда до начала вскрытия трупа президента (20 часов 15 минут, согласно докладной записке агентов ФБР Сайберта и О'Нейла) над ним производились действия, не зафиксированные ни в одном из официальных документов Комиссии Уоррена. Читатель помнит, что заговорщики по каким-то точно известным только им причинам вынуждены были дважды вносить труп в морг, расположенный в задней части госпиталя, прямо противоположной стороне от центрального входа.

Первый раз они внесли его в «жестянке», второй — в бронзовом гробу. Первый раз его вносили 7—8 человек в штатском — эдакие «битюги», как назвал их один из свидетелей происходившего — младший медицинский работник, флотский унтер-офицер первого класса Деннис Дэвид. Они подъехали в черном «кадиллаке», приспособленном под катафалк.

Приобщение Дэвида к числу заговоривших свидетелей произошло следующим образом. Весной 1975 года, чтобы приглушить резонанс, вызванный новыми фактами причастности ЦРУ к преступлению века (в частности, разоблачением как сотрудников ЦРУ так называемых трех бродяг, арестованных и тут же отпущенных в Далласе сразу же после покушения), комиссия «видных граждан» под председательством вице-президента Нельсона Рокфеллера* решила «расследовать» соответствующие обвинения в адрес разведывательного ведомства. Газета «Ньюс-сан» в небольшом городке Уокерган (штат Иллинойс) поместила серию статей об этих слушаниях, которые, как и предполагалось, «избавили» ЦРУ от какой-либо причастности к убийству. В редакцию «Ньюс-сан» позвонил

* Была создана в начале 1975 года для проверки и расследования данных печати о проведении ЦРУ противозаконных операций внутри США.

лейтенант медицинской службы ВМС в отставке Деннис Дэвид и под впечатлением серии статей предложил газете опубликовать свои воспоминания о том дне, когда, будучи сотрудником центрального военно-морского госпиталя, он явился свидетелем «малоизвестных» событий. Редакция согласилась с предложением и условием Дэвида — не называть его фамилию. Дело происходило в графстве Лейк (лейк — озеро), и «Ньюс-сан» представила читателям своего информатора как «человека из озерного графства».

«Несколько тысяч человек собралось на лужайке в ожидании прибытия траурного эскорта», — вспоминал «человек из озерного графства». — В госпитале охрана стояла у каждой двери, никому не разрешалось пользоваться лифтами без специального разрешения. Мы все были напуганы до смерти. Носились слухи о заговоре, никаких поблажек никому не делалось. Тело Кеннеди было доставлено через заднюю дверь в автомобиле-катафалке без номерных знаков. Официальный эскорт, прибывший с аэродрома, доставил лишь пустой гроб».

Эта удивительная информация прошла в тот момент фактически незамеченной. И лишь спустя два с половиной года она попала в глаза независимому расследователю в штате Теннесси Уолласу Майлему, который переслал вырезку Дэвиду Лифтону. Для последнего это было истинным кладом. Он разыскал «человека из озерного графства», и когда его подписка была аннулирована, Деннис Дэвид решил снять инкогнито.

Еще в интервью «Ньюс-сан» Дэвид сообщил, что после вскрытия трупа Кеннеди по указанию секретной службы он напечатал отчет о том, что видел и слышал в секционном зале и морге. Ему объясняли, что это делается для создания как можно более полного «официального описания вскрытия». Из трупа Кеннеди, написал Дэвид, были извлечены «четыре больших кусочка металла». Они имели «закрученные края подобно шрапнели». Если сложить все четыре осколка вместе, то их было больше, чем на одну, но меньше, чем на две пули. Дэвид был в недоумении, поскольку его отчет, предназначавшийся для «официального описания», не заинтересовал ни Комиссию Уоррена, ни другие официальные органы и не увидел света. Четыре кусочка металла исчезли как призрак, патологоанатомы, делавшие вскрытие, утверждают, что таковых вообще не было. Но принимать на веру их слова — штука рискованная, как убедится вскоре читатель.

Так, например, один из патологоанатомов — Торнтон Босуэлл — предупредил Денниса Дэвида, что ожидается раннее, «неофициальное» прибытие тела мертвого президента. Теперь же Босуэлл открешивается от своего бывшего подчиненного и уверяет, что, кроме официального прибытия, никакого другого не было. Патологоанатомы в один голос отрицают и объяснение двух агентов ФБР, подчеркивавших, что именно от них агенты получили первоначальную информацию о том, что, во-первых, в теле президента не было никакой сквозной раны и что, во-вторых, голова мертвого Кеннеди уже носила следы хирургической операции.

Но пришло время познакомиться ближе с патологоанатомами. Их было трое. Руководитель вскрытия, капитан 3-го ранга Джеймс Дж. Хьюмс — старший патологоанатом и директор лаборатории военно-морского госпиталя в Бетесде. Капитан 3-го ранга Дж. Торнтон Босуэлл главный патологоанатом военно-морского госпиталя в Бетесде. Подполковник Пьер А. Финк, начальник отдела патологии баллистических ранений Института патологии вооруженных сил США; о нем в докладе Комиссии Уоррена сказано, что «имел большой опыт по изучению пулевых ранений».

Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ. Не точнее ли было бы называть этих трех патологоанатомов, производивших вскрытие, патологоанатомами — судебно-медицинскими экспертами? Правда, я сужу по принятой у нас практике. При насильственной смерти у нас патологоанатом должен передавать вскрытие трупа судебно-медицинскому эксперту, поскольку это область, требующая специальных познаний. Поэтому труп Кеннеди должны были бы вскрыть судебно-медицинские эксперты. Значит, эти три патологоанатома были и судебно-медицинскими экспертами?

Продолжая знакомиться с профессиональными профилями Хьюмса, Босуэлла и Финка, мы нигде не обнаружили указаний на то, что они могли претендовать на репутацию судебно-медицинских экспертов, что когда-либо они приглашались на судебные процессы в качестве таких экспертов. Более того, некоторые американские судебно-медицинские эксперты резко критиковали выбор именно этой троицы; на них не произвели впечатления слова доклада Комиссии Уоррена о большом опыте Финка. Большее впечатление на американских медиков произвело то, что до 22 ноября 1963 года подполковник Финк занимался в основном «административной работой, инспектируя документы, фотографии и прочие материалы законченных дел». О Босуэлле судили по тому, что он «не имел специального опыта в судебно-медицинских вскрытиях». А что касается Хьюмса, то отмечалось следующее: «Его опыт в судебной патологии состоял из прослушанного в Институте патологии вооруженных сил США одного курса». Эти характеристики приводились в различных американских медицинских изданиях.

Наше дальнейшее знакомство с бетесдовскими патологоанатомами выявило любопытную вещь. По разным вопросам они то вдруг начинали все отрицать, перевирая без стеснения факты, то вдруг — даже в рамках отрицания или обмана — начинали подбирать слова и выражения, которые можно истолковать как правду. Именно на определенном истолковании показаний Хьюмса в Комиссии Уоррена Дэвид Лифтон пришел к мнению, что до официального вскрытия кто-то вынул из мозга пулю.

В этом его еще более убедил телефонный разговор с Хьюмсом в конце 1966 года. Лифтон довольно хорошо изучил к тому времени психологию этого человека, искусно владевшего эзоповым языком — как обычным, так и медицинским. Лифтон вдоль и поперек проштудировал латынь, медицинскую и патологоанатомическую терминологию, строение головы, мозга, и поэтому в разговоре он улавливал признаки то ли сомне-

ний, то ли подозрений, гнездившихся в сознании Хьюмса. Они прошли мимо сотрудников Комиссии Уоррена. Те их либо не поняли, так как могли не знать терминологии, либо нарочно пропустили мимо ушей, так как могли иметь задание не допекать доктора Хьюмса. Они расспрашивали его, Босуэлла, Финка, а патологоанатомы сопровождали ответы, водя указками по огромным рисункам, сделанным опытным медицинским художником-иллюстратором. Рисунки ранений головы, спины, горла были сделаны, по словам Хьюмса, «на основе его памяти». Фотографии и рентгеновские снимки не представлялись, чтобы... «не обидеть родственников Джона Кеннеди».

Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ: Абсолютно ненормально давать показания без рентгеновских и фотоснимков. Их не могут заменить рисунки даже самого искусного медицинского художника-иллюстратора. В первую очередь должны быть объективные данные. А рисунки — это субъективные данные, они не защищены от того, что может вырваться ошибка, неточность.

Снимки не показывали не только членам и сотрудникам Комиссии Уоррена, но якобы даже самому Хьюмсу, если верить последнему, во время его работы над протоколом о вскрытии.

Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ: Америка считает себя цивилизованной страной, но такого в цивилизованном мире сейчас не бывает. Патологоанатом должен иметь рентгеновские снимки и фотографии трупа.

Лифтон подозревает и имеет на то косвенные данные, что, кроме упоминавшихся Кастера, Рида и Стрингера, отпущенных к 12 часам ночи, позднее перед бальзамированием трупа в морге могли быть другие фотоаппараты и рентгеновские аппараты. Все это, конечно, знал или подозревал Хьюмс. Поэтому он вынужден был несколько раз менять и подгонять свою характеристику и причины смерти президента. В печати писали о его некомпетентности, неспособности отличить входные раны от выходных и т. п. Можно себе представить, как кипел внутри этот человек, какие мысли пронеслись в его голове, когда он слышал реплики, что он не выдержал главного экзамена в своей карьере, провалил вскрытие мертвого тела президента США.

Свидетели рассказывали позднее Лифтону, что между Хьюмсом и другими врачами и какими-то личностями в штатском происходили необыкновенно резкие перепалки, когда они начали осматривать труп, прибывший в «жестянке». Предполагается, что эти штатские, как и те «7—8 битюгов», которые внесли «жестянку», были сотрудниками секретной службы. Но Лифтон намекает и на другое: рьяные спорщики в штатском, без стеснения оравшие на врачей ВМС, могли быть сотрудниками ЦРУ. Так или иначе, но вскоре Хьюмс и его ассистенты скажут агентам ФБР Сайберту и О'Нейлу, что голова президента находится в состоянии, которое бывает только после перенесенной хирургической операции. Однако в Парклендском госпитале Далласа, повторяем, такой операции не делалось. Где же, кто и когда ее делал?

Продолжение следует.

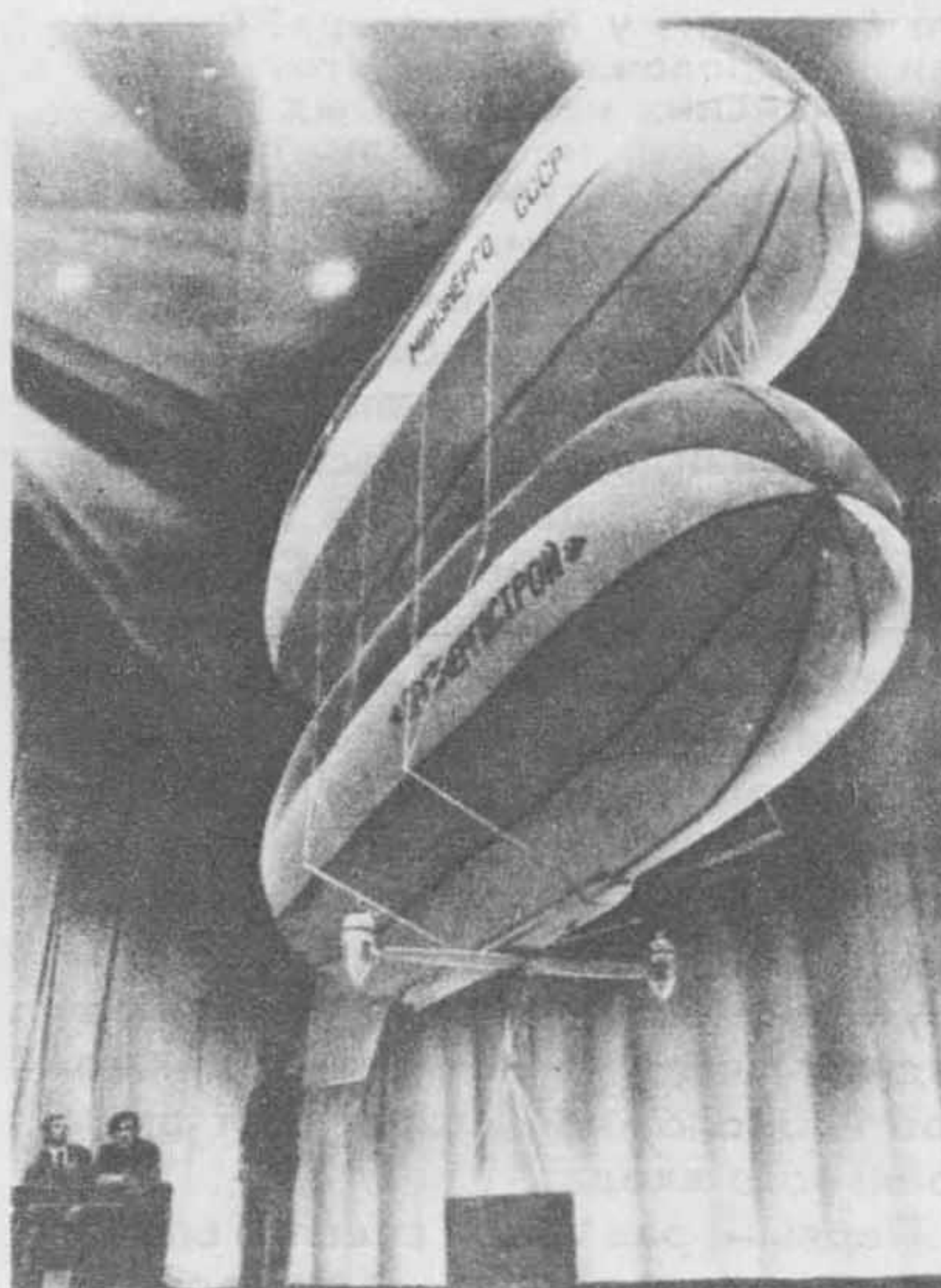
Б. СМЕРНОВ

Время действия — октябрь 1981 года. Место действия — зал заседаний Госплана СССР. «Главное действующее лицо» — ЭЛАС-1, что значит «энергетический летательный аппарат для строительно-монтажных работ». Точнее сказать, мы видим лишь шестиметровой длины модель — уменьшенную в десять раз копию будущего корабля. Но необходимо добавить, что Госплан — не то место, где предаются мечтам, и поэтому даже слово «будущее» обусловлено здесь вполне реальным сроком: октябрь 1982 года. Да, через год уже не модель, а настоящий ЭЛАС должен подняться в воздух.

Но вернемся в день сегодняшней... Сначала на сцену зала внесли и разложили оранжево-белую оболочку, сшитую из легкой синтетической ткани. Подвезли на тележке обычный баллон, наполненный гелием, соединили шлангом с оболочкой — и через несколько минут оболочка превратилась во что-то огромное, формой напоминающее виденный где-то на старой фотографии дирижабль. Но этот, сегодняшний, возвращенный из прошлого дирижабль оказался двойным: гелием наполнились две оболочки, соединенные стропами. Теперь ЭЛАС стремился подняться к потолку, и уже несколько человек удерживали его над сценой. Потом снизу к оболочке пристегнули что-то вроде каркаса, по которому, как по рельсу, перемещалось небольшое поперечное крыло с двумя электродвигателями на концах. Вот укреплены пропеллеры — и ЭЛАС начал походить на дирижабль и на самолет одновременно, вернее, стал гибридом этих летательных аппаратов. Подключен электрокабель, подвешен груз — корабль готов к полету. Специалисты Госплана с интересом следили за происходящим на сцене. А к ЭЛАСу подошел один из авторов проекта, профессор Олег Александрович Чембровский.

— Вы видите перед собой не дирижабль, а принципиально новый воздухоплавательный аппарат. Эта модель может поднять в воздух несколько килограммов груза. Через год мы должны по-

строить ЭЛАС грузоподъемностью 6—8 тонн, затем планируется создание аппарата на тридцать тонн и в 1985 году — на двести тонн. Проект ЭЛАСа создавался группой энтузиастов Московского института инженеров гражданской авиации, этот проект привлек внимание Министерства энергетики и электрификации СССР, и вот недавно в институте «Оргэнергострой» было создано специальное проектно-конструкторское отделение «Энергоаэротранс», которое мы представляем. Зачем нужны ЭЛАСы? Они будут переносить грузы из труднодоступных мест, вести с воздуха точный, даже прецизионный монтаж различных конструкций. Одна из конкретных задач, которую поставило перед нами Минэнерго, — доставка к месту назначения атомного реактора с завода «Атоммаш». Подробнее о главных особенностях аппарата я расскажу позже, а теперь мы немного полетаем по залу...

Тонкий кабель тянется от ЭЛАСа к пульту управления. Пульт — маленькая коробочка в руках Александра Бекишева, молодого инженера-конструктора. Бекишев нажимает на кнопку — и крыло легко перемещается по каркасу, пока не встает точно по центру тяжести аппарата. Как просто, а ведь такая центровка была самым «большим местом» прежних дирижаблей... Щелчок тумблера — включаются двигатели на крыле, два маленьких пропеллера гонят воздух, и ЭЛАС очень медленно, очень

плавно начинает разворачиваться. Затем изменяется положение двигателей — и аппарат кружится над сценой вокруг своей оси, как волчок. Бекишев, переключая кнопки и рычажки, меняет наклон двигателей, и аппарат, послушный воздушным винтам, то почти прижимается к полу, то не спеша всплывает под потолок. Но вот двигатели заняли горизонтальное положение. ЭЛАС неторопливо удаляется со сцены в зал, проплывает над нашими головами. Легкое жужжание, ветерок, поднятый винтами... До чего же необычное ощущение — видеть, как это ни на что не похожее сооружение движется над креслами, вдоль прохода, разворачивается и вновь устремляется к сцене! Словно мы все сидим и смотрим фантастический кинофильм...

В кресле рядом со мной — Виктор Кирсанов, заслуженный летчик-испытатель, тоже начинающий в «Энергоаэротрансе». У него сейчас другие ощущения — он «болеет» за Бекишева, который, видно, только учится управлять движением аппарата. «Эх, круто взял, надо мягче, — потихоньку комментирует летчик. — А теперь надо левее, левее, а то не впишется в поворот! Хорошо, теперь правым... Стоп! Вот так, сели».

— Это очень сложно — управлять таким аппаратом? — интересуюсь я у Кирсанова, и он неопределенно пожимает плечами:

— Кому как, дело привычки. По-моему, опытный летчик или пилот вертолета быстро освоит все особенности управления ЭЛАСом — здесь, в общем, все знакомо. Ведь эти аппараты будут с двойной системой управления: одна — дистанционная, второй вариант, когда требуется особая точность, — пилотируемый. И двигатели на ЭЛАСах будут стандартные, от самолета Ан-2. Значит, многие летчики, которые ушли из авиации по возрасту, снова окажутся у дел...

На сцену вновь поднимается Олег Александрович Чембровский.

— Многие, конечно, помнят, что в тридцатые годы большие надежды возлагались на дирижабли, но на том уровне развития подобные технические идеи были неосуществимы. Теперь для оболочки можно использовать современный легкий, плотный и очень прочный материал — капрон. В нашем распоряжении — электроника, быстродействующие счетно-решающие устройства, а главное — легчайший и недорогой газ гелий. Перед воздухоплаванием открываются огромные новые перспективы...

Олег Александрович называет лишь несколько вариантов. Вот

ЗАЯВКА НА ПОЛЕТ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

ЭЛАС несет над тайгой, над сплошным бездорожьем огромную опору для строящейся линии электропередач. Вот из горного района вывозятся по воздуху многотонная связка деревьев — не нужно прокладывать лесовозных дорог, не нужны трелевочные трактора, лесной массив совершенно не страдает от продуманной, выборочной рубки. Вот ЭЛАС завис над стройкой, здесь он служит как бы блоком, через который обычными лебедками ведется монтаж конструкций. А еще, например, ЭЛАС может стать бесплатным холодильником: ведь на высоте нескольких километров всегда держится постоянная температура. Значит, контейнер с овощами, поднятый прямо с поля, можно в идеальных для их хранения условиях нести через всю страну и опускать прямо во двор какого-нибудь магазина.

Да, перспективы огромные. Не зря, как рассказал профессор Чембровский, работой «Энергоаэротранса» уже заинтересовались Миннефтегазстрой, Мингазпром. Уже подписан совместный приказ Минэнерго с Министерством бумажной промышленности СССР о выделении средств для проектирования и постройки ЭЛАСов, есть хороший опыт сотрудничества с объединением «Забайкаллес». И здесь, в зале Госплана, у специалистов наготове были деловые вопросы:

— Насколько экономичнее будет использование ЭЛАСа по сравнению с вертолетом?

— Мы подсчитали примерно, что у нашего «восьмитонника» перевоз тонны на километр будет стоить десять копеек, у «тридцатитонника» — пять копеек, у «двухсоттонника» — две копейки. Вертолет, как вы знаете, в десять раз дороже. Кроме того, сегодняшние вертолеты не могут поднимать свыше пятидесяти тонн груза.

— Какова скорость ЭЛАСа, как далеко он летает?

— Радиус полетов без пилота — 250 километров, для пилотируемого варианта — на 2500 километров без дозаправки. Максимальная скорость сто двадцать километров в час.

— А если откажут сразу два двигателя?

— ЭЛАС опустится на землю медленнее, чем парашют, со скоростью три—пять метров в секунду.

— А почему такое необычное расположение облоков — одна над другой?

— По многочисленным экспериментам это один из приемлемых вариантов для устойчивости в воздушных потоках: ЭЛАС может почти неподвижно удерживаться над заданной точкой при скорости ветра до 14 метров в секунду! Кроме того, можно составить целую связку облоков для повышения грузоподъемности.

— Не возникнет ли пожар от выхлопа двигателей?

— Это исключено, от места выхлопа до обложки — достаточно большое расстояние.

Вопросов много, руководителя «Энергоаэротранса» долго не отпускали со сцены. Наконец кто-то предложил: «Может, еще полетаем? Очень красиво!» И оранжево-белый ЭЛАС вновь плывет над залом...

Отто Юльевич Шмидт был героем моего детства. Я еще ничего не знал о его заслугах как ученого, знал только — мореплаватель, покоритель Севера. И понятно то волнение, с которым я перешагнул теперь порог музея О. Ю. Шмидта, открытого на его родине, в могилевском Дворце пионеров. В эти осенние дни Отто Юльевичу исполнилось бы 90 лет. Прожил он 65, но биография этого удивительного человека не укладывается в рамки одной биологической жизни. Он сам в юности задал себе тот высокий темп и накал работы, который держал потом всю жизнь. Всем нам со школьных лет памятен пример с планом занятий, который Шмидт наметил для себя еще студентом. После подсчетов выяснилось, что план можно одолеть лишь за 1000 лет. «С болью в душе стал вычеркивать», вспоминал потом академик. — Оставил только то, без чего не мыслит пути в науку. Вновь подсчитал... Осталось еще на 250 лет!» Дальше Отто Юльевич вычеркивать не стал... И вот результат: различные науки теперь спорят за право считать его своим представителем: математика, физика, география, астрономия — так много сделано им в каждой из этих областей человеческого знания.

Огромное воспитательное значение имеет этот музей мореплавателя и ученого. Дело не только в том, что создателям его удалось за короткий срок собрать более двух тысяч экспонатов. Среди них рукописи и неопубликованные письма Шмидта, воспоминания участников челюскинской эпопеи, редкие фотографии с автографами, книги, личные вещи ученого. Здесь собраны и произведения искусства, посвященные «покорителю Севера». На почетном месте укреплен флаг, который два месяца развевался над лагерем челюскинцев во льдах.

Удалось даже разыскать фотоаппарат «Лейку» и походный нож с костяной ручкой в кожаных ножнах. Эти вещи служили Шмидту в походах и путешествиях. А деревянные настенные часы-кукушку ребята отыскали в Киеве.

При музее действует кружок следопытов, руководит которым педагог Светлана Анатольевна Шлыкова.

Много походов и экспедиций совершили ребята. Не раз они встречались с членами семьи Отто Юльевича, с учеными, полярниками, моряками. Они собрали обширный интересный материал о жизни и деятельности своего знаменитого земляка, на которого каждый из них мечтает быть похожим.

У юных следопытов завязалась прочная дружба с участниками челюскинской эпопеи. Вот и сегодня, в 90-летний юбилей О. Ю. Шмидта, челюскинцы тоже приехали к пионерам. Вспомнилось, что, когда в августе 1979 года в Ленинграде был поднят государственный флаг на первом в мире научно-исследовательском судне ледокольного типа «Отто Шмидт», среди тех, кто провожал его в путь, среди ученых, моряков, полярников я вдруг увидел знакомые лица юных могилевских следопытов.

Для этих ребят путь к полюсу, открытие Северного морского пути не только прошлое. Они, по рассказам старших в музее, знают, как за ходом полных драматизма советских экспедиций внимательно наблюдал весь мир. Сумеют русские пройти Ледовитый океан в одну навигацию или погибнут во льдах?.. В те годы Шмидта именуют в западной прессе «советским Колумбом».

«Ледовый комиссар».

Бернард Шоу — кстати, восхищавшийся Шмидтом — как-то выразился в том смысле, что разумные люди приспосабливаются к обстоятельствам, а неразумные упорно стараются приспособить обстоятельства к себе, поэтому прогресс зависит от неразумных людей. Отто Юльевич поступал всю жизнь «неразумно». Колоссально много работал, и именно в таких местах, где ему запрещено было медициной. В Ледовитом океане, например, он поступал вопреки не медикам, конечно, а постоянно грозившей ему болезни — туберкулезу. Уже прикованный к постели, когда ему из Академии наук прислали новейшее эффективное лекарство, полученное из-за границы в качестве образца и от которого началось заметное улучшение его состояния, Отто Юльевич попросту раздал большую его часть совершенно незнакомым людям-просителям, узнавшим, что оно у него есть... Неразумно? Отто Юльевич не имел все же права так поступить. Безусловно! Но... И примеров этому очень много: все, кто лично знал Отто Юльевича, на его девяностолетнем юбилее вспоминали об этом. Неразумные люди умирают часто раньше времени. Но память о них сохраняется очень-очень долго...

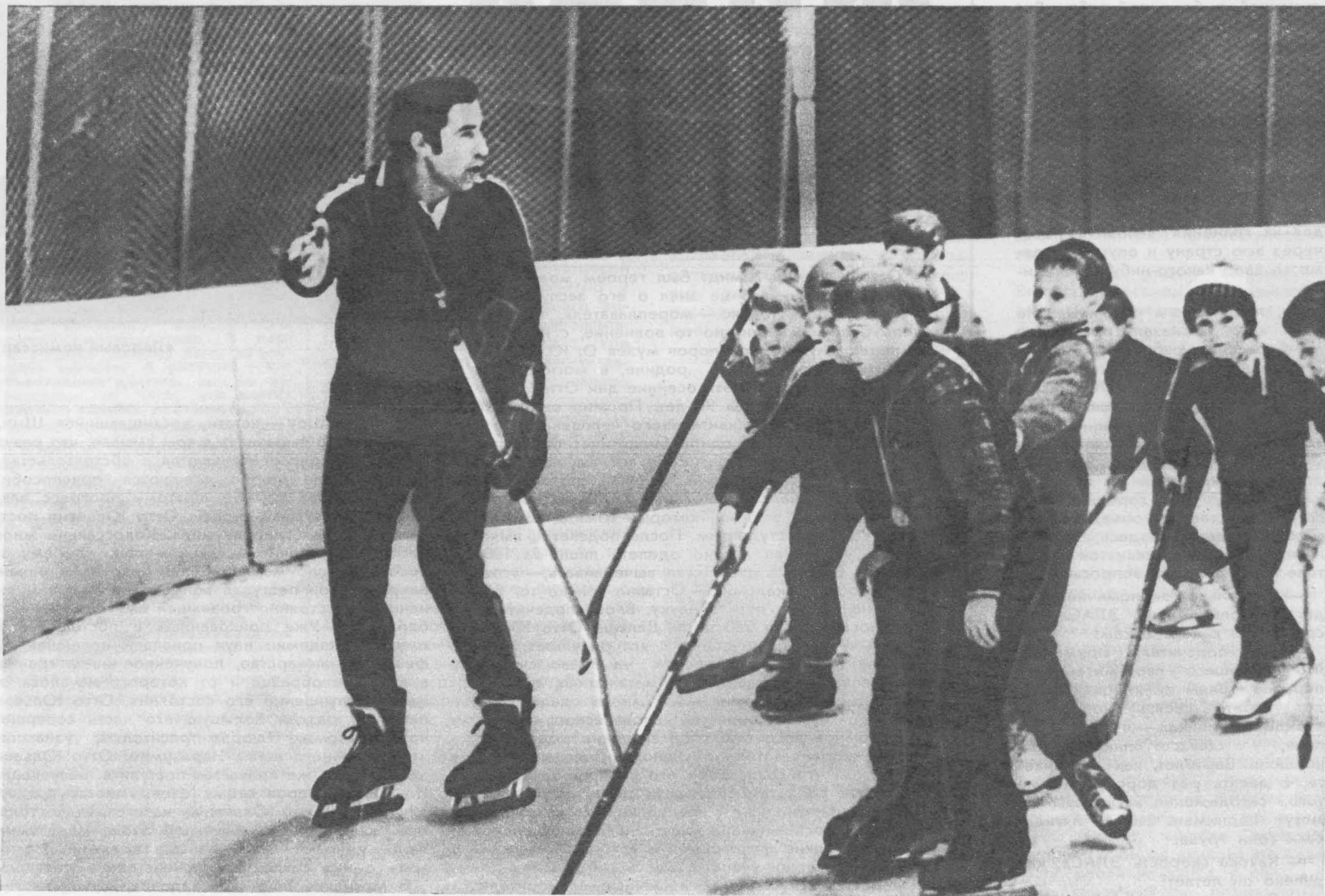
В Могилеве еще стоит здание, где была гимназия, которую окончил Отто Шмидт. Сейчас об этом напоминает мемориальная доска. Память о знаменитом уроженце Могилева сохранена и в названии улицы — проспект Шмидта, и в экспонатах музея имени ученого, и, главное, в тех живых делах, что совершают сегодня его юные земляки — следопыты городского Дворца пионеров.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Лекцию о жизни Шмидта в музее его имени в день 90-летия ученого читают юные следопыты. Фото автора

ПРАЗДНИК

Анатолий Фирсов по-прежнему на льду.

Фото А. Бочинина

Анатолий ФИРСОВ, заслуженный мастер спорта

Чемпионат страны по хоккею. «Спартак» принимает киевский «Сокол», с московскими армейцами скрестили клюшки хоккеисты челябинского «Трактора». Будничные игры: уральские хоккеисты, как и киевские, отдают лидерам очки практически без боя. Когда счет 1:10 или 1:12, говорить о соперничестве как-то неудобно. И невольно вспоминаешь прошлогодний чемпионат. Ведь сумел же тогда «Трактор» отобрать у ЦСКА три, а у динамовцев Москвы четыре очка из восьми возможных, сумели киевляне поровну разделить очки во встречах с грозной «командой Мальцева»? Да и нынешней осенью горьковские торпедовцы, не смилившиеся с мыслью о неизбежности проигрыша лидеру, дали армейцам настоящий бой: по ходу матча они постоянно проигрывали — 0:2, 1:3,

2:4, но все-таки смогли сравнять счет — чемпион потерял первое в сезоне очко.

Так, значит, самое понятие турнирной прозы условно? Значит, будни хоккея могут стать праздником? А хоккей — по самой своей природе, по накалу борьбы, скоростям, азарту — призван быть праздником. Таким, каким предстает он перед нами в дни чемпионатов мира или крупных международных турниров.

Минувшей осенью хоккей начинался с праздника.

...Монреаль. «Форум». Финальный поединок «Кубка Канады».

Как давно это было!.. Или недавно?

Двадцать лет назад Тарасов спросил нас, своих питомцев, сможем ли мы сыграть против профессионалов. Ведь мы еще находились под впечатлением матча «Монреаль канадиенс» — «Торонто мейпл лифс». Играли Генри Ришар, брат знаменитого Мориса, и не менее знаменитый Жан Беливо. Великолепные мастера!

Помню свои чувства. Неприятное ощущение неопределенности, близкой к неуверенности. Тогда ни я, ни Анатолий Владимирович

Тарасов и предположить не могли, чем завершится финал «Кубка Канады», а до этого — кто завоюет «Кубок вызова».

Интересно перелистать подшивки газет. Заголовки материалов, рассказывающих о наших встречах с профессионалами, менялись. Сначала писали о легендарной силе канадцев, потом — о крушении этой легенды. Нынешней осенью не только ветераны команды Валерий Васильев, Владислав Третьяк, Александр Мальцев, но и менее опытные их партнеры хорошо знали, с какими соперниками предстоит им сыграть. Легенды и мифы ушли в прошлое.

Вместе с группой специалистов я побывал в Канаде, смотрел матчи турнира и сейчас хочу рассказать не о ходе борьбы, не о том, кто и как забивал голы, а о том, что имеет значение для развития хоккея.

Главное впечатление, вынесенное из поездки за океан: хоккей, который был показан в дни «Кубка Канады-81», принципиально отличается от того, который мы видели в первых сериях встреч с профессионалами.

Профессионалы отказались от драки. Отказались от грубого, жестокого хоккея. Жесткость, обилие силовых приемов, естественно, сохранились, но драчливости теперь нет. В сборную команду Канады были приглашены все самые лучшие, самые сильные хоккеисты страны, но среди самых лучших и сильных не оказалось грубиянов.

В пору моих выступлений на льду разговоры о грубости профессионального хоккея были постоянными. И небезосновательными. Вот статистика, связанная с характером, если хотите, с принципами игры знаменитых клубов большой шестерки НХЛ — «Бостон Брюинз» и «Нью-Йорк Рейнджерс» (дело происходило в сезоне 1969/70 года). В одном только первом периоде матча на Кубок Стенли команды получили 132 минуты штрафного времени. Период (а это двадцать минут чистого времени) продолжался свыше полутора часов. Всего же в тот день соперники были оштрафованы на 174 минуты.

Ныне большой хоккей стал за океаном иным. Чем же объясняется эта метаморфоза? Я склонен считать, что едва ли не решающую

ИИБ УДНИИ

роль сыграли матчи с нами, практически постоянные теперь контакты с советскими хоккеистами.

Учились друг у друга в эти годы не только тренеры и игроки, учились и зрители. Менялись их вкусы, пристрастия, взгляды на хоккей. Канадская и американская публика получила возможность сравнивать. И она увидела другой хоккей. Непохожий на тот, к которому привыкли болельщики «Монреаль канадиенс», «Бостон брюинз», «Торонто мейпл лифс». Они поняли, что и другой хоккей интересен, что он еще более привлекателен, что грубость в хоккее вовсе не обязательна. Более того, она не нужна.

Кто-то, возможно, не согласится с моим пониманием изменений, происшедших в профессиональном хоккее. Скажут, что я преувеличиваю роль нашего влияния. Нет, я не преувеличиваю. В одном из своих интервью капитан сборной СССР Валерий Васильев, сравнивая канадские профессиональные команды разных лет, сказал, что раньше играть с ними было в чем-то легче. Канадцы были проще. Даже примитивнее. Уже если входили в зону соперника, то тотчас же, не мудрствуя лукаво, швыряли шайбу в ворота. Долгого розыгрыша шайбы, комбинационной игры, атаки, строящейся на многочисленных пасах, практически не признавали. Считали все это пустой тратой времени. А теперь?.. Дионн вошел в нашу зону, перед ним Алексей Касатонов, который не только помогает, но и мешают Владиславу Третьяку — наш вратарь может прозевать момент броска, поскольку Дионн прячется за Касатоновым, но вопреки давним традициям, вопреки былым принципам Дионн не спешит с атакой ворот. Он отдает шайбу чуть опережающему его Гретцки, а тот — еще дальше Лефлеру, выскакивающему на «пятячок» перед нашими воротами.

Канадцы разыгрывают в зоне соперника комбинацию? Стремятся обыграть наших защитников с помощью паса? Не атакуют ворота при первой же возможности? Если бы мне десять лет назад сказали, что это станет возможным, я бы не поверил.

Но, многое переняв у нас, канадцы сохранили и свои традиционные достоинства, в частности постоянную готовность играть, жажду борьбы. Вот этой-то жажды борьбы и недостает порой нашим хоккеистам в матчах чемпионата страны. Когда летом стало известно о переменах в составах команд, я, признаюсь, ахнул, узнав, сколько игроков приглашено в московское «Динамо». И каких игроков! Юрий Вожаков и Вячеслав Рьянов из горьковского «Торпедо», Михаил Анферов из «Крылышек», Анатолий Антипов из рижского «Динамо», Мисхат Фахрутдинов из «Ижстали». Игроки молодые, но уже сложившиеся, прекрасно зарекомендовавшие себя. Считал, что «Динамо» становится главным претендентом на золотые медали. Тем более что

ЦСКА покинули такие асы, как Борис Михайлов, Владимир Лутченко, Геннадий Цыганков. Позже решил уйти из команды (теперь он играет в СКА) Владимир Петров. А потом трагически погиб выдающийся хоккеист Валерий Харламов.

И вот наступает сезон, и в первом матче «Динамо» встречается со «Спартаком». Все думали, что чемпионат начинается с праздника, а нас ждали унылые будни: уж очень бесстрастны, равнодушны были действия динамовцев, и, начав проигрывать, они даже не пытались переломить ход матча.

К счастью для хоккея, бывают и праздники на нашей улице, яркие, запоминающиеся. Таким был матч ЦСКА — «Динамо». Те же динамовцы, так огорчившие в игре со «Спартаком», на сей раз сыграли прекрасно. На лед вышли восемнадцать (из двадцати двух) игроков, выступавших на «Кубке Канады», шесть динамовцев и дюжина армейцев. «Динамо» выигрывает 3:1. Только за семь минут до конца Игорь Ларионов сокращает разрыв в счете, а за две с лишним минуты до конца поединка впереди уже были хоккеисты ЦСКА — 4:3.

Это был яркий, эмоциональный матч, да и мог ли он быть другим, если на поле сошлись победители «Кубка Канады». Но не будем кривить душой: такие яркие игры на нашем льду бывают не так уж часто. Вот как проходила встреча «Крылья Советов» — «Спартак». Спартаковские форварды буквально летали по льду, и никто им не мешал. Защитники «Крылышек» пытались отобрать шайбу только с помощью клюшки, не играли корпусом, не ввязывались в жесткую схватку. Но только ли хоккеисты «Крылышек» грешат этим недостатком? К сожалению, неумением вести силовую борьбу (или нежеланием?) страдают многие команды, а ведь без силовой борьбы хоккея нет. Разве смогла бы наша сборная победно завершить борьбу за «Кубок Канады», если бы не была готова к силовой борьбе?

Снова вспомним Монреаль. Пример молодым в финальном матче подали ветераны сборной, они первыми приняли на себя могучие удары канадцев. Самоотверженно играли защитники, возглавляемые травмированным в предыдущих матчах Васильевым, двенадцать опаснейших бросков парировал Третьяк. И хоть первый период никому не дал перевеса, хоть годы, проведенные в хоккее, отучили меня от свойственного юности безоглядного оптимизма, недооценки соперника, я был твердо убежден в нашей победе.

Попробую объяснить, на чем зиждилась моя уверенность. Первый период мы выстояли, а во втором, как правило, канадский напор слабел. То ли такую тактику рекомендовали тренеры, то ли в клубах игроков приучают стремиться решать исход поединка уже в первом периоде — так или иначе, но все свои силы канадцы старались использовать в начальной двадцатиминутке. Так было

в первом матче с нашей командой, так было в полуфинале, где канадцы уступили второй период сборной США. И я не ошибся, именно во втором периоде матча канадцы пропустили три шайбы, отквитав лишь одну, а в третьем периоде наша команда учинила сопернику настоящий разгром, забив пять безответных шайб.

Защитник Ларри Робинсон объяснял после матча, что произошло в третьем периоде: «Мы стали проигрывать, открылись, начали рисковать, а в игре против такой команды, как советская сборная, это равносильно самоубийству...»

Когда я вернулся в Москву, то не раз меня спрашивали хоккейные знатоки, не «темнила» ли наша сборная в первом матче с канадцами. Не отдала ли умышленно тот матч, поскольку он все равно ничего не решал? Ведь в воротах не было Владислава Третьяка. Со всеми соперниками он защищал ворота, а тут на встречу с главным претендентом на приз его не поставили.

Разумеется, Виктор Васильевич Тихонов и его коллеги вовсе не собирались рекомендовать своим подопечным играть на поражение, но в спорте никто не застрахован от неудач, в игре может случиться всякое, и класс команды определяется, между прочим, и тем, насколько быстро и верно умеет она делать выводы из этих неудач.

Наша команда сделала такие выводы. В предварительном матче с канадцами не хватало первого паса — точного, дальнего, неожиданного, хотя можно было в тот день сыграть на контратаках: соперники пошли на открытый хоккей, атаковали смело, даже излишне смело, не оглядываясь на собственные ворота, мало заботясь об их неприкосновенности. В той игре не было у нас в атаке поддержки вторым, третьим нападающим: форвард, владеющий шайбой, начиная или продолжая атаку, не находил партнеров, те отставали. Потеряв шайбу, наши хоккеисты не пытались тотчас же ее отобрать, они в тот день, пожалуй, уступали сопернику в скорости, в стремлении выиграть каждую схватку за шайбу.

Не могу сейчас детально, со всеми подробностями, рассказать читателям, чем отличался психологический настрой наших хоккеистов во втором «канадском» матче от первого. Готов доказывать, что наши хоккеисты и перед первой встречей с канадцами не были подавлены, напуганы сокрушительными атаками профессионалов, собранных в команде, которую сами заокеанские специалисты считали одной из сильнейших в своей истории. Но в психологическом настрое на тот, первый, матч они, пожалуй, уступали соперникам. Делаю этот вывод и потому, что не увидел я в первой игре в нашей команде лидера, звена или хоккеиста, который первым бы вступил в борьбу, повел за собой товарищей. Во втором матче и хоккеист и звено такие были. Я говорю о Владимире Крутове и о

звеньях Игоря Ларионова и Сергея Шепелева. Вот все эти компоненты и сделали финальную встречу незабываемым праздником хоккея. И мне кажется, что к праздничной игре хоккеисты всегда должны стремиться. Увы, это не всегда удается. Когда минувший сезон стал для знаменитой первой тройки армейцев последним, зрители, болельщики да и журналисты сразу заговорили о проблеме лидера. Кто займет это место? Сергей Шепелев и его партнеры Сергей Капустин и Виктор Шалимов? Владимир Крутов, Игорь Ларионов, Сергей Макаров? Кто-то другой? А может быть, пришла пора иного решения проблемы? Может быть, теперь будет не одно, а два или даже три ударных звена? Ведь было так в мое время. А пока в игре армейцев чувствуется некий холодок.

Наш хоккей не обеднел на таланты. И сегодня играют яркие «звезды» — Третьяк, Мальцев, Сергей Макаров, Сергей Капустин, Вячеслав Фетисов, Игорь Ларионов, чье имя еще полгода назад было мало кому известно. Многие из них молоды, но разве молодость — недостаток? Нет, как раз молодость и должна придавать игре приподнятость, если хотите, вдохновенность.

Любители хоккея, разумеется, заметили, что в нашем хоккее происходит смена поколений. Это естественный процесс; постоянное обновление команд — закономерность спорта, но сейчас случилось так, что почти одновременно ушли многие большие мастера. Я назвал имена прославленных армейских хоккеистов. Но ведь не менее выдающихся мастеров лишился и «Спартак». Это Александр Якушев, Владимир Шадрин, Юрий Ляпки. Покинули большой хоккей многие опытные игроки воскресенского «Химика», рижского «Динамо», ленинградского СКА.

Разумеется, смена поколений — процесс сложный, порой болезненный. Но только ли уходом из команды ветеранов объясняются неудачи в последние годы таких в прошлом популярнейших команд, как «Крылья Советов» или «Химик»? Только ли этим объясняется затянувшийся спад рижан, которые закончили первый круг на непривычном, последнем месте? Естественно, что команде нелегко, что моему давнему партнеру по сборной страны Владимиру Владимировичу Юрзинову, работающему теперь с хоккеистами Латвии, требуется время на создание боевого коллектива. Сходные — и тоже чрезвычайно сложные — проблемы приходится решать и совсем молодому тренеру Борису Петровичу Михайлову, теперь возглавившему ленинградскую команду.

Таковы наши хоккейные будни. И тут свое слово должна сказать молодежь. Она рвется в бой, заявляет о себе все увереннее, потому-то я и убежден, что борьба в нашем чемпионате обострится, что все меньше будет матчей скучных, будничных, все больше ярких, праздничных.

А может, это любовь?

Я. АЗАРОВ

ФЕЛЬЕТОН

Демографы неустанно твердят, что имеет место стремительный рост населения городов. Называются разные убедительные причины. Однако в своих выкладках они почему-то не учитывают один посыл, который, к счастью, взялись описать мои коллеги, фельетонисты. За последнее время они с таким темпераментом навалились на субъектов, коих общественность именует фиктивно брачащимися, что у меня едва не сложилось впечатление, будто города разбухают именно за их счет.

Я тоже сгоряча чуть не внес вклад в эту щекотливую тему, когда ознакомился с делом бакинца Ф. Ну, думаю, попался, субчик! Сейчас мы тебя разделаем под грецкий орех (учитывая флору тех мест). Однако при более внимательном рассмотрении материалов появились сомнения. Похоже, наш герой не столько злоумышленник, сколько жертва фатальных обстоятельств.

Тут, конечно, дотошный читатель захочет узнать хотя бы короткую историю вопроса. Пожалуйста, никакой утайки... Итак, начнем с того, что двадцать пять лет назад (обратите внимание на сроки!) студенты, учившиеся в Москве — Анна Б. и Михаил К., — в паузах между научной докукой полюбили друг друга и решили пожениться. За столицу молодая чета не цеплялась, ни на чью жилплощадь не замахивалась, а как только подоспело положенное время, переместилась в Баку, куда их нацелила соответствующая комиссия.

Между нами говоря, Михаил К. предпочел бы родной Тбилиси, где у него проживали родители.

Но свежеспеченный специалист в незнакомом месте отдавался своей работе с изрядным пылом. Словом, все пошло заведенным порядком — тихо (я хотел было автоматически добавить «и мирно», но, увы, мира-то в семье и не стало). Порой и близкие начинают нас ороговывать неведомыми ранее пороками. Впрочем, порок, который стреножил Михаила К., примечала не только его жена, но и окружающие: стал, сердечный, пропускать за галстук сначала рюмочку-другую, а потом и бутылку-третью...

Горячительные напитки, как известно, мало способствуют согласию в семье. И в 1969 году (обратите внимание на дату) супруги разошлись. Михаил К., оставив на попечение супруги двух сыновей, выписался в родной Тбилиси, где, как уже было сказано, проживали его родители и где, как еще не было сказано, они построили ему кооперативное обиталище.

Анна Б. потужила некоторое время, но жизнь, как утверждают философы, есть жизнь, и через два года (обратите внимание на срок), познакоившись с положительным человеком, решила сочетаться с ним законным браком. Это и был юрисконсулт одного из райисполкомов Баку Владимир Ф., о котором мы упомянули в начале нашего сообщения.

Словом, все покатило заведенным порядком — тихо (тут я хотел снова добавить «и мирно», но, увы, мира-то в семье и не стало). Старший сын Анны, достигший к этому времени возраста, когда скептически поглядывают на родителей, почему-то настроился против отчима. И без затей объявил, что укатывает к родному отцу, а там уж будет видно...

А видно стало не самое безмятежное. Лишившись маминого ока, юноша заколоробродил и даже стал якшаться с некоей беспутной компанией. Озадаченный

отец бросился к междугородному телефону.

— Ах, Анна, Анна! Быть может, забудем былое и хотя бы ради детей заживем в Тбилиси вместе, как чайная роза с перевоспитавшимся соловьем? А на бакинскую квартиру махни рукой — пусть там остается жить, как все утверждают, хороший человек...

Так выглядела эта, быть может, несколько мелодраматическая история. Я даже подумал, что иному профессионалу здесь за глаза хватило бы реплик для пьесы из двух действий с антрактом на буфет и счастливым финалом. И верно, кто бросит даже крошечный булыжник в женщину, обеспокоенную судьбой безалаберного сына? Казнь перед Владимиром Ф., она обряжает младшего сына в дорожный костюмчик и мчитс вместе с ним в Тбилиси. И тут наконец я могу без колебаний сказать, что в восстановленной семье К. все пошло тихо и мирно.

Но зато далеко не мирно и весьма не тихо складывались события у оставленного ею бакинца. Прокуковав после развода почти четыре года, он снова женится на хорошей женщине и без всякой задней мысли стучится в Шаумяновский райисполком с просьбой переадресовать личную счет на свое имя. Теперь у него новая семья, и он хотел бы, чтобы все приобрело юридический статус.

Ну, а сейчас самое время поведать, как эта мелодраматическая история приобрела драматический привкус. В райисполкоме сразу же всполошились. Пойдите, так это же типичная уловка с целью переуступки мебелированного семейного гнезда. Не может быть и сомнения, что брак между супругами К. был расторгнут именно для последующего заключения фиктивного брака Анны К. с Владимиром Ф. Доказательство? Гм... Отыщем, если нужно. И в прокуратуру района направляем исковой меморандум, вызвавший улыбку даже у не очень склонных к юмору работников следствия. Согласно райисполкомовской гипотезе, Владимир Ф. вот уже десять лет как владеет ключом от квартиры, которая ему не принадлежит потому, что:

при расторжении матримониального союза супруги К. не

затевали склоки по поводу раздела имущества;

укатывая в Тбилиси, Михаил К. не предпринял попыток разменять свое бакинское пристанище на два в разных регионах;

прожив бок о бок около двух лет, Анна К. и Владимир Ф. не позаботились произвести на свет ребенка...

Разумеется, эта аргументация была отвергнута работниками прокуратуры. Но в Шаумяновском райисполкоме сидели люди, которые не любят миндальничать. Они переправляют дело в суд. И вообразите только, суд под председательством Д. Исламовой нашел гипотетические доводы истца убедительными. И спустя десять лет после мелодраматической завязки принимается, повторяем, драматическое решение — выселить семью Ф. на все четыре стороны...

И пусть вторят десятки соседей, что Анна и Владимир вели общее хозяйство и общались, как положено истинным супругам. Пусть Михаил К. подтверждает, что он не стал покушаться при отъезде на общесемейные вещи, сохранив остатки джентльменства, и вряд ли за два года до ее нового брака прикидывал, кому бы уступить обиталище... Пусть он был далек от мыслей истцов о размене жилплощади — ведь у него в Тбилиси имелся в наличии новенький дом... Нет, никакие доводы и доказательства не поколебали недоверчивых судей. Как они прозаичны, никто из них даже не задумался: а может, в основе всего была, черт возьми, любовь?!

Но нет, несмотря на то, что подозрения никогда не служили доказательством, судьи остались при этих подозрениях. Невзирая на то, что решения нельзя строить только на основе одних лишь прикидок и предположений, они судорожно держатся за свои гипотезы.

Тут вспоминается герой одного сатирического романа, обладавший столь неумеренной подозрительностью, что после того, как он с кем-либо здоровался, обязательно пересчитывал пальцы на собственной руке. Забавно, но, в общем, достаточно безобидно. В отличие от местной Фемиды с увесистым безменом в карающих дланях. Баку.

ХОРОШИЕ ПЕСНИ НЕ СТАРЕЮТ

В киноэпопее «Великая Отечественная» есть несколько документальных кадров: матросы-североморцы во время передышки между боями поют только что написанную композитором Е. Жарковским песню «Прощайте, скалистые горы». Отложены автоматы; в руках одного из матросов гармошка... Песня была самым доходчивым и любимым жанром во время войны. Ее ждали. Хорошая песня с легкой, запоминающейся мелодией мгновенно обрела популярность. Песни Е. Жарковского особенно любили: их пели на фронте и в тылу. Но особенно благодарный отклик они имели среди военных моряков. ...9 мая 1975 года. У пьедестала памятника матросам — героям военной битвы в Североморске — авторы песни: композитор Е. Жарковский и полковник запаса Н. Букин. С волнением слушали они свою песню, созданную свыше 30 лет назад. Записанная на пленку, она теперь звучит здесь каждые полчаса. Мемориал без нее уже немислим.

Композитор Е. Э. Жарковский.

Хорошая песня вообще живет долго. — Но вот что интересно, — размышляет композитор, — по-другому звучат эти песни сейчас. Видимо, песням военных лет время добавило особую символику. В них наша история...

Более ста песен написал Евгений Эммануилович Жарковский в трудные военные годы. Среди них «Песня о гвардейском эсминце «Гремящий», «Морошка» (слова матроса, позже — писателя П. Фурманского, о летчиках-североморцах)...

Композитор и сегодня верен своей теме. Новые его песни — «Комиссары» и «Песня об океане» — тоже «морские».

Совсем недавно в Иванове, городе ткачей, с большим успехом прошла премьера новой оперетты Жарковского «Золотое веретено», которую композитор написал вместе с поэтом Мих. Владимовым.

Конфликт на ткацкой фабрике... Кажется, в оперетте такого еще не было? Гражданственная значительность темы, наличие глубокого художественного замысла, интонационное богатство мелодий привели авторов к бесспорному успеху.

Е. Э. Жарковскому 75 лет, а его творческие и жанровые поиски продолжают. Он ведет их с прежним молодым горением души.

Г. ГОГОТИШВИЛИ

Так случается нередко: маленькая заметка вызывает большую почту читателей. Так случается, когда журнал задевает читающих, что называется, за живое, когда личное отступает, а общественное волнует настолько, что становится глубоко личным. На заметку «Гадкий поединок» («Огонек» № 34, 1981 год) пришло немало откликов — и ни одного равнодушного. Равнодушными нельзя назвать даже те письма, авторы которых ставят проблему с ног на голову и делают это не то что-

невероятное. Смотрю в окно и вижу: черный песик, любимец всех детей нашего дома, ходит, как больной, покачиваясь, потом упал, старался подняться и не смог... Это было во втором часу дня. Дети шли из школы. Собрались, кто горько плачет, кто гладит, поднимает собаку, не зная, что на морде, может, сохранились следы яда... Что же это такое творится с нами? Как пробралась в наши города бесчеловечность тех ветеринаров, которые не учат содержать животных, а уничтожают любимцев детей и стариков?.. А главная беда — какое впечатление «угощение» произвело на детей? Противно человеческим отношениям все это...»

Вот такое письмо пришло из Москвы от Е. Петренко, жителя Ново-Рублевской улицы. «Гадкий поединок» — случай далеко не единственный, подтвердила читательская почта. Помните монолог Нины Заречной в «Чайке»? «Люди, львы, орлы и куропатки...» Письма читателей слились в монолог, страстный и глубоко человеческий. Все жизни, обитающие в современных городах, столь взаимовырученно сосуществуют, что не может быть и речи о расторжении прекрасного содружества старших с младшими по развитию разума. Давно социологию и экологию города характеризуют на-

учреждения... Невозможно не отметить, что исключительно рационалистическая точка зрения на содержание собак в городе крайне опасна в моральном отношении... Насильственное, принудительное изъятие «излишков» — факт аморальный, чреватый серьезными провалами в воспитании подрастающего поколения... Участились случаи агрессии соседей по отношению к одиноким содержателям домашних животных. Случаются массовые отстрелы собак в центре города (в Харькове была ранена стреляющим собаководом гражданка Слюнина). От подобных «мероприятий» недалеко до проявлений детского садизма, циничного отношения к собакам, вообще к животным. И так, проблема «животные в городе» куда сложнее, чем это кажется некоторым ведомствам. Мы просим принять закон об уголовной ответственности лиц, истязавших животных! От этого зависит уровень эстетического воспитания юных горожан и уровень национальной культуры в целом...»

Читатели пишут о том, что человеческое отношение к животным — это вовсе не «лирика» в кавычках, как думают собакобывистники. Учитывая действительную сложность проблемы, читатели призывают к ее обсуждению всех, кому не чужды вопросы воспитания, этики, экологии, культуры поведения и правила социального общежития, сняв та-

Письмо Л. М. Леонтьевой — достойный ответ, по существу, тем немногим нашим авторам, которые сочли возможным написать в редакцию нечто подобное: «Спасите нас от любителей животных, а от собак мы сами спасемся...» Более того, некоторые считают и собак, и кошек, и черепах, и рыбок непродуктивными! Ярлык «непродуктивное животное» бесчеловечен в принципе и опасен уже тем, что побуждает дерзнуть на хулиганский поступок: содрать шкуру с «непродуктивного». Недоумение вызвало у нас и письмо специалиста из Министерства здравоохранения РСФСР, главного эпидемиолога, профессора И. С. Безденежных, в котором автор напоминает, что решением Моссовета установлен определенный порядок содержания собак, в частности, их нельзя выпускать для свободного пребывания на тротуаре, нельзя их и прогуливать в скверах и парках... И т. д. и т. п.

Порядок — это хорошо, его надо неукоснительно соблюдать. Но в заметке, опубликованной в «Огоньке», речь шла о беспорядке, допущенном и допускаемом (о чем свидетельствуют письма читателей) службой ветнадзора, его руководителями. О беспорядке шла речь, товарищи! Не о том, что есть жестокие люди, бросающие собак на произвол судьбы, не о том, что бездомная собака может укусить, а о тех, кто нарушает профессиональную этику и трудовую дисциплину, разъезжая со своими удавками по улицам столицы днем. Им нужен укорот, ибо потеря человеческих достоинств наносит ущерб авторитету профессии — любой.

«Ловить или не ловить» — нет такого вопроса и быть не может. Высокий профессионализм — единственный залог поступков, достойных Человека. С этим согласны многие читатели. А в заключение приведем еще одно письмо, очень авторитетное. Его авторы — семья Образцовых:

«Приносим «Огоньку» нашу чрезвычайную благодарность за маленькую заметку «Гадкий поединок». Вопрос, в ней затронутый, актуальный и важный. Ловцы животных творят бесчинства, причем безнаказанно. Мне как общественному инспектору охраны природы почти ежедневно приходится сталкиваться с самыми разными фактами их жестокости в отношении животных. Как неоднократно заявлял мне начальник ветнадзора, изъятие животных должно происходить только «на заре» и не на виду населения. Тем не менее, очевидно, по его негласному приказу изымаются и даже нередко уничтожаются животные на глазах жителей. Восстановлению хоть какой-то справедливости в этом непростом деле надо помочь. Нельзя спокойно смотреть, как из рук детей и старух буквально вырывают их любимцев... К нашему сожалению, у нас предостаточно письменных заявлений от потерпевших.

Сергею Владимировичу очень понравилась заметка. Он сказал, что это важно и полезно. В борьбе за человека нужно быть храбрыми».

Мы разделяем мнение Ольги Александровны и Сергея Владимировича Образцовых, Помочь младшему, подопечному, беззащитному — первое движение души.

ПЕРВОЕ ДВИЖЕНИЕ ДУШИ

бы убедительно, но явно «заинтересованно». Хотя какой может быть интерес в беспардонном преследовании веками признанных друзей человека — домашних животных?

«Огонек» не раз затрагивал деликатную проблему содержания собак в городских условиях, поддерживая возмущение тех горожан, которые болезненно реагируют на случаи жестокого, безнравственного отношения к четвероногим друзьям. Вот и на этот раз небольшая заметка поведала о безобразном случае отлова собак среди бела дня, на глазах у прохожих. Был вновь поставлен вопрос о неэтичности подобных действий со стороны специальной службы ветнадзора. Хватать щипцами, опутывать сетками, ловить удавками заигравшихся собак, нередко с ошейниками, всегда прилюдно, часто на глазах хозяев, детей нельзя. Для отлова безнадзорных, больных животных есть иное время суток, как есть оно и для мойки улиц, переходов, мест общего пользования.

«Прочли маленькую заметку, как днем отлавливают собак. Целиком с ней согласны. Можем сообщить следующее. Приехала к нам в Рублево подобная машина, без удавок действовали, «гуманно»: встречных собак угощали мясом!.. Угостили и уехали. Уехали, не заботясь, что же дальше будет... А случилось

равне с другими факторами отношения горожанина к домашним животным.

Закон общежития предполагает, что все горожане обладают человеческим достоинством и терпимо относятся к домашним животным. Речь вовсе не о том, чтобы всех обязать любить собаку, — любить не заставишь. И не надо заставлять. Но помнить о том, что собака — она, а ты — человек, вот это помнить обязаны все. Во-первых, это гуманно, а во-вторых, не нами одомашнены десятки, сотни видов животных, в их числе есть и вполне «беспользные», но они-то как раз и делают, например, ребенка Человеком.

«Не к лицу человеку разумному, тем более жителю социалистического города конца XX столетия объявлять войну домашним собакам» — это из письма арзамасца Т. М. Азжеурова. Верно, не к лицу.

Вот что пишут в редакцию «Огонька» жители нескольких домов по улице Культуры (Харьков, всего семнадцать подписей):

«Насколько рационализм, рассуждения о «пользе» и «вреде» совместимы с жестокостью, неоднократно доказывала история человечества, и все же этические вопросы взаимоотношений с четвероногими обитателями городов берутся решать узковедомственные

ким образом решение судьбы четвероногих друзей с ведомств, которые выполняют план по очистке города от бродячих собак и сдаче их шкур в отделку...»

«Проходимцам нельзя доверять такую работу, — пишет П. Е. Харенков (г. Тихорецк) о случаях отлова бесхозных собак в дневные часы. — Надо наказывать тех руководителей городской ветслужбы, которые ради плана посылают на дневной отлов подобных «бармотологов»...»

Л. М. Леонтьева из Киева рассказала о знакомой, всеми уважаемой женщине, у которой «был маленький черный пинчер. Однажды произошло нечто ужасное: работник ветнадзора выхватил собаку буквально из-под ног хозяйки, когда женщина сидела на скамейке. И не отдавал собаку, отвечая на мольбы: «Получите в нашем учреждении...» Женщина, обогнав страшную будку, примчалась по адресу и стала свидетельницей, как ее пинчера привезли вместе с трупами замерзших собак (дело было зимой). Вернули четвероногого друга за немалую мзду, но выходить его, потрясенного случившимся, не удалось. Вскоре не стало и хозяйки: муж той женщины скончался через несколько дней от инфаркта». Нетрудно догадаться, — заключает волнуемую историю наша читательница, — какова одна из причин инфаркта...

«ОБЫКНОВЕННАЯ» ТРАГЕДИЯ...

Один известный писатель, выступая на телевизионном вечере в Останкине, рассказал о таком случае. Его пригласили на встречу с молодежью; ведущий сказал о нем, что он автор таких-то известных романов, повестей, рассказов; раздались вежливые аплодисменты. А потом были перечислены фильмы, поставленные по этим произведениям. И тут зал отозвался дружно, горячо... «Надо же, — отметил с легкой досадой писатель, — роман пишешь годами, вкладываешь в него силы, всю душу, а он оказывается достоянием меньшего количества людей, чем сценарий...»

Да, кино и особенно телевизионные экранизации собирают поистине миллионные зрительские аудитории. Для одних людей знакомство с литературным произведением потом так и остается в экранизированном варианте; у других рождается желание познакомиться с оригиналом, с первоисточником; поэтому в дни, когда идет телефильм, трудно найти в библиотеках книгу, по которой поставлена картина. И уж, конечно, не обходится без споров: в какой мере соответствует лента литературному оригиналу.

Зрителя надо звать, будить к пониманию литературного произведения. Думается, авторам экранизации «Американской трагедии» Т. Драйзера, литовским кинематографистам — режиссеру М. Гедрису, автору сценария П. Маркусу, актерам, занятым в картине, — это удалось. Четыре вечера, проведенные у экрана, стали для зрителей новой встречей с героями знаменитого романа, глубоко и всесторонне показавшего явления, типичные и сегодня для американской жизни.

Надо сказать, первая серия фильма была воспринята несколько настороженно: не станет ли фильм лишь детективной историей — расследованием убийства (или несчастного случая), а не глубоко социальной трагедией, позволившей автору обобщить ее, назвать «американской»?.. Ведь о романе Герберта Уэллса сказал, что это гораздо больше, чем простое и жизненное описание типичного бедного уголка американской действительности, освещенного вспышкой печальной трагедии... Она передает большую суровую, реальную правду с си-

лой, которой не может достигнуть никакая грамматическая точность.

Однако от одной к другой части телефильма опасения эти исчезали.

Безусловно удачен выбор исполнителя главного «героя» — Клайда Гриффитса. Молодой артист Г. Сторпиршис убедительно сумел прожить его экранную жизнь, показав и юношеское обаяние, и безволие, и безудержное тщеславие, и... подлость натуры. При этом надо отметить какую-то особую мягкость исполнения; отсутствие «педалирования», резкого выделения, акцентирования каких-либо черт характера. Он очень обыкновенный, не выделяющийся какими-либо достоинствами или пороками парень. Хотя с развитием действия все более очевидным становится желание Клайда пробиться в высшее общество, в мир богатых, власть имущих. Ради этого он терпит унижения и откровенное издевательство со стороны своих новых «друзей» — представителей «золотой молодежи». Ради этого он решается и на убийство Роберты.

Фильм вслед за книгой говорит не просто о трагедии Клайда Гриффитса. Фильм — о трагедии личности в обществе наживы, в обществе жестокости и индивидуализма. Потому так и названы роман и фильм — «Американская трагедия».

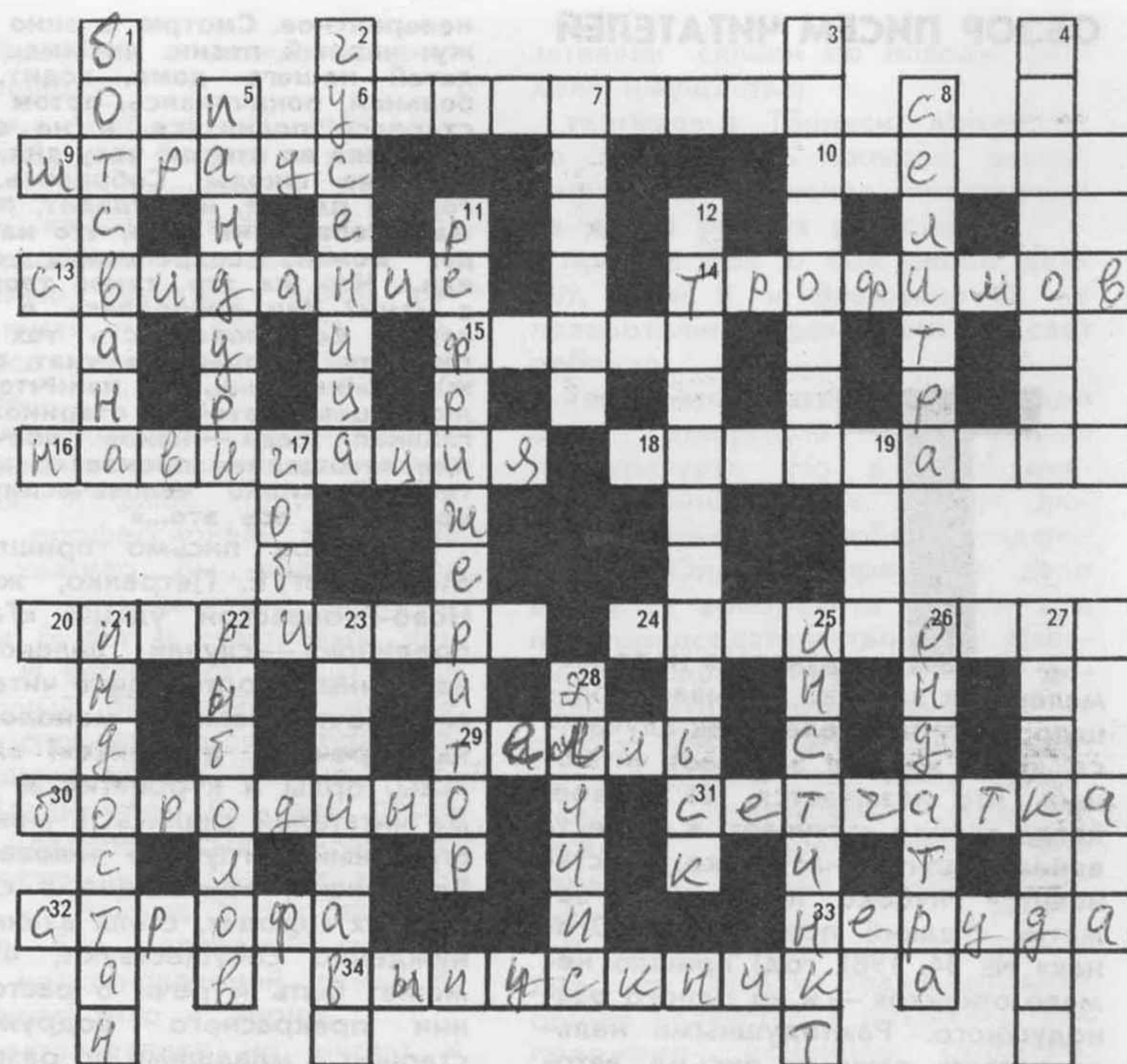
Картина подчеркивает мысль, что повинно в трагедии общество. Оно несет вину за случившееся.

Мы видим «благородное» негодование богатых семейств, узнавших о событиях на озере, но волнуются они не о судьбе парня. Заботит больше всего то, как бы их имя не попало в газеты.

Великолепно показан в фильме механизм суда. И обвинение (прокурор Мейсон) и защита (адвокат Джексон) думают отнюдь не о торжестве высшей справедливости, а лишь о том, что принесет каждому из них победа или поражение в процессе судебного разбирательства. Судья Клайда безразлична адвокатам так же, как и обвинителям. И думается, зрители по достоинству оценили работу двух мастеров литовского кино — Р. Адомайтиса и А. Масюлиса.

Нельзя не сказать об удачном дуэте молодых актеров Г. Сторпиршиса и А. Зары. Сцены Клайда и Роберты они проводят без мелодраматического нажима: видна умная, тактичная работа режиссера с молодыми актерами, определившая звучание нового произведения литовских кинематографистов.

Г. ДОБЫШ

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Устройство, механизм. 9. Австрийский композитор, скрипач и дирижер, автор вальсов. 10. Приток Волги. 13. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 14. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 15. Молдавская флейта. 16. Мореплавание, судоходство. 18. Пушной зверек. 20. Орнаментальный пассаж, украшающий мелодию. 24. Лесная певчая птица. 29. Герой оперы Д. Россини. 30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 31. Внутренняя оболочка глаза. 32. Повторяющееся сочетание стихотворных строк. 33. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 34. Учащийся последнего класса школы, курса вуза.

По вертикали: 1. Государство на юге Африки. 2. Замкнутая лента из звеньев в ходу транспортных машин. 3. Пластика в виде лопатки для нанесения грунта в живописи. 4. Рассказ М. Горького. 5. Грузинский струнный инструмент. 7. Планета Солнечной системы. 8. Минеральное удобрение. 11. Автомобиль, поезд, судно с холодильной установкой. 12. Город в Свердловской области. 17. Полоса пустынь в Центральной Азии. 19. Зодиакальное созвездие. 21. Полуостров на юге Азии. 22. Картина В. Г. Перова. 23. Японский город на острове Хонсю. 25. Совокупность врожденных реакций организма. 26. Пушной зверек. 27. Приток Колымы. 28. Овальная кривая линия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46.

По горизонтали: 3. Душанбе. 5. Борисов. 7. Пржевальский. 9. Бриг. 10. Арконада. 12. Нара. 13. Ваниль. 14. Страда. 15. Фольга. 17. «Пролог». 22. Плуг. 23. Оратория. 24. Трос. 25. Рокоссовский. 28. Рессора. 29. Амфибия.

По вертикали: 1. Самар. 2. Китри. 3. Дегтярев. 4. Ежевика. 5. Бульвар. 6. Валторна. 7. Погон. 8. Йонна. 10. Аллегро. 11. Артерия. 15. Фольклор. 16. Легар. 18. Литий. 19. Геология. 20. Максима. 21. Гравюра. 26. «Олеся». 27. Индия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Отличники боевой и политической подготовки гвардии сержанты Н. Пронченко и С. Комашня.

(См. в номере материал «Ракетчики».)

Фото А. Нагряльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сотрудники специального проектно-конструкторского отделения «Энергоаэротранс» демонстрируют новый воздухоплавательный аппарат «ЭЛАС-1».

(См. в номере материал «Заявка на полет».)

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.11.81. Подписано к печати 17.11.81. А 00462. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1790 000 экз. Изд. № 2840. Заказ № 1402.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото
В. ВЯТКИНА,
Г. НАДЕЖДИНА

«Афганистан сегодня: события и люди». Так называется фотовыставка, организованная Всесоюзным творческим фотографическим объединением Союза журналистов СССР. Ее авторы — фотокорреспонденты АПН и ТАСС Валерий Шустов, Владимир Вяткин, Георгий Надеждин, Виктор Будан и другие — представили зрителям фотоснимки, сделанные ими на территории Демократической Республики Афганистан в 1980—1981 годах, после начала второго этапа Апрельской революции.

В разных провинциях Афганистана сделаны эти снимки. Их главный герой — народ, который работает и учится, строит новую жизнь. Мирные, созидательные проблемы — они самые естественные для человека, естественные, как сама жизнь,

В одном из детских садов Кабула.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ФОТОГРАФИЯ

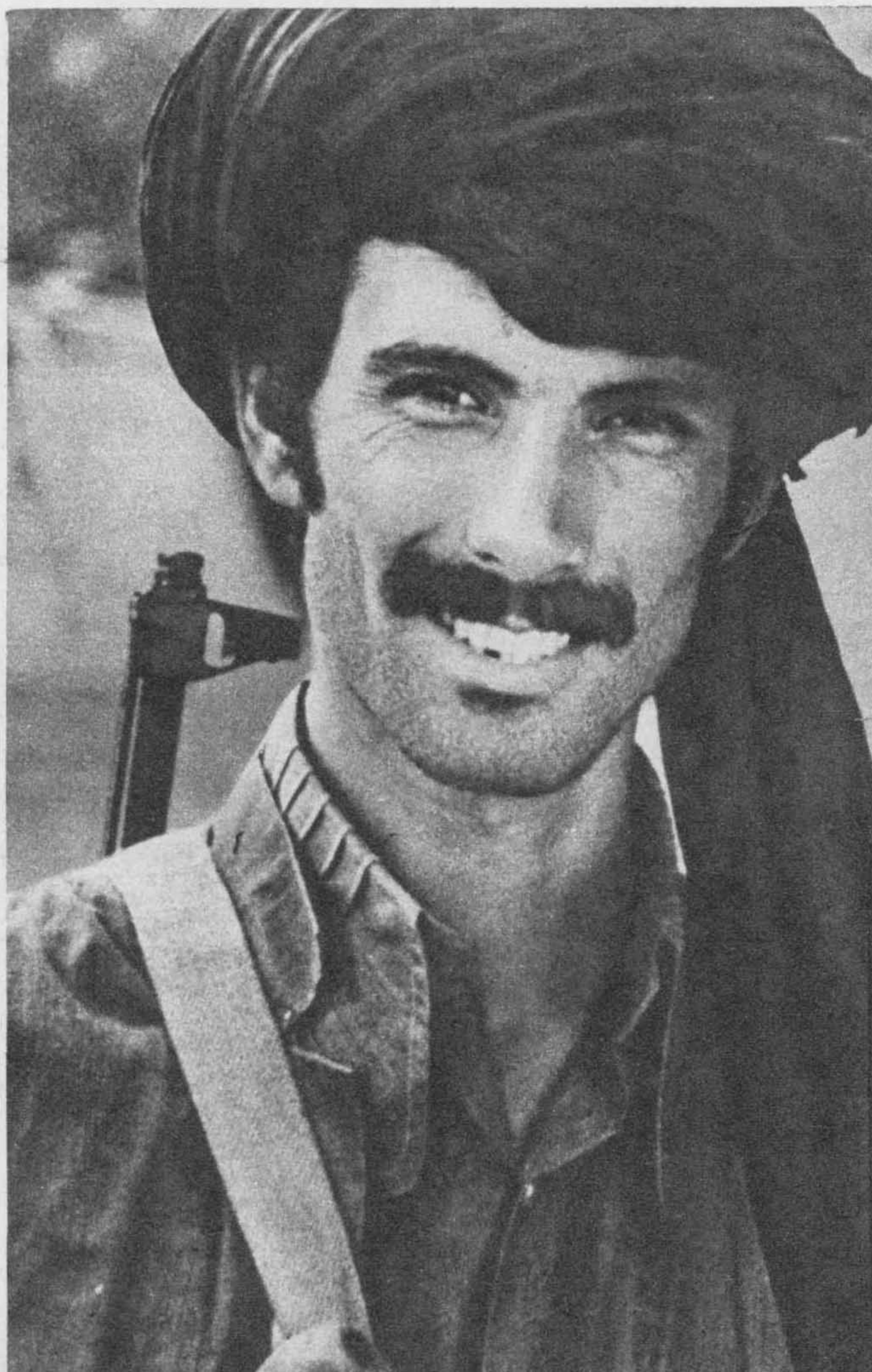
Боец народной милиции.

как улыбка на лице студентки Кабульского университета.

Но напоминает о себе и война, необъявленная война, которую развязал империализм против независимой республики, пытаясь преградить путь всему новому в жизни страны. Прорывается она вспышками выстрелов из засад на дорогах, грохотом гранат, брошенных бандитами в толпу на улице. Хорошо знают об этой войне афганские и советские хирурги, вместе ведущие борьбу за спасение жизней тех, кто пострадал от вылазок террористов.

Уже почти два года средства массовой информации Запада муссируют свое же собственное утверждение о том, что народная власть якобы не пользуется популярностью и поддержкой у народа Афганистана. Ответ по существу на это давно уже дал сам афганский народ — своим желанием и решимостью укреплять независимое государство и бороться против тех, кто этому мешает. Фотовыставка «Афганистан сегодня: события и люди» — еще одно документальное тому подтверждение.

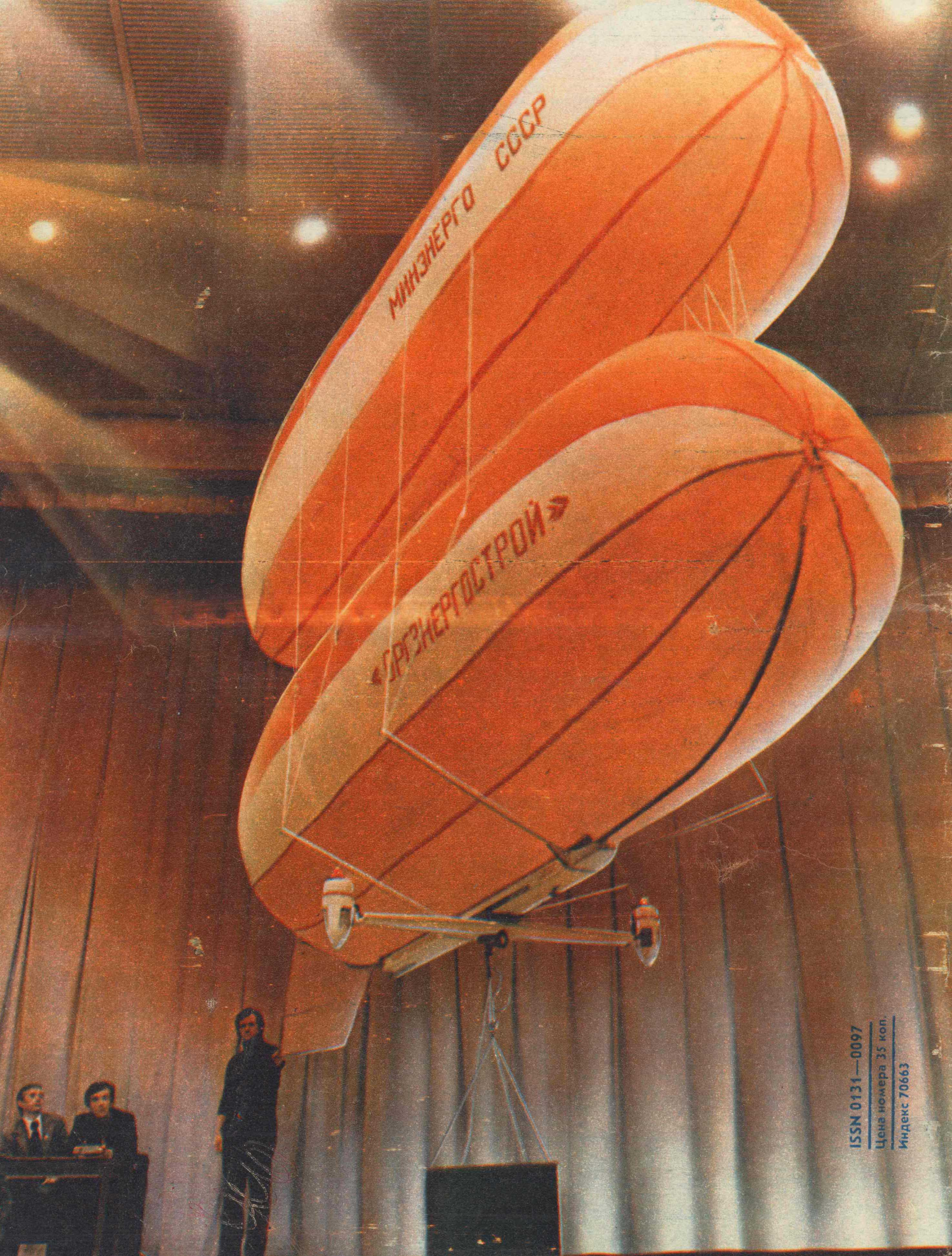
А. СОКОЛОВ

Юность страны.

Оружие и боеприпасы, отнятые у бандитов.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663